

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ
**СВЕТ
НАД ТАЙГОЙ**

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАНОВСКИЙ

СВЕТ НАД ТАЙГОЙ

Научно-фантастические повести и рассказы

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1982

84Р7
М69

Рецензент книги
Иван Черных

М $\frac{4700000000-086}{078(02)-82}$ 091—82.

© Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

СВЕТ НАД ТАЙГОЙ

Рассказ

Над тайгой струился свет.

Нет, это не был свет зарн. Это не был свет заходящего или, наоборот, рассветного солнца, к которому планета, хотя и юная по возрасту, успела привыкнуть за миллионы лет. Не был это и рассеянный зодиакальный свет, таинственная эманация далеких звезд.

Источник света над девственной первобытной тайгой, относительно невысокий, всего в нескольких тысячах километров над поверхностью планеты, непрерывно приближался, будто влекомый неодолимой силой: свет над тайгой разгорался все ярче.

Среди ночи в пустынном небе над тайгой, которая еще совсем не походила на современную, расцвел серебристый цветок, затмивший своим сиянием окрестные звезды.

Дрожащие блики заплясали на разлапистых листьях папоротника и хвоща, на мохнатых верхушках вековых кедров, на змеевидных лианах, обвивающих стволы.

Свет на тайгой ширился, победно заполняя пространство.

Каждая травинка, каждый куст стали видны в резком, беспощадном свете.

Из-за перистых облаков, чьи закраины вспыхнули словно подпаленные, вынырнула серебристая сигара. Поверхность ее при прохождении сквозь мощный атмосферный слой планеты раскалилась настолько, что светилась, будто внезапно вспыхнувшая сверхновая звезда.

Корабль несясь подобно обезумевшему лесному зверю, подстреленному охотником. Экипаж предпринимал усилия, чтобы с помощью поврежденных приборов хоть немного выровнять курс и не дать кораблю врезаться в гору. Кто же мог предположить, что планета, к которой они решились направить курс, окажется со столь чудо-

вишно огромной гравитацией? Впрочем, честно говоря, выбора у них не было.

Через некоторое время тайга под кораблем исчезла. Корабль инопланетян неся теперь над морем, с каждым мгновением теряя высоту.

Ильпатыне, вконец выбившиеся из сил, переговаривались короткими, отрывистыми фразами.

— Высота — двести пятьдесят метров, — сообщил по трансляции штурман.

— Всем закрепиться в ячейках! — скомандовал капитан. Его гулкий сигнал прозвучал в отсеках корабля.

От внутренних поверхностей отсеков несло невыносимым жаром. Главным прибором стал теперь высотомер. Его вздрагивающая стрелка продолжала неуклонно опускаться. Наконец она уперлась в «зеро». Снаружи донесся оглушительный всплеск. Корабль сильно потрянуло и несколько раз подбросило, после чего он плавно закачался в какой-то упругой среде.

Ильпатыне недоуменно переглянулись. Они ожидали чего угодно, но только не этого...

Прошло несколько томительных часов, прежде чем они решились отдрать выходной люк.

Взорам пришельцев предстало удивительное зрелище. Вокруг, насколько хватал глаз, расстилось... море.

Моря, впрочем, им никогда видеть не доводилось, поэтому и подобное слово в языке ильпатын отсутствовало.

Изгибающиеся упругие валы, выстраиваясь один за одним бесконечной чередой, убегали до самого горизонта. Кое-где на их верхушках кучерявилась белая пена.

Зрелище неустойчивого, вечно колеблющегося мира было столь жутким, что даже неустрашимый капитан в первое мгновение попятился. Но быстро взял себя в руки, заметив, что на него выжидающе смотрит весь экипаж. Необходимо было действовать, и незамедлительно.

Море лениво колыбалось под щедрым солнцем. Вальы двигались шеренгами, как на параде.

Ветер был хоть слабоват, зато постоянен. Он добросовестно выгнул крупнозернистое полотно паруса, и легкое рыболовецкое суденышко шло резво, почти не рыская. За кормой оставался узкий пенный след, который долго не таял.

На борту пахло нагретой смолой, кое-где проступившей на надраенной палубе, рыбьей чешуей, морским йодом. Еле ощутимо пахли две-три подсохшие морские водоросли, зацепившиеся за леер и чудом уцелевшие после утренней уборки.

Парень в майке и шортах, устроившись на бочонке, задумчиво подкручивал ВЭФ, и музыка с обрывками речи, которая сыпалась из динамика, казалась неотъемлемой частью окружающего мира. Взгляд парня был невидяще устремлен на далекую кромку берега, подернутого дремотной синеватой дымкой.

Второй из экипажа, старый рыбак, по известным ориентирам следил за курсом, время от времени подправляя его легким поворотом штурвала. Лицо рыбака, продубленное ветрами и непогодой, было спокойным. Глубокие морщины придавали ему суровость, явно контрастировавшую со смешинками, которые так и прыгали в зорких по-юношески глазах.

— Вот здесь бросим якорь, — сказал старый рыбак.

Парус затрепыхался на ветру, словно рыба, вынутая из воды.

— Это и есть, Леонид Сергеевич, лучшее место для подводной охоты? — откликнулся парень, поднимаясь с бочонка. ВЭФ, щелкнув, смолк...

— Оно самое, — подтвердил старый рыбак. — Давай облачайся. Посмотрим, кто больше промыслит.

— Посмотрим, — улыбнулся парень, не спеша натягивая ласты.

— Только учти, — сказал старый рыбак, щурясь на солнце. — Там, на дне, ты можешь наткнуться на впадину. Огромную впадину древнего происхождения. В ней иногда попадают электрические скаты. Я сам их встречал.

Парень беспечно махнул рукой.

— Навидался я их, этих скатов, по разным морям. Могу сказать одно: для человека скат — создание безобидное. Слишком слаб его заряд.

— Скаты разные бывают, — покачал головой старый рыбак. — Иной так приложит — только держись.

— Рассказни.

— Мое дело предупредить, — многозначительно усмехнулся старый рыбак.

Они надели костюмы для подводной охоты, взяли ружья и, взобравшись на невысокий борт судна, почти одновременно плюхнулись в море. По воде пошли концентрические круги, посудина закачалась.

* * *

Пусть это была и не катастрофа, но авария оказалась достаточно серьезной. Она послужила причиной того, что их корабль вынужден был причалить к третьей планете, которая оказалась к ним ближе всех в момент роковой встречи ракеты с метеоритным потоком.

Метеориты настолько изрешетили внешнюю обшивку корабля, что о дальнейшем полете не могло быть и речи.

Корабль, погрузившийся на три четверти, беспокойно покачивался на волнах. Ильпатыне с опаской поглядывали в круглые иллюминаторы на беспокойную, вечно колышущуюся стихию. Щуря веки от ослепительного здешнего светила, они с тоской вспоминали родную далекую Ильпану.

Чтобы заделать пробоины, восстановить корабль, нужен был металл.

— Чтобы выплавить металл, нужно достичь берега, — сказал штурман.

— Я думал об этом, — ответил капитан. — Но корабль наш совершенно утратил способность перемещаться из-за повреждений.

— Замкнутый круг! — заметил помощник капитана.

Члены экипажа не без трепета прислушивались к разговору. Все понимали, что в эти мгновения решается их судьба.

— Попытаемся разомкнуть этот круг, — произнес штурман после продолжительной паузы, и остальные приободрились. Штурман слыл неистощимым выдумщиком, и его изобретательность в полете не единожды выводила их из критических ситуаций.

— Призовем на помощь логику, — продолжал штурман. — Чтобы раздобыть руду, необходимо достичь берега. Когда мы пролетали над этими самыми зарослями в северной части планеты, все приборы показывали, что под кораблем — небывалые залежи руд. Чтобы достичь берега, нужно в каком-то направлении пересечь волнистую жидкость. — С этими словами штурман с отворачиванием ткнул щупальцем в иллюминатор, и все, как по команде, посмотрели на бесконечную морскую гладь.

— Но ильпатьяне не умеют плавать, — произнес кто-то.

— Кроме горизонтального перемещения, жидкость допускает еще и вертикальное, — спокойно сказал штурман, когда шум голосов немного утих. — Погружаясь, можно попытаться достигнуть дна. Сделать это просто — достаточно взять с собой груз. В нужный момент балласт выбросить — и ты поднимешься на поверхность. Я тут сделал кое-какие прикидки и выяснил, что на погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной жидкости в объеме данного тела. Нужно поискать на дне руду и доставить ее на корабль. Здесь выплавить из нее металл пара пу-
стяков.

Капитан спросил:

— Есть добровольцы?

Ни одно щупальце, очень похожее, впрочем, на руку землянина, в ответ не шелохнулось. Даже самые храбрые стушевались — слишком уж необычными были условия на этой планете, в царстве воды.

— Что ж, на дно отправлюсь я, — сказал штурман и сделал шаг вперед.

— Выбери себе помощника, — предложил капитан.

— К чему? — развел рукощупальцами штурман. — Если есть на дне руда — я и сам справлюсь. А если ее нет...

«Интересно, есть ли жизнь в этом океане?» — подумал штурман, подходя к борту. Он собрался с духом, поправил груз, ремнями привязанный к спине, и бултыхнулся в воду.

Погружение шло быстро, и столь же быстро вокруг темнело: лучи не могли пробить водяную толщу. Время от времени вдали мелькали серые тени. Может быть, живые существа? Давление водяной толщи сначала вызывало неприятные ощущения, но штурман включил адаптационное устройство, и все прошло.

Через какое-то время он ощутил под щупальцами твердую почву. Сделал несколько шагов, огляделся. Обычная видимость была нулевой, пришлось включить инфравидение. Примитивные водяные растения преграждали путь, протягивая навстречу бесцветные лепестки. Он сорвал один, наскоро исследовал. «Примитивная жизнь на клеточной основе», — отметил на всякий случай в памяти.

Что ж, надо приступать к работе. Штурман включил шуп и двинулся в путь по спирали, распростертой на дне. Чувствительный индикатор молчал — руды под ним не было. Впрочем, штурман и не рассчитывал на быстрый успех...

Неспешно тянулись часы. Штурман описывал круг за кругом, неумоимо работая щупальцами. С каждым кру-

гом он все более удалялся от центра, в качестве которого принял огромный валун, проросший мхом. Радиус удаления перевалил за километр, потом за два, за три... Щуп молчал. «Без руды возвращаться нельзя. Корабль, изрешеченный метеоритами, на поверхности океана долго не продержится. Любая мало-мальски сильная волна захлестнет его, и он пойдет на дно».

— Странный мир, — вслух подумал штурман, представляя тяжелеющие щупальца. — И, во всяком случае, юный: высших форм жизни здесь еще нет. У этого мира все еще впереди. А там, за линией берега?..

И он вспомнил синее раздолье, прорезанное лентами рек.

Последние часы штурман шел в каком-то забытьи. Идти было все труднее — аккумулятор, питавший адаптационное устройство, начал садиться. Видимо, таково было воздействие морской среды.

Наступив на что-то круглое и подвижное, штурман чуть не упал. Вздывая тучи ила, из-под ног вырвался плоский скат. «Здесь есть и живые существа, — отметил штурман, провожая взглядом перепуганную рыбину. — Но опять-таки примитивные». Инфразор подсказал ему, что в теле рыбы нет даже костной ткани — только хрящи, а тело покрыто шипообразной чешуей.

Сигнал! Слабые признаки магнитной руды! Штурман даже подпрыгнул от радости, израсходовав при этом значительную толику оставшейся энергии. Вопрос теперь в том, на какой глубине руда залегает. Он начал из всех сил разрывать щупальцами почву и вдруг почувствовал, что слабеет. Увлеченный поиском руды, он проворонил момент, когда аккумулятор начал иссякать. Теперь этой энергии не хватит даже на обратный путь...

Штурман шел по инерции. Шел медленно, словно во сне. Спугнул еще трех-четыре скатов, улепетнувших от незваного пришельца.

Над океаном вставал рассвет. Багровое небо на

востоке казалось огромным глазом, налившимся кровью.

Корабль ильпатын медленно погружался, несмотря на то, что экипаж постарался кое-как заделать пробоины. Вода просачивалась, и ее не успевали вычерпывать.

Бортник внешней площадки корабля почти сравнялся с беспокойной водной поверхностью. «Если налетит шквал — нас зальет, и мы сразу пойдем ко дну», — подумал капитан. Он прохаживался по площадке и вглядывался в водную поверхность. Но океан был пустынен... Прошло больше полутора суток — штурман не показывался. Значит, он погиб. Погиб там, на неведомом океанском дне, пытаясь спасти ильпатын, попавших в беду.

Штурман замедлил шаги, потом остановился. Энергия аккумулятора подходила к концу. Поворачиваясь вокруг своей оси, ильпатынин изо всех сил вглядывался с помощью инфразора в окружающее пространство, чтобы отыскать хоть какую-нибудь лазейку к спасению. Недалеко от места, где он находился, дно начало резко понижаться. Это была огромная яма — естественное углубление. В середине ее штурман обнаружил притаившегося ската. Размеры рыбы поразили штурмана — длина ее достигала девяти метров. «Вес рыбы не меньше четырех тонн», — на глазок прикинул ильпатынин.

Пораженный неясной еще мыслью, штурман замер, чтобы раньше времени не спугнуть ската. Затем начал медленно, сантиметр за сантиметром, подкрадываться к рыбе. Скат беспокойно шевельнул мощным плавником, но было поздно. Ильпатынин успел наброситься на него и крепко обхватил щупальцами упругое, бешено бьющееся тело ската. Вот когда пригодился груз, предусмотрительно, с запасом захваченный на дно штурманом!

После десятка-полутора минут отчаянной борьбы скат начал изнемогать. Движения его стали вялыми,

слабыми. Штурман приступил ко второй части задуманного им плана. Он решил использовать клетки ската... для генерирования электричества! Перед этим ильпатынин с помощью инфразора внимательно исследовал внутреннее строение рыбы. Под плотной ее оболочкой располагались наложенные друг на друга студенистые диски — числом около четырехсот. Отсюда, от этих дисков, рассудил штурман, всего один шаг до элементарного генератора электричества. Этот генератор должен действовать наподобие простейшего вольтова столба, представляющего собой, например, цинковые или серебряные пластинки, переложенные влажным сукном. Такой столб может давать, как известно, достаточно мощный электрический ток.

Остается соответственно перестроить клетки ската. К счастью, с начатками генной инженерии ильпатынин был знаком — недаром он носил прозвище изобретателя.

Необычная операция прошла успешно.

Через несколько часов, дав оглушенной рыбе возможность прийти в себя, штурман осторожно протянул щупальце и коснулся ската. Живительный ток пронзил все его существо, придав ему силу и упругость, и заставил ильпатынина радостно встрепенуться. «Более двухсот вольт. Этого достаточно», — с удовлетворением констатировал он.

Дальнейшее было просто.

Из нескольких своих щупалец он соорудил подобие сети, чтобы не упустить драгоценного ската. С помощью оставшихся свободными щупалец пришелец принялся осторожно извлекать руду.

Через несколько суток нужное количество руды заменило балластную массу, с помощью которой ильпатынин удерживался на дне. Груз оказался немалым, и поднять его было непросто. Штурман, однако, сообразил — с помощью открытого им правила, которое много позже люди назовут законом Архимеда, — что груз

можно поднять с помощью пузыря из непроницаемой пленки, достаточно только его наполнить воздухом.

Штурмана теперь волновало другое: как поступить с перестроенным скатом? Ведь он, ильпатынин, вмешался — ни много ни мало — в естественный ход эволюции на этой планете. Он мог положить начало новому виду рыб, обитающих в здешнем океане, — электрическим скатам. А вдруг этот вид рыб исказит ход эволюции? Вдруг скаты, оснащенные новым, невиданным оружием — электричеством, станут уничтожать другие, уже возникшие виды живых существ?

Что же делать?

Убить, уничтожить электрического ската, который беспокойно трепыхался в его щупальцах? Жаль! Он с таким вдохновением, с таким мастерством провел сложнейшую, тончайшую операцию рыбьего тела на молекулярном уровне.

Может, все-таки оставить ската? Что ж, пусть он положит здесь начало новому виду электрических рыб. Все равно это может случиться когда-нибудь из-за простой игры случая.

Штурман разжал щупальца. Скат несколько мгновений помедлил, не веря в свободу, затем рванулся и исчез среди колышущихся водорослей.

Штурман, отягченный грузом жизненно необходимой для ильпатын руды, придерживая в щупальцах импровизированный пузырь с воздухом, медленно поднимался вверх. Он пронизывал водяные толщи, и с каждым километром вокруг чуть-чуть, еле уловимо светлело.

Мог ли знать инопланетный пришелец, что удивительные рыбы, насыщенные электричеством, будут тревожить своей загадочностью мысль разумных существ Земли — людей — сразу после возникновения на планете первых цивилизаций?

Ни одна из великих цивилизаций не оставит без внимания странные существа. Электрические скаты будут рисоваться на вазах древними этрусками, римляне уве-

ковечат загадочных рыб в своей мозаике, а египтяне и греки — в мифах и сказаниях.

Древние греки будут убеждены, что электрический скат способен «зачаровывать» не только других рыб, но и рыбаков. Восхищенные ораторским искусством Сократа, который покорял своих слушателей, они сравнивали его — по силе воздействия — с электрическим скатом...

Конечно, штурман не мог этого знать. Да и мысли его, честно говоря, были заняты другим. Через некоторое время слои горько-соленой воды стали совсем светлыми. Это означало, смекнул он, что океанская поверхность очень близко.

Вскоре над ним показалось вытянутое эллипсовидное пятно, в котором штурман без труда узнал днище родного корабля, который покачивался на волнах.

* * *

...Каждый член экипажа, выполнив возложенные на него предстартовые обязанности, закреплялся в своей ячейке, защищающей тело от перегрузок.

Время, как всегда перед стартом, тянулось невыносимо, одно мгновение сменялось другим с томительной медлительностью.

Корабельные двигатели, до отказа заряженные, довольно урчали. Они напоминали норовистых коней, которые в нетерпении перебирают копытами, ожидая лишь сигнала жокея, чтобы рвануться вперед.

Сигарообразный корабль, поблескивая новенькими заплатками из только что выплавленного металла, покачивался лениво на волнах, словно и неведомы ему были космические просторы и плавать для него — самое обычное дело.

Капитан и штурман стояли у открытого люка.

— Последние наши минуты на этой планете... — сказал задумчиво капитан.

— Удивительная планета, — откликнулся штурман после паузы, глядя в морскую даль.

— Что ты имеешь в виду?

— Она напоминает мне младенца, который обещает вырасти в сказочного великана. У этой планеты большое будущее, которое предугадать невозможно.

Солнце почти скрылось, и над морем начала быстро сгущаться тьма.

— Не исключено, что наши потомки, прилетев сюда, встретятся с высокоразвитой цивилизацией, — произнес капитан.

— А знаешь, мне грустно расставаться с этой планетой, — неожиданно сказал штурман, взявшись за скобу.

— Мне тоже.

Капитан, как и положено, вошел в корпус корабля последним. Он закрыл за собой люк и тщательно задрал его.

И вот корабль медленно, словно нехотя, поднялся над первобытной морской зыбью, опираясь на четыре огненных столба. Вода под ним забурилась, и тяжелые клубы пара поползли во все стороны.

Корабль летел над морем навстречу ночи. Он неуклонно набирал высоту, вгрызаясь в душную атмосферу.

...А там, впереди, прямо по курсу, над вековой тайгой, где успела наступить ночь, вдруг завиднелось. Поначалу легкий свет струился неизвестно откуда. Вскоре он разгорелся в яркий, почти ослепительный.

Свет исходил от корабля инопланетян, который трудолюбиво карабкался в зенит. Зарево щедро заливало зеленое буйство тайги, но не было разумных глаз, которые видели бы источник его, не было на молодой планете еще носителей разума, которые сумели бы осмыслить свершившееся — то, что спустя невообразимую бездну времени люди назовут величественным и простым словом «контакт». Контакт с инопланетным разумом...

Свет над тайгой, достигнув невыносимой степени яркости, начал таять. Померкли кедрачи, похожие на огромные мохнатые свечи. Погрузился во мрак кустарник.

Тайга снова погружалась в спячку. До возникновения цивилизации было еще далеко, очень далеко...

Вскоре корабль ильпатын превратился в крохотную звездочку, которая бесследно растворилась в бархатном небе Земли.

* * *

Легкое суденышко, поставленное на якорь, покорно ждало двух рыбаков, увлеченных подводной охотой.

Первым из воды показался старый рыбак. Когда он, сбросив маску и отфыркиваясь, подплыл к бортику, солнце успело уже пройти немалый отрезок пути к горизонту, но оставалось еще достаточно жарким.

Пожилой рыбак, отдыхая, несколько минут побыл в теплой прозрачной воде. Одной рукой ухватился за борт, в другой держал снятую маску. Ветерок приятно обвевал разгоряченное, влажное от пота лицо. Духовое ружье празднично висело за плечами, садок, привязанный к поясу, был почти пуст. Он жадно, полной грудью вдыхал солоноватый воздух.

«Годы берут свое», — грустно подумал он и не без труда перевалился через борт. Свои трофеи — несколько небольших отловленных скатов — он осторожно вывалил из садка в ведро с морской водой, загодя приготовленное. Несколько минут наблюдал, как плоские рыбы, лениво шевеля плавниками, осваивают новое помещение, дарованное им судьбой.

Духовое ружье он брал больше для проформы, чтобы избежать ненужных расспросов рыбаков из окрестных деревень.

Оставляя на палубе лужицы от мокрых ластов, он

прошел к рубке и, раскрыв толстый истрепанный блокнот, неторопливо сделал в нем какие-то записи.

Старый рыбац — так привыкли называть его за долгие годы жители окрестных рыбацких поселков — сделал несколько шагов по палубе и с наслаждением растянулся на горячих от солнца досках. Он поджидал замешкавшегося на глубине молодого приятеля, которого пророчил себе в помощники и собирался сегодня посвятить в дело своей жизни.

Парень вынырнул довольно далеко от судна. Сердитыми саженками он доплыл до борта и резким движением перемахнул через него, едва не опрокинув посудину.

Старый рыбац, он же один из крупнейших биологов страны, Леонид Шашников, с усмешкой наблюдал за парнем. Он-то сразу смекнул, в чем дело.

— С боевым крещением, Сева? — спросил он.

Парень, что-то буркнув в ответ, швырнул пустой садок на покатуую крышу рубки. Рука его потянулась к ВЭФу.

— Сильно досталось? — не отставал Шашников.

— Я разыскал эту впадину, о которой ты говорил, будь она неладна! — горячо проговорил парень. Приемник так и остался невключенным. — И залез в нее.

— Я так и думал.

— И я увидел там ската невиданных размеров, разрази меня гром! — продолжал парень. — Он был больше, чем...

— Знаю.

— Я не выдержал, подплыл и коснулся его. Скат неповоротлив, почти неподвижен. Мне показалось, что он страшно стар... Меня ударило напряжение больше чем в двести вольт!..

— Двести десять, я замерял. Молодец, ты хорошо определяешь силу разряда без помощи приборов, — сказал старик, с радостью отметив про себя, что не ошибся в парне.

— Послушай, Леонид Сергеевич, чем тебя так привлекают скаты? Я же не слепой, я вижу...

— Электрические скаты — уникальное создание земной природы. Единственное исключение в живом мире нашей планеты.

— И что?

— Я не могу отделаться от мысли, что с ними связана какая-то великая тайна. Быть может, она связана с методом перестройки живой клетки. Научившись перестраивать клетку, человечество придет к бессмертию!

— А откуда скаты берут электричество?

— Есть у меня своя теория. Садись-ка поближе и слушай...

ЭСТАФЕТА

Повесть

Поверхность Эльдары — планеты, затерявшейся в центре Галактики, — была резко пересеченной, гористой. Ущелья и пропасти пересекали ее во всех направлениях: с юга на север, с востока на запад. Быть может, именно по этой причине главным способом передвижения для существ, населяющих Эльдару, издревле стали прыжки. Попади сюда люди, они назвали бы Эльдару, вероятнее всего, планетой кузнечиков. Но людям до космических перелетов было еще очень и очень далеко...

Жесткокрылые эльдаряне, отталкиваясь от почвы мощными задними конечностями, прыгали на расстояния, огромные по сравнению с их собственным телом. Эволюция не подарила этим существам крыльев, пригодных для полетов. Эльдаряне могли лишь, раскрывая их в прыжке, регулировать его направление.

Гармонично сложенные, стремительные эльдаряне каждую минуту, свободную от дел, отдавали любимой утехе — прыжкам. Каждую луну устраивались состязания в прыжках на дальность, и победитель удостаивался высших почестей. Поселение, в котором он жил, полностью освобождалось от налогов, а статуя прыгуна, вытесанная из горного камня лучшими мастерами, устанавливалась на главной площади селения.

После того как эльдаряне открыли принцип реактивного движения, они приступили к освоению окрестного пространства. Их цивилизация быстро набирала силу, космические корабли становились все более совершенными.

Однако по своей планете они передвигались, как и тысячи лун назад, самостоятельно, без помощи самодвижущихся экипажей и других технических приспособлений. Среди многоярусных куполообразных зданий, сре-

ди замысловатых строений, окутанных паутиной антенн, эльдаряне по-прежнему перемещались с помощью огромных и точных прыжков.

Жизнь на Эльдаре шла своим чередом. Строились новые жилища, все более высокие и совершенные, возделывались поля — крохотные клочки среди скал, стартовали в пространство корабли.

Эльдаряне, однако, понимали, что в центре цивилизации должны находиться они сами, а не машины, не корабли, не технические новшества. Потому и старались они пребывать в нерасторжимом единстве с природой. Стартовые площадки для космических кораблей были вынесены далеко за пределы атмосферы, чтобы не загрязнять ее выхлопными газами. Там же, на спутниках, располагались фабрики и заводы.

Нужно ли удивляться тому, что главным способом передвижения эльдарян по родной планете по-прежнему оставались прыжки?

Как всегда, каждую луну устраивались состязания на дальность прыжка, но с течением времени рекордов в этой области становилось все меньше. Наступил момент, когда они и вовсе иссякли.

Эльдарские ученые пришли к выводу, что дальше определенного предела, который уже достигнут, никто, как ни старайся, прыгнуть не сумеет. Для каждого живого существа, рассуждали они, существуют некие определенные рамки, поставленные самой природой.

Но тут во время одного из состязаний произошло событие, которое опрокинуло все их расчеты и теории. Дата этого события вошла в историю Эльдары как одна из величайших вех...

Да, в жизни планеты это было событие, равное по значению, как считали сами эльдаряне, созданию первого космического корабля.

Во время очередного ежелунного состязания один из эльдарян, доселе безвестный, сумел прыгнуть на рас-

стояние, более чем вдвое превышающее самый последний рекорд дальности!

Счастливым прыгун сразу же стал самым знаменитым среди всех эльдарян на планете. Для своего прыжка ему удалось придумать способ, которому он тут же и обучил всех остальных. Изобретенный им метод прыжка был прост, как и все гениальное. И научиться прыгать вдвое дальше, чем обычно, мог любой — от малыша, который только осваивает под присмотром мамы первые прыжки, до глубокого старца, доживающего последнюю луну.

Прыгун-изобретатель был увенчан почетным венком и навсегда вошел в историю планеты.

Его именем эльдаряне решили назвать самый большой космический корабль, который только что был заложен на дальних стапелях. На этом корабле предполагалось совершить путешествие к окраине Галактики.

Так далеко эльдаряне еще не залетали. Имя корабля и должно было символизировать смелый прыжок в еще не изведенные глубины космоса.

Подготовка к сверхдальней экспедиции шла успешно. Эльдаряне замыслили добраться до Желтой звезды, расположенной на окраине их Галактики. Ученым планеты удалось определить, что температура поверхности звезды составляет пять тысяч градусов. Предполагалось, что Желтая звезда имеет планетную систему, которая и заинтересовала эльдарских ученых.

Наконец корабль был собран на монтажной площадке, обращаящейся вокруг Эльдары.

Наступил день старта.

Возбужденные толпы эльдарян глазели на небо, на узкое тело остроносого серебристого корабля. В оптических приборах местные жители не нуждались — их фасеточное зрение было достаточно острым.

Когда стемнело и зажглись первые звезды, высоко в небе вспыхнуло новое продолговатое светило. Из хвоста его вырывался ослепительный шлейф. Немного по-

медлив, новая звездочка двинулась в путь, наращивая скорость, и вскоре утонула в пучинах пространства.

Достигнет ли корабль цели? Что встретит его в пути? Возвратится ли он на Эльдару? Не было на планете провидца, который сумел бы ответить на эти вопросы.

Откуда было знать эльдарянам, что тех, кто отправился в полет, включая и капитана, знаменитого прыгуна, чьим именем — неслыханная честь! -- назван корабль, — что всех их без исключения ждет высокая судьба?..

...Это была необычная ночь.

Пелопоннесские пастухи, выпасавшие стадо на высокогорном плато, увидели в небе звезду, которая внезапно вспыхнула, словно появившись из небытия, и начала быстро приближаться к земле.

Пастухи расположились вокруг жарко пылавшего костра — ночью в горах бывает прохладно. Кто-то пустил по кругу козий мех с вином, фалернское развязало языки, слышались шутки, смех.

Поодаль лежали овчарки и не мигая глядели на языки пламени.

Тут-то и заметил кто-то, глянув ввысь, крохотное солнце, вынырнувшее из небесных глубин.

— Чья-то душа неприкаянная мается, — вздохнул старый пастух.

— А может, это Гелиос на колеснице? — добавил кто-то.

Невежду подняли на смех. Кто же не знает, что Гелиос-Солнце мчится по небу только днем, отчего и бывает светло!

Самый юный пастух, который пристальнее всех всматривался в небо, сказал:

— Звезда летит к земле так быстро, как олимпийский чемпион!..

— У тебя, Пелоп, только одно на уме, — строго оборвал его старый пастух. — Только бег, да прыжки,

да рекорды. Возьми лучше посох, кликни псов да проверь стадо, как бы козы не разбрелись.

Юноша резво вскочил, словно лист, поднятый порывом ветра. Остальные против воли залюбовались тонким широкоплечим Пелопом.

— Клянусь Зевсом, Пелоп станет великим атлетом. Вся Греция будет им гордиться, — сказал негромко старый пастух, глядя вослед бегущему юноше.

Корабль эльдарян финишировал удачно. Пролетев в опасной близости от огромного горного пика, он мягко приземлился в ущелье. Взяв предварительные пробы атмосферы и убедившись, что она неядовита, эльдаряне высыпали из люков на землю. От радости, что долгий перелет остался позади, что под ногами наконец твердая почва, они совершили огромные прыжки, которым научил их капитан. А капитан, плотно прижав зеленые надкрылья, медленно прохаживался вокруг корабля, напряженно изучая обстановку. Ведь он отвечал за целостность и сохранность экипажа и корабля, за то, чтобы все они, исследовав планету, возвратились домой, на далекую Эльдару...

Внимание капитана привлек пронзительный стрекот какого-то существа. Сделав несколько ловких прицельных прыжков, капитан поймал его. Это была цикада, по размерам почти равная ему. Убедившись, что существо не обладает признаками разума, эльдарянин отпустил его.

Капитан заглянул за выступ горы. Глубоко внизу, на наклонном плато, он увидел пылающую неровно точку. Это был костер, вокруг которого грелись пастухи.

Короткой телепатемой капитан подозвал к себе остальных. Эльдаряне, обладающие отличным зрением, долго наблюдали сверху за неуклюжими и беспечными двуногими созданиями, которые попеременно пили какую-то жидкость из бесформенного сосуда и веселились.

— Они умеют поддерживать огонь. Следовательно, они не лишены разума, — сделал вывод капитан.

Пользуясь густой травой, эльдариане незаметно приблизились к костру. Какое-то время прислушивались к звукам разной высоты, которыми обменивались пастухи, затем капитан сказал:

— Возвращаемся на место высадки. Замаскируем корабль, и все отдыхаем. Завтра приступим к делу.

Команды капитана никто из людей, конечно, не услышал, поскольку она отдана была телепатемой.

Эльдариане быстро освоились на новой планете. Прыгая как кузнечики, они расселились по всей территории Южной Греции. Тщательно замаскированный корабль, спрятанный в ущелье, служил им базой.

Прошло несколько земных лет. Эльдариане накопили достаточно информации о планете и подумывали о том, чтобы двинуться в обратный путь.

Однажды капитан возвращался с морского побережья в горы. Вечерело, и по земле протянулись длинные косые тени. Он двигался не по проселочной дороге, а параллельно ей, чтобы не попасть невзначай под копыто осла или сандалию крестьянина. В траве без умолку стрекотали цикады, к которым эльдариане давно уже успели привыкнуть. «На Эльдаре нам будет не доставать этих существ, столь похожих на нас», — подумал капитан, делая очередной прыжок — свой знаменитый прыжок с грузом. Когда он приземлился, ему почудилось, что почва под ногами дрогнула. Издали, из той стороны, где располагались горы, донесся еле слышный низкий гул. «Кое-что в природе этой планеты еще не понято», — отметил в памяти капитан, не прерывая движения.

Видимо, что-то случилось. Двуногие, чем-то обеспокоенные, быстрее обычного двигались по дороге. Часть из них перемещалась на животных, но большинство — пешком. «Насколько эффективнее было бы, если б они умели перемещаться прыжками, как мы», — подумал эльдарианин.

Капитан прыжками двигался в горы. Вот и знакомое

ущелье. Капитан сделал еще прыжок и замер: перед ним лежал корабль, разбитый и сплюснутый каменной лавиной. Ее вызвало небольшое землетрясение, обычное для Южной Греции. Капитану понадобилось немного времени, чтобы убедиться, что починить корабль не представляется никакой возможности.

Эльдаряне обречены были жить и умереть на этой планете.

После гибели корабля дела эльдарян пошли неважно. Эльдаряне мерли один за другим.

Наступил день, когда капитан остался один. Ослабевший, вялый, он еле перемещался, и прыжки его становились все короче.

«Неужели тайна сверхдальнего прыжка умрет вместе с ним, — думал капитан? — Неуклюжие двуногие, населяющие эту планету, — неужели они до скончания века обречены перемещаться, переставляя конечности?» Правда, один раз капитан наблюдал, как молодой пастух по имени Пелоп, думая, что его никто не видит, прыгал в длину на поляне. Результаты были довольно приличны для его роста и веса, но, боже, как безграмотно, как неумело он прыгал! И конечно, главного секрета дальнего прыжка он не знал.

Мысль, поначалу неясная, созрела в уме капитана. Теперь он знал, что нужно делать. Оставалось только дожидаться вечера.

...Пастухи, как обычно, собрались на вечернюю трапезу у костра. Разговор зашел о недавнем землетрясении: хорошо, что оно случилось в горах, Плутон был милостив, и окрестные селения не пострадали, хотя страху натерпелись предостаточно.

— Смотрите, цикада к костру подошла! — воскликнул старый пастух, посмотрев в сторону.

— Совсем огня не боится.

— Замерзла!

Кто-то потянулся, чтобы раздавить странного кузнечика.

— Не трогай! — толкнул его старый пастух. — Не ты дал цикаде жизнь, не ты эту жизнь и отнимешь.

Пелоп, полулежа у жарко пылавшего костра, смотрел, как и все, на необычно большую цикаду, безбоязненно подошедшую к огню. Внезапно он почувствовал, что мысли его начали мешаться. Словно некто посторонний, бесконечно чужой, проник ему в голову и пытается что-то внушить. В голове вспыхивали странные картины никогда не виданного многокрасочного мира. Это было так удивительно, что Пелоп не заметил, как кузнецик исчез.

...Осуществляя свой последний замысел, отважный эльдариин подошел как можно ближе к костру, вокруг которого расположились двуногие. Он чувствовал, что силы его на исходе, и хотел, чтобы телепатемы, адресованные Пелопу, не рассеялись в пространстве, достигли адресата. В эти мгновения капитан не думал, что рискует собственной жизнью. Когда жар костра стал нестерпимым, эльдариин спрятался за валун, расположенный рядом с костром, и продолжал настойчиво воздействовать на мозг молодого пастуха.

— Что с тобой, Пелоп? — спросил старый пастух. — Голова болит?

— Ничего, — ответил Пелоп, с трудом ворочая непослушными губами.

— Может, на солнце перегрелся? Ты бледен как смерть.

— Устал немного, — сказал Пелоп. В эту минуту он хотел только одного: чтобы никто не мешал ему.

...Горы, горы, горы... Пелоп один, а вокруг него горы, перемежаемые пропастями. Ходить тут немыслимо, летать он не умеет. Остается лишь одно — прыгать с вершины на вершину. Именно это и заставляет его делать чья-то посторонняя воля. Каждый прыжок у Пелопы оказывается удачнее предыдущего. Оказывается, прыжки — это целая наука, тонкая и сложная. И он постигает ее!

Неожиданно перед Пелопом разверзлась пропасть. Он оказался на небольшом плато, со всех сторон окруженном пустотой. Чтобы спастись, нужно перепрыгнуть пропасть.

Странное состояние Пелоп продолжалось. Он вроде сидел у костра в окружении пастухов и в то же время находился за тридевять земель от них, в непонятном царстве пропастей и скал.

Очутившись на плато, маленькой площадке, со всех сторон окруженной пустотой, Пелоп в первое мгновение растерялся. Выбраться отсюда невозможно. Прыгать? Но в лучшем случае он долетит только до середины и рухнет вниз, на острые пики, поблескивающие внизу сквозь туман.

Эльдарианин напрягся из последних сил, стараясь, чтобы телепатемы получались как можно четче.

Пелоп застонал, словно в мозг его впилась раскаленная игла. Мысль, невозможная, вдруг вспыхнувшая в уме, мучила его.

— Выпей фалернского, — сказал кто-то, протягивая Пелопу козий мех с вином.

— Лучше молока выпей, — сказал старый пастух Пелопу.

Холодное козье молоко на миг возвратило Пелоп на землю. Он услышал оживленные разговоры о давешнем землетрясении, о предстоящей олимпиаде, о видах на урожай. Но тут же оживленные лица пастухов как бы потускнели, подернулись пеленой, костер исчез, и он снова очутился на каменистой площадке.

Прыгать? Прыгать, взяв в обе руки груз?! Но ведь он будет тяжелее?.. Однако внутренний голос убеждал его, что другого выхода нет.

Пелоп сделал несколько шагов, нагнулся, подобрал с земли два каменных обломка. Нет, эти слишком тяжелы. Эти? Слишком легки. А вот эти, пожалуй, в самый раз.

Зажав что есть силы камни в руках, Пелоп попятил-

ся от пропасти, чтобы выиграть пространство для разгона. Разбежался и прыгнул, выбросив руки с грузом вперед. Он летел, делая волнообразные движения, а в середине траектории отбросил прочь камни и в тот же миг высоко вознесся над пропастью... Перелетел ее и очутился там, на другом краю.

ИРЕН

Стоял ничем не замутненный солнечный день, обычный для Спарты, когда во двор их дома вошел незнакомый человек. Тилон в это время, наскоро перекусив куском козьего сыра и лепешкой, резвился в углу двора, в тени невысокой обветшавшей ограды. Мальчик был занят обычным для себя делом: отчертив прутом дорожку для разбега, он старался, разогнавшись, прыгнуть как можно дальше, так, как это делают настоящие атлеты.

Молодой незнакомец, скользнув по нему неласковым взглядом, принялся неспешно подниматься на крыльцо. Сердце мальчика внезапно сжалось от дурного предчувствия.

Из дверей выбежала мать, заметившая гостя в окно.

— Заходи, ирен! Жаркий день сегодня, а в комнатах прохладно, — начала она, жестом приглашая пришельца в комнаты.

— Времени мало, — оборвал ее гость. — Я пришел сказать тебе, что подошел его срок, — кивнул он в сторону Тилона.

Мальчик оставил прыжки и подошел поближе.

— Неужели срок подошел?.. — пробормотала мать, и Тилон с удивлением отметил про себя, что голос ее слегка дрожит.

Гость в задумчивости побарабанил пальцами по глыбе желтоватого мрамора, лежавшей слева от входа.

Отец Тилона собирался вытесать из нее несколько межевых столбов.

Мать смотрела на гостя умоляющими глазами.

— Что ж, — произнес пришелец, словно приняв какое-то решение, и резко повернулся к матери. — Если ты настаиваешь на том, что мы ошиблись, и...

— Но ты посмотри, ирен, — перебила мать и указала на Тилона. — Ведь он совсем ребенок, даром что так подрост. И он тяжело болел прошлым летом, мы ведь сказали об этом совету старейшин...

— Не лей пустопорожние разговоры, особенно с женщинами, — бросил незнакомец.

Тилон начал уже догадываться, зачем тот пожаловал к ним.

— Что ж, если тебя, женщина, не устраивают законы Спарты... — Не докончив фразы, гость безжалостно точным щелчком сшиб со своего рукава зеленокрылого кузнечика.

Мать потупилась.

— Полно тебе, ирен, — пробормотала она. — Можешь забирать его.

— Что значит — можешь забирать? — возвысил голос гость. — Ты что, одолжение Спарте делаешь?

Мать промолчала.

— Или ты считаешь, что я с арифметикой незнаком? — продолжал, распаляясь, пришелец. — Конечно, я не Пифагор и не Евклид, но до семи сосчитать умею. А спартанцу больше и не нужно. Между прочим, в совете записаны даты рождения всех граждан, которые...

— Ты считаешь как надо, ирен, — примирительно промолвила мать. — Все сходится. Если кто и ошибся, так это я.

— Это другое дело.

— Зайди, ирен, в дом, выпей холодного молока, — предложила мать. — Или вина.

— Некогда мне. Нужно успеть до захода солнца обойти еще с полтора десятка домов, таких же,

как твой... И если в каждом придется мне вести пустые разговоры... Тебя как зовут? — неожиданно обратился гость к Тилону.

Мальчик промолчал, только сильнее сжал ивовый прут, которым расчерчивал дорожку для прыжков.

— Его зовут Тилон, — сказала мать.

— Тилон, — повторил тот, кого мать называла странным словом «ирен». — Ишь какой звереныш! Ну, ничего, я научу тебя почтительности к старшим.

— Он еще слаб после болезни... — сказала мать.

— Вот мы и сделаем его сильным. Сильным и отважным, как лев, — с важностью произнес ирен, видимо, чужую фразу. — Готовь его в дорогу. Завтра на рассвете я приду за ним.

— Я испеку свежих лепешек...

— С собой можешь дать ему только одну.

— А козью шкуру можно дать ему в дорогу?

— Нет. Тилон все получит на месте. — С этими словами незнакомец удалился.

Когда калитка за иреном захлопнулась, Тилон вихрем взлетел по каменным ступеням и прижался к матери.

— Вот и кончилось твое детство, сынок, — грустно произнесла она, погладив мальчика по жестким курчавым волосам, почти не знавшим гребня.

Эту ночь, последнюю ночь в родительском доме, Тилон спал плохо. Сон все время рвался, словно худой мешок. А когда удавалось забыться, перед глазами проплывали бесформенные клубящиеся химеры — одна страшнее другой.

Под утро Тилона свалил тревожный сон. Его разбудил пронзительный звук трещотки, раздавшийся под самым окном. Мальчик с трудом оторвал от сваливавшейся шкуры тяжелую после сна голову. Первое, что поразило Тилона, был отец. Он стоял на коленях близ ложа.

Острые, как у рыси, глаза мальчика разобрали, что губы у отца трясутся.

— Прощай, сынок, — негромко проговорил отец и поцеловал мальчика. Оглянувшись на мать, которая вошла близ двери с тяжелым козым мехом, он еле слышно добавил: — Храни тебя все олимпийские небожители. Один Зевс ведает, свидимся ли когда-нибудь...

— Эй, пошевеливайтесь! — донесся с улицы нетерпеливый крик.

Тилон узнал голос вчерашнего гостя.

— Мы готовы, ирен! — крикнула мать, которая справилась наконец с мехом.

Отец сказал:

— Ступай, сынок.

Тилон выбежал со двора. Близ их дома стояло больше десятка мальчишек примерно его возраста. Стоя кучкой, они не без робости поглядывали на ирена, вооруженного палкой. «Словно пастух со стадом», — мелькнуло у Тилона.

Выйдя из калитки, мальчик замешкался. Холодный утренний воздух, напоенный запахами трав, переполнял легкие, остывшие за ночь камни обжигали холодом босые ноги — Тилон от волнения позабыл обуться.

Следом за мальчиком вышла мать. В одной руке она держала битком набитый козий мех, в другой — сандали Тилона.

— Доброе утро, — сказала мать.

— Плох тот птенец, которого слишком опекают, — в ответ протянул насмешливо ирен. — Ступай к нам, Тилон, — протянул он руку мальчику, и тот нерешительно шагнул в сторону мальчиков.

В этот момент мать уронила мех, тот развязался, и на землю выкатились три-четыре лепешки.

— Хлеб... На дорогу... — пролепетала мать в растерянности, глядя на ирена. — Ведь путь у вас неблизкий и нелегкий, я думаю...

Ирен не спеша подошел к матери.

— Плохо ты выучила законы Спарты, женщина, — процедил он. Затем взял у нее из рук сандалии и быстрым движением перебросил их через забор — сначала одну, затем другую.

— Мальчик бос, — сказала мать.

-- А чем он лучше других, твой сын? — кивнул ирен в сторону кучки мальчишек. Только теперь Тилон увидел, что все они были босыми.

Глаза матери засверкали. Казалось, еще мгновение — и она вцепится в ирена.

— А теперь забирай хлеб и ступай в дом, — сказал ирен и приподнял посох. — И радуйся: отныне твой сын будет есть хлеб государственный!

Глаза матери погасли. Плечи сгорбились, будто на них навалилась непосильная тяжесть. Отец так и не вышел проводить его. Возможно, боялся проявить слабость, постыдную для свободного гражданина Спарты.

Ирен легонько толкнул Тилона в затылок, и мальчик очутился среди сверстников.

— Двинулись! — сказал ирен, хлопнув в ладоши, и кучка детей, разбившись попарно, двинулась вдоль улицы.

До самого поворота Тилон оглядывался, но отчетливо разглядеть мать ему мешали слезы, застилавшие глаза. Он только видел ее тонкую фигуру, стоявшую у ворот неподвижно, словно изваяние из паросского мрамора, которое возвышается на главной городской площади.

Маленькая группа вскоре миновала селение и вышла на открытую дорогу. Ирен шагал быстро, мальчики за ним еле поспевали. Руководитель группы шел, беспечно насвистывая и опираясь на длинную, в полтора его роста, суковатую палку, вырезанную из молодого орешника.

Вскоре после того, как они вышли из селения, Тилон

немного освоился. Кровь разогрелась от быстрой ходьбы, озноб пропал. Идти босиком было даже приятно: прохладная бархатная пыль слегка холодила ноги.

Рядом с Тилоном в паре шагал худой остролицый мальчик. Тилон незаметно толкнул локтем соседа. Тот ответил.

— Как ты думаешь, а сколько ему лет? — тихонько спросил Тилон.

— Кому? — не понял остролицый.

— Ирену, старшему нашему, — чуть погромче пояснил Тилон.

Остролицый несколько мгновений смотрел на широкую спину и мерно, в такт шагам пошевеливающиеся лопатки ирена, который шагал во главе маленького отряда. Легкий рассветный ветерок перебирал иссиня-черные непокорные кудри ирена, схваченные узким кожаным ремешком.

— Думаю, ему лет двадцать, — шепнул наконец остролицый.

— Пожалуй, — громко согласился Тилон. — И я думаю, что нашему ирену не больше двадцати.

— Тише, — прошептал остролицый. На них испуганно оглядывались: ведь перед тем как двинуться в путь, ирен настрого приказал соблюдать молчание и «военную дисциплину», как он выразился. Тогда же он пояснил, что «ирен» означает «начальник группы» и все они должны ему беспрекословно подчиняться.

— А чего бояться? — громко сказал Тилон.

Он шел в самом конце колонны, и ирен, по-видимому, не слышал этих слов. Ведь утро уже властно вступало в свои права, и обычный легкий шум и суматоха, характерные для лучезарного начала летнего дня, могли заглушить слова Тилона: в кустах возились и на все лады распевали пичужки, стрекотали цикады, откуда-то из полей доносилась протяжная жалоба осла.

Так или иначе, ирен продолжал шагать, не оглядываясь. Это придавало Тилону смелости.

— Нашему ирену только двадцать лет, а он шагает с палкой, как древний дед! — выкрикнул в рифму Тилон и первый громко засмеялся.

Ирен внезапно остановился и резко обернулся. Колонна ребят замерла, и потревоженная пыль принялась медленно оседать на проселочную дорогу. Испуганные мальчики инстинктивно сбились в кучу, словно овцы перед грозой.

Ирен оперся на палку.

— Кто это крикнул? — спросил он.

Мальчики молчали.

— Кто первый крикнул? — повторил вопрос ирен и медленно прошелся вдоль рядов, вглядываясь в лица. Встречая его взгляд, мальчики опускали глаза.

— Значит, один трус среди вас уже имеется, — голосом, не предвещавшим ничего доброго, произнес Ирен. — Нечего сказать, хорошо начинает свой путь новая агела! Ладно, посмотрим, каковы остальные. Пусть тот, кто заметил крикнувшего, укажет его.

Ирен выждал еще несколько минут. Мальчики по-прежнему молчали.

— И это называется агела?! — воскликнул ирен. — Да вы знаете, что такое агела?

— Агела — это стадо, — осмелился кто-то подать робкий голос.

— Верно, — кивнул ирен. — Но это слово имеет и второй, главный смысл. Агела — отряд мальчиков, которых воспитывает государство. Выходит, среди вас не один трус, а все вы трусы? Хороши юные спартанцы!.. Тогда подскажите мне, какая лучшая награда для труса?

Ребята молчали.

— Для труса лучшая награда — палка, — сам себе ответил ирен. — Сейчас каждый из вас отведаст, какова на вкус эта штука! — потряс он в воздухе посохом. — И клянусь всеми богами, это будет только справедливо! Мальчики замерли.

— Начнем по порядку! — С этими словами ирен приблизился к смуглому мальчишке, стоявшему впереди всех, и занес ореховую палку.

— Стой, ирен! Не бей! — донесся до него отчаянный крик из хвоста колонны.

Ирен опустил орудие наказания. Из рядов вышел побледневший Тилон и медленно приблизился к нему.

— Значит, это ты нарушил порядок? — спросил ирен.

— Я, — сказал Тилон.

С минуту ирен изучающе оглядывал долговязую фигуру стоящего перед ним мальчика.

— Ты смел, Тилон. Это хорошо, — сказал ирен, и мальчики, с тревогой наблюдавшие за развитием событий, облегченно перевели дух.

Тилон приподнял голову.

— Ты спас от сурового наказания всех своих новых товарищей, — продолжал ирен, — и за это я тебя хвалю. Но ты сделал то, чего не должен делать ни один спартанец. Ты нарушил дисциплину, и за это должен понести наказание.

Ирен занес и быстро опустил палку на мальчика.

Первый удар пришелся в плечо, второй раз ореховая палка хлестнула по лицу. Тилон стоял не закрываясь. Он изо всех сил старался глядеть прямо вперед невидящими глазами. Второй раз за это утро слезы заливали ему глаза.

Мальчики, не ломая порядка, в котором они стояли, безмолвно наблюдали за экзекуцией. После третьего удара Тилон пошатнулся, после пятого — рухнул на дорожку, подняв небольшое облачко пыли.

Ирен опустил посох.

— Надеюсь, это послужит уроком для всех, — обвел он взглядом агелу. — А теперь отнесите его в тень, — указал он на придорожные кусты.

После того как Тилона привели в сознание и напоили водой, агела, немного отдохнув, снова двинулась в

путь. Тилон шагал на прежнем месте, стараясь держаться как ни в чем не бывало. Только багровые рубцы на плече и лице напоминали о том, что он недавно перенес.

— Ты молодчина, — шепнул ему остролицый мальчик, убедившись, что ирен, далеко опередивший колонну, не услышит его.

Тилон пожал плечами, едва не застонав от боли. Похвала сверстника была ему приятна.

— Давай дружить, — предложил остролицый. — Меня зовут Филлион.

...Так началась жизнь Тилона в учебной агеле.

Похожие друг на друга, словно овцы одного стада, дни шли за днями, собираясь в месяцы. Месяцы складывались в годы.

ПОБЕГ

В этот вечер, когда Тилон добрался наконец до своей палатки, натруженные ноги гудели от усталости. Даже не верилось, что четырехдневный учебный поход в горы закончился.

Над палаткой густо высыпали безмятежные южные звезды, крупные, как виноградины. Мальчик замешкался у входа, рассматривая прихотливо изогнутый Млечный Путь. Кто из небожителей пролил эту светящуюся жидкость? И почему она вечно сияет, не стекая сюда, на землю?

— Пойдем спать, — сказал подошедший сзади Филлион. — Ведь завтра ирен поднимет нас, как всегда, на рассвете.

В тесной палатке было сыро, пахло нагретыми камнями. Тьма царила полная, но за три месяца жизни в летнем лагере Тилон и Филлион научились на ощупь ориентироваться в палатке.

Тилон все реже вспоминал отчий дом, своих родите-

лей. В первые дни он очень тосковал по ним, но насыщенный поток быстротекущих событий все дальше отвлекал его от воспоминаний детства. Каждый день в агеле был заполнен до отказа. «Наша цель — воспитать из вас отважных и сильных защитников Спарты», — твердил им ирен, их полновластный командир.

Ежедневно с утра и до поздней ночи мальчики изучали военное дело, закалялись, повторяли физические упражнения: метали дротик, копье, бегали, прыгали в длину... Последнее упражнение Тилон любил больше всего. Прыгал он лучше всех в агеле. Однажды прыгнул даже дальше ирена, после чего неприязнь того к строптивому подростку возросла.

...Филлион зашуршал тростниковой подстилкой, укладываясь. Другого ложа воинам Спарты, даже в мирных условиях, не полагалось ни зимой, ни летом. И будущим воинам тоже... Ходили же они не иначе как в лохмотьях.

— Филлион... — тихонько произнес Тилон без особой надежды.

— Спи, прыгун, а то еще больше есть захочется, — пробурчал в ответ сонный приятель.

Мальчиков агелы постоянно терзал голод: на завтрак им давали только кусок лепешки да кружку ледяной воды, обед и ужин были ненамного обильнее.

— Послушай, Филлион, а правда, что твой отец был на Олимпиаде?..

В эту ночь мальчики разговаривали долго, почти до рассвета. К тому же Тилон заснул не сразу: то ли цинковка показалась жестче обычного, то ли одолевали мысли об Олимпиаде.

Проснулся Тилон от раскатистого хохота ирена, прозвучавшего, казалось, над самым ухом: дорожка, ведущая на учебный плац, пролегалa рядом с их палаткой. Вскоре заверещала не менее ненавистная трещотка.

Для Тилона, как и для всех его товарищей, начинался

день — обычный день обычного обучения будущих воинов Спарты.

Дрожащие от утренней сырости подростки выстроились на тщательно выровненной площадке, истоптанной многими поколениями таких же, как они, маленьких солдат.

Тилону показалось, что ирен в это утро как-то по-особому смотрит на него. Может, воспитатель недолюбливает его еще с тех пор, когда семилетний мальчик, едва оторванный от родительского дома, проявил непокорный характер?

Пройдясь перед строем, ирен скомандовал:

— В гимнасий — бегом!

Мальчики наперегонки помчались знакомой дорожкой прочь из лагеря.

Вдали за поворотом дороги под первыми утренними лучами блеснули белые колонны гимнаasia. Издали они казались легкими, почти лишенными веса. Верхушки колонн купались в голубом небе, еще не успевшем помутнеть от дневного жара.

Гимнасий представлял собой обширную площадку для всевозможных гимнастических упражнений. Днем туда мог прийти любой свободный горожанин, но утренние часы были отданы мальчикам.

— Сегодня будем метать копьа! — провозгласил ирен, и мальчики с радостными криками бросились к пирамиде, в которую были составлены остроносые метательные снаряды.

— А ты останься, — схватил ирен за руку пробежавшего мимо Тилона. — И ты тоже, — кивнул он неизменно находившемуся рядом с приятелем Филлиону.

«Что еще задумала эта лиса?» — подумал Тилон, и на душе его стало беспокойно.

В памяти вспыхнул ночной разговор с Филлионом. Ему представилось феерическое действо, которое разыгрывается раз в четыре года на берегу реки Алфей в честь Зевса. На все время проведения Олимпиады обь-

является экехейрия — священный мир между всеми греческими государствами. А его родина — Спарта — только и знает, что воевать с соседями либо отряжать наемников тому, кто больше заплатит... Филлион рассказал об этом. Он много знает — недаром его отец член герусии, совета старейшин.

Увидит ли Тилон когда-нибудь кипящую чашу олимпийского стадиона, красочные и пышные спортивные делегации свободных греческих государств, посланцев Италии, Сицилии, далеких Африки и Азии? А может, и он когда-нибудь промчится по олимпийской скамье, посыпанной песком, и прыгнет — прыгнет дальше всех!..

Увидев улыбку Тилона, ирен нахмурился.

— Для вас у меня особые состязания, — сказал ирен. — Пойдемте за мной!

Оба мальчика двинулись вслед за иреном, который шел на несколько шагов впереди, небрежно помахивая ореховой палкой, с которой никогда не разлучался — слишком часто приходилось пускать ее в ход.

Тилон бросил вопросительный взгляд на друга, тот в ответ только покачал головой и недоумевающе развел руками.

Их агела, которая старательно метала копья, осталась позади. Ирен и двое мальчиков зашли за длинный сарай, который отбрасывал косую утреннюю тень.

— Вы снова нарушили ночной покой, — произнес ирен, внезапно остановившись. — До каких пор это будет продолжаться?

— Но мы ведь не шумели... — нарушил тяжелую паузу Филлион.

— У меня есть уши, — нахмурился ирен. — Вы занимаетесь в ночную пору никчемной болтовней. Дисциплина и порядок для вас ничего не значат! — С этими словами ирен замахнулся палкой на Филлиона. Тот отскочил.

Тилон угрюмо молчал, опустив голову.

— Вы нерадиво относитесь к занятиям и заслуживаете большого наказания, — сказал ирен.

Тилон с готовностью шагнул вперед: он, как и остальные мальчики, привык к телесным наказаниям.

— Бить вас, я убедился, бесполезно, — сверкнул глазами ирен. — Сегодня я припас для вас кое-что другое. Ну-ка, сбросьте плащи!

Мальчики замешкались.

— Живо! — подбодрил их ирен.

Два изодранных до невозможности плаща упали на каменную глыбу, приткнувшуюся к наружной стенке сарая. Оба мальчика остались в белых рубашках, не достигавших до коленок.

Ирен оперся на палку.

— Итак, вы ведете разговоры об олимпийских состязаниях, — сказал он. — Что ж, я устрою вам состязания по олимпийским правилам. Здесь же, сейчас же! Вы будете драться между собой на кулаках.

Тилон покачал головой.

— Я не стану драться с Филлионом, — сказал он.

— Нет, вы будете драться, клянусь всеми богами! — воскликнул ирен и, схватив Тилона за ворот, подтолкнул к приятелю. — Да, я забыл сказать. Победителя ждет награда: я отпущу его на целый месяц домой, к родителям. Ну, теперь что скажете?

Перед Тилоном промелькнуло грустное лицо отца, заплаканные глаза матери, которые следовали за ним, бредущим прочь по рассветной дороге в клубах пыли.

За долгие годы обучения никто из мальчиков их агелы ни разу не побывал дома. Тилон почувствовал, как горло его перехватило волнение.

Филлион несколько раз растерянно моргнул, не зная, верить ли ирену.

— Начинайте! — сказал ирен и хлопнул в ладоши. Но мальчики не двинулись с места.

Тогда ирен толкнул Тилона с такой силой, что тот

врезался в Филлиона. От боли Филлион вскрикнул и оттолкнул Тилон острым локтем.

— Прости, Филлион, — сказал Тилон.

— Жалкие трусишки, — осклабился ирен. — Какие же вы спартанцы, если бонетесь кулачного боя?

Слова ирена звучали обидно.

— Нет, вы недостойны имени спартанцев, — продолжал ирен, чувствуя, что нащупал верную почву. — Самые достойные мужи нашего государства не гнушаются честного спортивного поединка. А вы! Только и умеете что болтать по ночам.

Столько презрения было в этом «вы!», что Тилон колебался. Мельком глянул он на кривую, ехидную улыбку ирена и вдруг разом понял его коварный замысел: сравнить их, словно двух петухов, чтобы унижить обоих.

Тилон опустил поднятые было кулаки.

— Не буду драться, — сказал он.

— И я не буду, — поддержал его Филлион.

Ирен изменил тактику.

— Предоставляю вам выбор, — сказал он. — Либо вы сразитесь на кулаках до полной победы, пока один не побьет другого, либо я избью вас до полусмерти вот этим самым посохом, с которым вы хорошо знакомы. — И он потряс в воздухе ореховой палкой.

Филлион нерешительно шагнул к Тилону.

— Давай понарошку, Тилон, — еле слышно прошептал он. Ирен, отвернувшись, сделал вид, что не слышит шепота.

Тилон неуверенно кивнул. Тогда Филлион небольно ткнул кулаком приятеля в грудь. Тот все еще держал руки опущенными.

Ирен схватил кулачки Филлиона в свои огромные лапищи.

— Я научу вас драться! — рявкнул он. — А ну, кулаки сожми покрепче!

Подросток, привыкший к дисциплине, против воли сжал кулаки.

— А теперь так! А теперь так его, прыгуна! — стал приговаривать ирен, поочередно нанося удары Тилону то левым, то правым кулаком его товарища.

Один удар пришелся Тилону в глаз, и он, не удержавшись, вскрикнул от резкой боли.

— Больно? — спросил ирен. — А ты дай ему сдачи!

Постепенно мальчиками начало овладевать ожесточение. Хотя они и старались бить «понарошку», некоторые удары получались полновесными и достигали цели.

Ярость юных спартанцев умело разжигал ирен, который неумоимо вился возле них. То и дело он давал волю собственным рукам, так что Тилон и Филлион вскоре перестали различать, какие удары наносят они, а какие — ирен.

Под глазами Тилона уже красовался внушительный синяк величиной с афинскую драхму, а нос Филлиона был разбит до крови.

Тилону все сильнее хотелось прекратить бой, но какое-то ложное чувство мешало ему сделать это. Вдруг ирен сочтет его и впрямь трусом и раззвонит об этом по всей агеле? Нет, что угодно, но только не это.

Оба юных бойца уже едва держались на ногах. Бой длился долго. А ирен, выкрикивая угрозы и обидные слова, все толкал и толкал их друг к другу.

После одного из ударов Тилона Филлион покачнулся и упал. А может, это ирен ударил его?..

Тилон опустился на колени перед товарищем. Тот дышал тяжело, с присвистом, закрыв глаза и сжав зубы. Затем пошевелился и сделал попытку подняться. Тилон осторожно поддержал его под руку.

— Назад! Нечего слюни распускать, — оттолкнул Тилона ирен.

Тилон отвернулся от рухнувшего товарища и шагнул к ирену. И столько ненависти было во взгляде мальчика, что ирену стало не по себе.

— Ты что, ослеп? Противника не видишь?

Не отвечая, Тилон продолжал наступать на ирена.

Это был уже не тот слабый и тощий семилетний мальчишка, который когда-то на дороге безропотно принимал удары ореховой палки ирена. Теперь на наставника агелы надвигался, угрожающе сжав кулаки, крепкий четырнадцатилетний парень. Тилон был высок, ловок, строен, из тех, о ком говорят: ладно скроен.

Не отвечая, Тилон продолжал наступать на ирена. Подойдя вплотную, он изо всей силы ткнул ирена кулаком, тот не без труда отбросил четырнадцатилетнего мальчишку.

— А, так ты бунтовать? — проговорил ирен и занес ореховую палку.

Тилон сразу понял, что его ожидает. Бунт — это самый страшный грех, в котором можно обвинить спартанца. Бунтовщику, если он уличен, полагается смертная казнь, независимо от его возраста и влиятельных родственников. Так повелось с незапамятных времен, когда этот закон провозгласил, говорят, ставший ныне легендой Ликург.

И Тилон побежал. Он слышал за спиной дыхание преследующего ирена. Обогнув сарай, Тилон пробежал мимо агелы, которая, устав от метания тяжелого копья, отдыхала на траве, в тени навеса.

— Хватай его! — выкрикнул ирен. — Кто поймает — тому награда!

Куда бежать? Мимо колонн, по дороге? Но она ведет в селение, и там его неминуемо схватят идущие люди, следуя крикам ирена, который продолжал преследовать его. Остается только один путь — в обратную сторону. Но там гимнасий охватывает широкая канава, наполненная стоячей водой, а сразу за канавой начинаются горные отроги, поросшие лесом. Ширина канавы — тридцать стоп, не меньше... Но выхода нет!

Круто повернув, Тилон бросился прямо на ирена, тот в первое мгновение опешил от неожиданности, и

мальчик, проскользнув меж его широко растопыренных рук, бросился ко рву.

— Остановись! Остановись, Тилон! — доносились сзади крики, но он только ускорил бег.

Вот и ров, почти вровень с берегами заполненный зеленоватой жижей, поросшей ряской. Тилон припомнил рассказы ребят о том, что во рву водится водяной змей, который может проглотить целого теленка.

Он мчался к широченному рву, почти бессознательно выискивая глазами точку, от которой лучше всего оттолкнуться в стремительном прыжке.

Прыжок... Тело взвилось в воздух. Он распластал руки, паря в пространстве как птица.

Удачно приземлившись и пробежав еще немного в сторону вековой рощи, Тилон оглянулся. На том берегу рва металось несколько фигур, среди них выделялась одна высокая, с палкой.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Зелень становилась все гуще, бежать было труднее, но Тилон долго не решался остановиться, чтобы передохнуть. Перед глазами стояла картина постыдного кулачного боя с Филлионом, подбитый глаз горел, а когда в босую пятку вонзилась колючка, Тилон чуть не заплакал от боли, обиды и отчаяния.

Да, положение его и впрямь было отчаянным: убежав из агелы, он тем самым поставил себя вне закона. Ведь это бегство было равносильно дезертирству, а к дезертирам закон Спарты был особенно суров. Дезертирство, как и бунт, карается смертью. Куда ни кинь, всюду клин.

— Что ж, пусть сначала они догонят меня, — бормотал он сквозь стиснутые зубы, разводя цепкие ветви кустарника.

Ненависть к ирену жгла сердце. И еще жаль было

Филлиона, товарища, с которым он так сдружился. Это все ирен, да будет он проклят богами...

Солнце стояло высоко в зените, когда Тилон решился наконец остановиться. Он свалился, обессиленный, на лужайке, поросшей ярко-алыми цветами. Сердце бешено колотилось, перед глазами плыли круги. Лесные пичужки, умолкшие было при появлении незваного гостя, постепенно успокоились и снова взялись за свои бесконечные песнопения.

«Немного отдохну и побегу дальше, — подумал он. — Могут устроить погоню с собаками. Ирен наверняка не успокоится: ведь и ему за мое бегство из агелы грозит суровое наказание».

Очень хотелось есть. Тилон собрал с кустов немного ягод, запил их водой из родничка, бывшего неподалеку от поляны.

После привала не то что бежать — идти было тяжело. Тело налилось свинцом, все время клонило в сон. К тому же и солнце припекало — даже листья деревьев не давали полной тени. И все-таки Тилон продолжал двигаться. Однажды ему показалось, что издали доносится собачий лай. Он приостановился, прислушался, но лай не повторился. «Почудилось», — подумал Тилон.

Только сейчас он всерьез задумался, на что обрек себя своим бегством. Он теперь изгой. Земля будет гореть под его ногами. Гонцы на городских площадях Спарты объявят его приметы и награду за поимку. И там, в родном городе, узнают, что он беглец. За ним будут охотиться как за диким зверем. Выход один — бежать из Спарты. Греция, хвала Зевсу, велика. Да и на Греции одной свет клином не сошелся. Филлион рассказывал о далеких заморских государствах, где все диковинно и необычно, где даже псоглавцы обитают. О них он слышал от своего отца, тот не может лгать... Но лучше люди с песьими головами, чем ирен.

Бежать! Легко сказать. Но куда? И как? И если по-

киннешь Спарту — увидишь ли когда-нибудь своих родных и близких?..

Сон сморил Тилона неожиданно. Мальчику показалось, что он, когда споткнулся, решил несколько минут отдохнуть на траве, однако коварный Морфей тут же смежил его веки.

Когда Тилон проснулся, вечерело. Открыв глаза, он не мог сразу сообразить, как очутился в лесу. Затем припомнил все и со стоном поднялся. Потер синяк под глазом, вздохнул и снова двинулся в путь.

Долгие восемь дней и ночей длились скитания Тилона. Днем мальчуган шел, стараясь по солнцу выдерживать одно направление. Ночью, боясь диких зверей, он забирался для отдыха на деревья. Но какой отдых на дереве?

Селения Тилон обходил, с людьми старался не встречаться. Ноги мальчика кровоточили, щеки запали, глаза горели лихорадочным блеском.

Постепенно Тилон не то чтобы смирился, но как-то свыкся со своим положением беглеца. Пока солнце стояло высоко, он старался пройти как можно больше. Раздвигая ветки можжевельника и земляничника, срывая на ходу плоды дикой оливы, он шагал, стараясь не обращать внимания на усталость. Питался в пути дикорастущими плодами, пил из родников и ручьев, которые иногда попадались по дороге.

Однажды, дело было под вечер, Тилон заметил с горы огонек: глубоко в долине трепетал одинокий костер. Хотя он был далеко, зоркий Тилон разглядел у костра согбенную фигуру старика и после долгих колебаний решил подойти к нему.

Длинная борода старика ниспадала с подбородка подобно водопаду. Он сидел на корточках, обхватив руками колени, и не мигая смотрел в огонь. На Тилона старик, казалось, не обратил никакого внимания. Мальчик зашел сбоку, остановился и кашлянул.

— Садись грейся. Вечера теперь холодные, — сказал старик, не поворачивая головы.

В первый вечер они поздно засиделись у костра. Искры, похожие на шмелей, с треском взлетали в синее небо, усыпанное звездами. Тилон подумал, что впервые со дня бегства из агелы поднял голову и увидел небо.

— Зевс пролил молоко, — сказал Тилон, указывая на небесную реку — Млечный Путь.

Старик погладил бороду. Такой бороды Тилон отродясь не встречал — великолепная, окладистая, она поблескивала в бликах, отбрасываемых костром. Несмотря на почтенный возраст незнакомца, борода его была черной как смоль.

— Зевс тут ни при чем, — сказал старик. — И река, которую ты видишь над собой, вовсе не молочная... Это не река, а скопище мириад звезд.

— Откуда ты можешь знать это? — изумился Тилон и подбросил в огонь несколько веток.

— Я и еще знаю многое о мироздании, — грустно улыбнулся старик. — Эти тайны удивительны и красочны, словно камни-самоцветы. Но кому мне поведать о них? Я одинок.

Он ткнул палку в костер, и золотистый сноп искр взметнулся ввысь.

— Как тебя зовут? — спросил Тилон.

Старик усмехнулся.

— Пелоп — мое имя, — произнес он после продолжительной паузы.

По выговору Тилон распознал чужеземца.

— Обносился ты, — произнес старик. — Издалека, видно, шагаешь?

Тилон промолчал.

Пелоп налил до краев чашу молока и протянул ее Тилону.

— Пей, — сказал он.

Тилон осушил чашу единым духом, не отрываясь.

— Пелоп, ты не спартанец, — сказал он, осторожно опуская чашу на траву.

Старик утвердительно кивнул, взгляд его подернулся грустью.

— Я родился далеко, — произнес он глухо. — Спартанцы очень любят воевать... Во время войны я попал в плен, меня обратили в рабство.

— Так ты раб? Не бойся, я не выдам тебя! — Тилон сделал движение к костру, чтобы разбросать его.

— Не трогай костер, — остановил его Пелоп, прикоснувшись к острому плечу мальчика. — Я отпущенный раб. Меня вызволили из рабства они, собственные руки. — Старик рассматривал свои мускулистые, мозолистые ладони, словно впервые видя их. Скорбная улыбка затеплилась в уголках его губ.

— Расскажи, Пелоп, как это было, — попросил Тилон, с трудом преодолевая сладкую дремоту.

— Видишь ли, я немного знаю механику. В баллистике разбираюсь. Может, не как Архимед, но все-таки... Когда враг осадил ваш главный порт, я помог его защитникам — соорудил катапульту, которая швыряла камни величиной с теленка. Ну вот, спартанцы в нагладу меня освободили.

— Куда же ты подался?

— Сначала побродил немного по Спарте, посмотрел, как люди у вас живут. Честно скажу — худо живут, — покачал головой Пелоп. — Илоты — люди, которые обрабатывают землю, — лишены всяких прав. Время от времени у вас устраивают для устрашения илотов криптии... Криптии — позор для Спарты! — воскликнул старик. — Отряды молодых воинов рассыпаются по всей стране, грабят и убивают несчастных илотов сколько им вздумается. И все это совершенно безнаказанно! Так придумал ваш славный законодатель Ликург.

Тилон мучительно покраснел: ему вдруг стало стыдно за Спарту. Хорошо, что уже стемнело и Пелоп не мог видеть его пылающих щек.

— Пелоп, ты много повидал и много, наверно, знаешь, — сказал Тилон. — Скажи, почему Спарта жива только войной да армией?

— Спарта, видишь, сама по себе невелика, — ответил Пелоп сразу: видно, он и сам над этим задумывался. — Я промерил ее собственными ногами из конца в конец, с севера на юг, и это не заняло слишком много времени. Но руки у Спарты загребушие — она хочет властвовать над многими государствами. Не сама Спарта, конечно, а ее правители. Вот и приходится им тянуться изо всех сил, воспитывать в агелах выносливых солдат, которые не рассуждают, и сколачивать из них армию.

При слове «агела» Тилон вздрогнул, и старик бросил на него внимательный взгляд.

— Между прочим, я заметил тебя, когда ты был еще на вершине холма, — сказал он, круто меняя разговор. — Спускаясь, ты прыгнул, и прыжок был неплох. Способность к прыжку у тебя есть, а вот умения мало-вато.

Тилон вспыхнул от обиды.

— Меня учил прыгать... — начал он.

— Не знаю, кто учил тебя прыгать, — взмахом руки остановил его Пелоп, — но скажу одно: твой тренер в спорте почти такой же невежда, как и ты. Пожалуй, как и все в Спарте, кто считает себя знатоком спорта. Но тайна дальнего прыжка существует...

— Тайна дальнего прыжка? — с замиранием сердца переспросил Тилон.

— Да.

— И ты знаешь ее?

— Знаю.

— Открой мне эту тайну, Пелоп! — вырвалось у Тилона.

Пастух с любопытством посмотрел на мальчика, глаза которого лихорадочно заблестели.

— Зачем она тебе?

— Я хочу научиться прыгать дальше всех в мире. Хочу победить на Олимпиаде. А потом...

Тилон замолчал.

— А потом? — повторил пастух, посмотрел на юного собеседника и осекся: мальчик не мигая смотрел в огонь, на глазах его выступили слезы.

— Не так-то просто раскрыть тебе тайну дальнего прыжка, — покачал головой старик. — Этого не сделаешь в одной или нескольких фразах. Чтобы научить тебя правильно прыгать, нужно время, и немалое.

Мальчик вздохнул, задумчиво поправил на плече лоскут рубахи, в которой убежал из агелы.

— Ладно, — сказал он, — я могу остаться у тебя еще на день.

— На один день? Да ты смеешься, мальчуган! — воскликнул Пелоп. — Чтобы научить тебя правильно прыгать, нужно не меньше года.

— Не меньше года? — поразился Тилон.

— Не меньше, — подтвердил старик. Затем посмотрел на погрустневшего мальчика и медленно произнес: — Останься со мною, сынок. Мне будет не так одиноко. Я научу тебя прыгать дальше всех в мире, и ты станешь лауреатом Олимпиады. Рапсоды будут слагать в твою честь песни, поэты — стихи, родной город внесет тебя в списки почетных граждан, тебе будут воздвигать статуи, и слава твоя переживет века! Ты будешь мне как сын. Останешься?

— Нельзя мне оставаться здесь, Пелоп, — тихо произнес Тилон. — Завтра двинусь в путь. Ты можешь путешествовать свободно, а я должен скрываться...

Пелоп поднялся.

— Что ж, значит, Парки не судили, — сказал он грустно. — А я успел тебя полюбить... Судьба всего меня лишает. Боюсь, тайна дальнего прыжка умрет вместе со мной.

...Утром Пелоп накормил Тилона и дал ему сыру на дорогу.

— Ты похож на Зевса, — сказал на прощанье Тилон. Пастух улыбнулся.

— А разве ты видел Зевса?

— Нет. Но ты все равно на него похож, — непоколебимо ответил Тилон.

— Куда же ты теперь? — Понимающие глаза старика, казалось, насквозь просверливали Тилона.

— Послушай, а ты не знаешь, граница Спарты отсюда далеко? — ответил вопросом Тилон.

— Граница... — присвистнул пастух. — Граница отсюда недалеко. Держись все время на закат — и ты быстро достигнешь ее. На вот куртку возьми, твоя рубашка совсем изорвалась.

ЛИКОМЕД

...Удачный прыжок через пограничную реку окрылил Тилона, придал ему новые силы. Перейдя с бега на шаг, он все время озибался по сторонам: каково оно, чужое государство? Но кругом были все те же деревья, и кустарник, и голубое небо с бегущими по нему облаками — все было такое же, как в Спарте, оставшейся за пограничной рекой.

Вскоре, однако, невеселые мысли начали одолевать мальчика. Ведь человек, покинувший свое государство, в любом другом утрачивает все права и становится метэком — бесправным.

Вдали показалось селение. Его хорошо было видно с горы. Смеркалось, и в домах зажигались огоньки, которые призывно манили. Тилон решил было спуститься вниз, к людям, и попросить что-нибудь поесть. Но осторожность взяла верх. Он собрал немного ягод, доел остатки сыра и тотчас провалился в бездонный омут сна.

Тилон проснулся оттого, что его мучило, а голова раскалывалась от боли. Возможно, среди ягод, которые он поел, оказались ядовитые, которые ирен называл

волчыми. А может, сказалась усталость, которая накапливалась каждый день, каждый час нелегкого пути.

Спал он долго — вокруг стояла глубокая ночь. Решившись, Тилон медленным шагом двинулся вниз, в селение, облитое лунным светом. Сон не освежил его — мальчик чувствовал себя разбитым. Дорогу он выбирал больше чутьем.

Родной дом, родители, дед, агела, спортивный лагерь, ирен, суровая Спарта — все казалось теперь бесконечно далеким, почти нереальным. «Метэк, метэк», — черной птицей билось в голове тяжелое холодное слово.

Как-то встретит его чужбина?

Узкие улочки селения были пустынные. Равнодушная луна струила холодный свет на каменные стены домов, щербатые колонны, искривленные ленты улиц. Тилон представил себе, какая жизнь кипела здесь днем. Но сейчас все было мертво.

Перед домиком победнее Тилон остановился и долго стоял, не решаясь постучать в дверь. Вдруг в ответ на просьбу дать приют его схватят, свяжут и вернут в Спарту, благо до нее рукой подать?.. Нет уж, лучше терпеть какие угодно мытарства и лишения, чем снова попасть туда, в агелу, в руки ирена...

Вскоре улицы стали пошире, а дома повыше, побогаче. Мальчик понял, что приближается к центру городка. Когда он миновал чашу открытого театра, здания расступились и перед ним открылась городская площадь. Она до удивления напоминала Тилону ту, в родном городе, и в первое мгновение ему почудилось, что он вернулся домой.

Тилон шел как во сне, шаг за шагом погружаясь в смутное пространство площади, — так погружается в море ныряльщик, решивший достичь дна.

Вдали показался столб, к которому луна прицепила длинную тень. Что это? Солнечные часы? И тут Тилон почувствовал, как у него отяжелели ноги: ему показалось, что в тени столба прячется какая-то фигура. Вы-

ждав немного, Тилон начал продвигаться дальше неслышно, словно зверь. Фигура впереди зашевелилась, и что-то звякнуло. Сомнений не оставалось — у столба находился человек. Мальчик опустился на порог какой-то лавки. Неведомая фигура, как и все непонятное и таинственное, внушала страх.

Внезапно человек у столба забормотал. Тилон прислушался, и до него донеслось:

Вот он, смотри, Феогнет, победитель в Олимпии, мальчик, Столь же прекрасный на вид, как и искусный в борьбе...

При упоминании Олимпии Тилон непроизвольно вздрогнул. Задетый его ногой камешек отлетел в сторону и глухо стукнул.

Бормотание прекратилось.

— Кто здесь? — спросил неизвестный.

Тилон притаился.

— Ты снова пришел ко мне, мой мучитель? — громко произнес неизвестный. — Что же медлишь? Подходи, я жду тебя! Бей, не стесняйся!

Голос незнакомца звучал глухо.

Тилон поднялся и сделал несколько шагов к столбу. Услышав шаги, замолкший было незнакомец встрепелся.

— Смелее, смелее, враг мой! Можно подумать, ты идешь впервые избивать меня, — сказал он. — Бей, ведь я не могу ни убежать от тебя, ни дать сдачи.

Мальчик, движимый острым любопытством, которое пересиливало страх, приблизился к незнакомцу. Тот был прикован короткой цепью к столбу. Это был пожилой, усталый человек. Тилон присмотрелся к нему и едва не вскрикнул: человек был слеп.

— Я не враг твой, — звонко произнес Тилон, — и я не собираюсь бить тебя.

Незнакомец улыбнулся.

— Как зовут тебя, мальчик?

— Тилон.

— Тилон... Страшное имя. Я не встречал такого. Что ты делаешь здесь ночью? Откуда ты?

— А кто такой Феогнет? — спросил Тилон, переводя разговор.

— Феогнет... — повторил незнакомец. — Честь ему и хвала. Это юноша, который сумел стать победителем Олимпиады! Он положил на лопатки всех борцов, самых маститых, самых известных. Ты слышал стихи, которые я прочел?

— Да.

— Их посвятил ему сам знаменитый Симонид из Кеоса! — сказал незнакомец.

— Послушай...

— Меня зовут Ликомед.

— Послушай, Ликомед. Сейчас ведь ночь и площадь пустынна.

— Знаю.

— Для кого же ты читаешь стихи?

— Для себя, — улыбнулся Ликомед.

— А ты знаешь стихи о тех, кто прыгнул на Олимпиаде дальше всех?

— Конечно.

— Прочитаешь их?

— Я знаю много стихов, Тилон. Но у меня слишком мало времени осталось, чтобы прочитать их, — вздохнул Ликомед.

— За что тебя приковали цепью? — задал Тилон вопрос, который его больше всего мучил.

— Долгая это история. И невеселая...

Ликомед задумался. Глубокие морщины прорезали его лоб, напомнивший Тилону кору старого дерева. Да и сам Ликомед напоминал дерево, разбитое грозой, но еще живущее. Он стоял, широко расставив ноги и прислонившись к столбу. Незрячие глаза, казалось, вглядывались в светлую ночную даль.

— Я крестьянин, Тилон, — начал Ликомед. — И отец

мой был крестьянин, и дед. Из рода в род мы жили тем, что возделывали пшеницу. Ну вот. Три года назад случилось так, что наше войско, двигавшееся на Спарту, чтобы отразить вероломное нападение... Да ты знаешь ли, что такое Спарта?

Тилон в волнении кивнул.

— Спарта — государство, с которым мы граничим, — пояснил Ликомед, не дождавшись ответа. — Да поразят ее боги, Спарту. Житья от нее не стало соседям! Только о войне и помышляет это государство, из младенцев солдат воспитывает... Но я отвлекся. Итак, спартанцы перешли нашу границу в том месте, где никто этого не ожидал. Наше войско в великой спешке ринулось им навстречу. И так уж случилось, воины начисто растоптали мое поле молодой пшеницы. Что тут будешь делать? Хоть с голоду помирай. Пошел я к богатому соседу: его участок не пострадал. Попросил ссуду. Он дал, но с тем что через год я обязался отдать вдвое.

— Вдвое?

— Ну да. Обычное дело. «Не хочешь, — сказал он, — не бери — дело твое». А выхода у меня не было. Ликомед помрачнел.

— А через год случился неурожай, — продолжал он после паузы. — Есть нечего семье. Опять я к соседу. Тот говорит: «Ладно, еще годик подожду, но долг твой снова удвоится».

— Значит, станет вчетверо против прежнего, — вставил Тилон, внимательно слушавший рассказ Ликомеда.

— Верно, мальчик. Вчетверо. Срок истек, долг отдать я не сумел. Не могла моя земля родить столько пшеницы. По закону и я, и вся моя семья должны были перейти в рабство к соседу. Рабство хуже смерти — запомни это, Тилон. Пошел я к соседу, попросил подождать. Не помогло: скаредность закрыла ему весь белый свет. Пришли забирать нас в рабство... Сосед решил нас продать далеко, за море, в Ольвию... Я сопротив-

лялся — ударил начальника стражи. Жену и дочь увезли... А меня за то, что поднял руку на представителя власти, ослепили и приковали к позорному столбу на четверо суток. Хвала Зевсу, на рассвете завтра мой срок истекает.

— И тебя отпустят?

— В Тартар. — Ликомед провел пальцем поперек горла и добавил: — Чтобы другим неповадно было бунтовать против властей.

— Но ты же мог убежать! — вырвалось у Тилона.

— Когда?

— Хоть в эту ночь.

— А цепь?

— Ее можно разбить.

— Я слеп!

— Неужели у тебя нет друзей?

— Они боятся навлечь на себя гнев властей, — с горечью произнес Ликомед.

— А я не боюсь! Я разобью твои цепи, и мы убежим! — вырвалось у Тилона.

— Гм, убежим... — Ликомед, казалось, раздумывал над словами мальчика. — Но если нас поймают — тебя ждет моя участь. А у тебя вся жизнь впереди.

— Решайся, Ликомед! Я стану твоими глазами, я буду повсюду с тобой. Мы пойдем в горы, в леса, соберем недовольных и отомстим ирену... отомстим твоим обидчикам, — поправился Тилон. — А потом отправимся на поиски твоей жены и дочери. Ну, разбивать цепь?

— Разбивай, — махнул рукой Ликомед.

Тилон с усилием поднял большой камень и принялся бить им по цепи.

Ликомед не мог помогать ему — мешала короткая цепь.

— Потихе, потихе бей, Тилон, — приговаривал он шепотом. — Не ровен час, сторож услышит.

Но сторож, ничего не слыша, спал в своей убогой конуре, упившись без меры аттическим вином.

Разбитая цепь упала на землю.

Ликомед расправил плечи, пошевелил затекшими руками.

— Уже светает? — спросил он.

— Нет, до утра далеко.

— Это хорошо. А теперь води меня к побережью. Там среди скал лучше всего спрятаться на первых порах.

Тилон замешкался.

— Я не знаю дороги туда, — сказал он после паузы.

— Вот как? Не знаешь, где побережье? — удивился Ликомед.

— Не знаю.

— Тогда сделаем так. Мы пойдем, ты будешь описывать мне места, а я буду говорить, куда сворачивать. Что поделаешь, не привык я еще жить слепцом, как Гомер, — добавил Ликомед с виноватой улыбкой.

Мальчик взял его за руку, и они двинулись в путь.

Через два часа торопливой и мучительной ходьбы — Ликомед часто спотыкался, а однажды упал, разбив в кровь лицо, — они были уже на побережье. Когда Ликомед обессилел, Тилон подхватил его на плечи и понес.

...Многое пришлось испытать Тилону. Он стал правой рукой Ликомеда, который возглавил крестьянский бунт.

Поначалу их было немного — жалкая кучка обездоленных, доведенных до отчаяния голодом и нуждой. После к ним стали примыкать целые селения крестьян, задавленных непосильной кабалой. Ликомед разбивал их на отряды, внушал необходимость воинской дисциплины. Неутомимый и вездесущий Тилон преподавал им приемы кулачного боя, учил бегать, прыгать в длину, стрелять в цель из лука. Вот когда пригодилась выучка ирена!

— Откуда только у парня такая сноровка и зна-

ния? — покачивали головами крестьяне, собираясь по вечерам в кружок у костра.

Ликомед помалкивал, лишь улыбался в бороду.

Помалкивал и Тилон.

Отряды восставших освобождали тех, кто попал в долговую кабалу, уничтожали долговые знаки — каменные столбы, казнили наиболее свирепых заимодавцев.

Тилон возмужал, окреп, загорел на вольном воздухе. Он и тут находил время заниматься прыжками в длину, и каждый его прыжок вызывал восхищение крестьян в отряде. Сам мальчик, однако, чувствовал, что дальность прыжка, несмотря на все старания, почти перестала расти. Он чувствовал, что достиг некоего предела, за который перешагнуть уже не удавалось. Если бы узнать секрет дальнего прыжка, о котором ему говорил когда-то встреченный пастух! Но где он теперь, Пелоп? Да и его слова о секрете прыжка не выдумка ли?

Между тем с некоторых пор дела восставших пошли похуже. Испуганные размахом восстания правители начали стягивать к побережью и прилегающим лесам большие силы. Все туже сжималась петля вокруг горной гряды, где в густых чащах располагалась основная база восставших крестьян. Уже несколько лет полыхал огонь крестьянского бунта, и правители ничего не могли с ним поделать.

...На рассвете в лагерь прискакал гонец. Конь под ним пал, последний отрезок пути он преодолел пешком. Гонец несколько минут молчал. Он сидел на корточках, с почерневшим лицом, в окружении встревоженных крестьян.

— Подписан договор со Спартой, — сказал он наконец.

Люди на все лады загомонили, обсуждая новость.

— Экейхерия? Олимпийский мир? — уточнил Ликомед.

— Едва ли это олимпийский мир, — вступил в раз-

говор Тилон. — Ведь до очередных Олимпийских игр еще почти три года.

Тилон тщательно хранил в памяти все, что касалось Олимпиад.

— Согласно договору войска Спарты будут теперь брошены против нас, — медленно, почти по складам произнес гонец, глядя прямо перед собой остановившимся взглядом.

Люди переглянулись.

Каждый знал, что воины Спарты отличаются жестокостью и беспощадностью.

— Не падайте духом, друзья, — произнес Ликомед, чутко уловив общее настроение. — Войско спартанцев в большинстве состоит из таких же, как мы, крестьян. Попробуем обратить их в нашу сторону.

— Но это еще не все, — сказал лазутчик.

— Говори до конца, — велел Ликомед и нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Против нас, говорят, будет брошена агела — лагерь юных спартанских воинов. Ходят слухи, что это сущие дьяволы, которые никому не дают пощады.

При последних словах гонца кровь бросилась в лицо Тилона. Хорошо, что в этот момент никто не смотрел на него.

БОЙ НА ВЕРШИНЕ

...Наступил день жестокого сражения, которое длилось не переставая уже четвертые сутки. Основная масса восставших была рассеяна отрядами спартанских лучников. Горные ущелья и вековые леса оглашались стуком мечей, яростными воплями сражающихся, столами раненых.

Небольшой отряд, в котором находились Ликомед с Тилоном, оказался отрезанным от остальных. Отбива-

ясь от нападающего врага, отряд продвигался вверх по узкому горному ущелью, изрезанному оврагами.

Ликомед шел впереди, тяжело опираясь на плечо Тилона.

— Ты — мой посох, — говорил Ликомед, когда останавливался, чтобы вытереть пот с лица.

— Я — глаза твои, — отвечал Тилон.

Во вчерашнем сражении Ликомед был ранен в бедро боевой стрелой, и повязка сковывала его движения.

К вечеру отряду удалось оторваться от преследователей. Ликомед несколько раз обеспокоенно крутил головой и бормотал как бы про себя:

— Слишком легко они дали нам оторваться, спартанцы... Не нравится мне все это... Мы должны изменить наш путь!

— Это невозможно, Ликомед, — отвечал каждый раз Тилон, оглядываясь.

— А что вокруг?

— Все те же неприступные горы. Они нависают над нами, закрывая небо. Дорога одна — только по ущелью.

— Что ж, тогда поспешим, — говорил Ликомед, и маленькая колонна ускоряла шаг.

Путь их извивался по дороге подобно змее. На дне ущелья было сыро, меж камней бормотал невидимый ручеек. Пахло гнилой древесиной, прелыми листьями.

С каждым шагом Ликомед прихрамывал все заметнее, и Тилон видел, что лицо вождя все время морщится от боли. Но когда кто-то предложил сделать короткий привал, Ликомед только покачал головой.

Дорога стала круче, теперь вверх приходилось карабкаться. Тилона давно уже мучила жажда, и юноша на ходу срывал и жевал листья дикого орешника, чтобы хоть как-то утолить ее.

Камни срывались из-под ног бойцов и с грохотом катились вниз. Чтобы сделать шаг вперед, людям приходилось хвататься за ветки и стволы.

— Почему они перестали преследовать нас? Стран-

но, очень странно, — говорил Ликомед. Тилон молчал — он не знал, что ответить.

Они шли всю ночь, а на исходе ее вышли к вершине горы. Вершина представляла собой небольшое плато, окаймленное острыми зубцами скал. Отсюда было видно далеко окрест. Начинаясь день уже разливал на востоке свое сияние, и туман, подсвеченный розоватым светом, уплывал вниз, клубясь ленивыми валами.

Площадку, на которую вскарабкался маленький отряд, со всех сторон окружала пропасть.

— Глянь-ка хорошенько, Тилон, у тебя глаза молодые, — попросил Ликомед, обойдя на ощупь площадку. — Есть ли отсюда дорога вниз?

Тилон до рези в глазах вглядывался в каждую складку местности, расстилавшейся перед ним.

— Есть только тот путь, по которому мы пришли сюда, — сказал он. — Другого пути нет.

— Они перехитрили нас. Мы в ловушке, — произнес Ликомед. — Нам остается продать свои жизни подороже.

Увы, худшие опасения Ликомеда вскоре подтвердились. В глубине ущелья, приведшего их на плато, крестьяне заметили блеск копий, мечей и щитов, а вскоре снизу донеслись отрывистые звуки спартанской речи.

— Эй, вы там, наверху! — донесся из ущелья гортанный крик. — Вы в мышеловке. Бежать вам некуда. Предлагаем сдаться на милость победителя.

Голос показался Тилону знакомым.

Лица восставших посуровели, взгляды обратились на Ликомеда.

— Мы не сдадимся, — твердо сказал он. — Будем драться до последнего. И пусть наша борьба послужит примером для грядущих поколений...

Тилон подошел к краю площадки и, с усилием сдвигнув с места, столкнул вниз огромный, поросший мхом валун. Взметая прах, набирая скорость, камень с грохотом покатился вниз. Снизу послышались проклятия,

затем все смолкло. Из ущелья вылетело копье. Коротко блеснув в лучах утреннего солнца, оно вонзилось в землю рядом с Тилоном.

Юноша столкнул вниз еще один камень, и целый рой стрел и копий вылетел из ущелья. Кто-то из восставших, раненный стрелой, протяжно застонал.

...В полдень сражение иссякло. Все попытки спартанцев занять с ходу горную площадку были отбиты. Своих раненых восставшие поместили под наскоро сооруженный навес, спасавший от палящих лучей солнца.

— Выдайте главаря! — кричали снизу спартанцы. — Мы знаем: он с вами. Выдайте его, иначе мы уничтожим всех!

Ликомед появлялся на самых опасных участках битвы, угадывая их чутьем. Но боги щадили слепого смельчака — на нем не было и царапины, хотя вокруг вились вражеские стрелы и копья.

Постепенно спартанцы, царапаясь по скалам, окружили площадку, и теперь она напоминала остров, охваченный со всех сторон бушующими волнами.

Метательные снаряды врага выскакивали снизу и, описав дугу, обрушивались на восставших. Те отбивали их щитами, отвечая противнику градом камней.

Но силы были слишком неравны, к тому же защитники плато метали камни наугад, не видя противника, который в отличие от них имел превосходную возможность маскироваться.

Вскоре к мятежникам подобрался еще один коварный противник — жажда.

— У нас кончились продукты, Ликомед, — сказал Тилон вождю восставших на исходе вторых суток их пребывания на скалистой площадке.

— Не беда, — невесело усмехнулся Ликомед. — Боюсь, мы уже не успеем проголодаться.

Теперь ранены были почти все, кто сгрудился на площадке: кто в руку, кто в ногу, кто в живот.

В душе Тилона бушевали сложные чувства. Внимая

возгласам атакующих, он слышал голос почти забытой родины. Нет, не забытой! Юноша знал, что до смерти сохранит в памяти ее образ. Гм, до смерти!.. Похоже, ждать недолго. И уже никогда не повидает он мир, далекие земли, не осуществит мечту своей жизни — не станет лауреатом Олимпиады...

Тилон вздрогнул, очнувшись от минутного забытья. Среди торжествующих и яростных криков тех, кто осаждал площадку, ему почудился голос ирена. О, он узнал бы его из тысячи — злобный, чуть хриловатый, будто напоенный ядом змеи.

— Эй, Тилон! И ты здесь? Вот так встреча, хвала Зевсу, — услышал он снизу, из ущелья. Сомнений нет — это ирен.

— Мало того что ты попрал законы Спарты, — продолжал кричать ирен, — ты и сражаешься против нас!

— А где твой ореховый посох? — спокойно спросил Тилон. — Не забудь на него опереться.

Ирен потряс копьем.

— Значит, и здесь ты вздумал воду мутить? — прокричал он в приступе ярости. — Что ж, тем теплее будет наша встреча. Теперь ты от меня не уйдешь! Мы воздадим тебе по заслугам, не сомневайся!

— А я и не сомневаюсь, — ответил Тилон, подходя к самому краю площадки.

Пользуясь каждым выступом, каждым кустом, к ним все ближе подбирались спартанцы. Потерпев неудачу в открытом штурме, они избрали коварную тактику. Оставаясь сами невидимыми, они принялись осыпать площадку метательными снарядами. Спартанцы решили деморализовать восставших, подавить их дух, уничтожить — не в рукопашном бою, а на расстоянии. В то же время спартанцы шаг за шагом продвигались вперед. Вскоре верхушки их копий начали посверкивать на уровне площадки.

Тактика спартанцев оправдала себя. Уклоняясь от ближнего боя, они вывели из строя почти весь отряд.

Ликомед прижал к себе Тилона, стоя посреди распростертых тел.

— Кто может двигаться — ко мне! — призвал Ликомед.

Но никто не подошел к нему, никто из восставших не был в состоянии сделать и шага.

— Я знаю, Тилон, ты из Спарты, — тихо проговорил Ликомед. — Я догадался об этом еще в ту ночь, когда на площади ты подошел ко мне, окованному цепями... — Ликомед перевел дух и продолжал: — Казнь, которая угрожает тебе, вдвойне ужасна.

Первый из спартанцев, преодолев заградительный вал из камней и наспех срубленных веток, сооруженный защитниками, уже вылез на плато.

— Тебя-то я и ищу! — воскликнул он, увидев Тилона. Это был ирен.

Тилон сразу узнал его. Узнал, несмотря на то, что ирен сильно постарел за годы, прошедшие после бегства Тилона. Юноша мельком успел заметить, что кожа на лице ирена пожелтела и ссохлась, словно пергамент.

Спартанцы, вслед за иреном взобравшиеся на площадку, устремились к горстке раненых, лежавших под навесом.

— За мной! Добьем сначала этих! — крикнул ирен и бросился впереди всех к раненым.

Тилон заступил ему путь, и мечи их скрестились. В первые мгновения взгляд Тилона блуждал, ища кого-то среди спартанцев. Однако знакомых лиц, кроме ирена, среди нападающих, к счастью, он не обнаружил.

Какой-то рослый спартанец, размахивая копьем, бросился на помощь ирену.

— Прочь! — оттолкнув его свободной рукой, крикнул ирен. — Сам с ним справлюсь. У меня с ним старые счеты, с проклятым прыгуном!

По стуку мечей, который то отдалялся, то прибли-

жался к нему, слепой Ликомед с волнением следил за ходом поединка. Яростная схватка привлекла внимание всех. Спартанцы окружили их плотным кольцом, криками подбадривая своего сотоварища.

— Я заколю тебя, как паршивую крысу! — орал ирен, все ближе прижимая Тилона к краю площадки.

Да, ирен знал свое дело! Его меч, со свистом рассекая воздух, плясал словно молния, выжидая мгновение, когда усталый щит Тилона уже не успеет отразить его очередной выпад.

Раненые крестьяне, затаив дыхание, также наблюдали за стычкой. Близился финал трагедии, которая в течение нескольких лет потрясала одно из греческих государств...

Какое-то время Тилону удавалось увертываться от разящих ударов противника за счет своих великолепных прыжков.

— Ну и скачет парень! — не удержался от восхищения один из спартанцев, указывая копьем на Тилона.

Недаром, однако, ирен был бессменным чемпионом агелы по фехтованию. Исход поединка ни у кого, пожалуй, не вызывал сомнений.

Весь сжавшись в тугой комок мускулов, старый Ликомед, на время позабытый спартанцами, вслушивался в ход единоборства. Казалось, несмотря на слепоту, он видит все: он читал это сражение, как открытую книгу, по восклицаниям сражающихся, топоту их ног, торжествующим крикам ирена, по предостерегающим и подбадривающим возгласам спартанцев.

Двое воинов, державших Ликомеда за плечи, увлеченные ходом поединка, отпустили руки. Куда он теперь денется, старый слепец?.. Неуловимый Ликомед, в течение столь долгого времени наводивший ужас на всех землевладельцев государства, притеснявших крестьян, теперь был безвреден. Не то что дни — часы и минуты его жизни были сочтены.

Ловким маневром ирен вышиб из рук Тилона щит.

Тот со звоном упал на камни и, коротко прокатившись, ухнул в пропасть. Положение Тилона стало безнадежным. К тому же он больше не мог отступить ни на шаг: позади него площадка обрывалась.

— Молись Зевсу, отступник! — воскликнул ирен и занес над Тилоном меч.

В этот самый момент Ликомед оттолкнул стоящих рядом охранников и бросился вперед, на голос ирена. Слепец бежал с такой скоростью, что ирен не успел подняться.

Ликомед обхватил ирена обеими руками и, увлекая за собой врага, вместе с ним рухнул в пропасть.

На какое-то мгновение спартанцы замерли, пораженные неожиданным финалом. Превозмогая боль от раны, которую ему нанес ирен, Тилон опустился на камень. Ценой своей гибели Ликомед спас его. Точнее, отсрочил смерть Тилона на небольшой, видимо, срок. Гибель вождя потрясла юношу.

Мир опустел...

И ему уже было безразлично, когда двое спартанских воинов по приказу офицера пинками подняли его с земли и заставили спускаться с плато и двигаться вниз по ущелью. Оба спартанца отлично поняли со слов ирена, которые тот выкрикивал во время яростной стычки с Тилоном, что за человека они ведут и чего он заслуживает по законам Спарты.

...Вот и долина...

Еще несколько дней назад Тилон знал ее цветущей. Теперь она была истоптана ногами безжалостных спартанских наемников. Путь по жаре, под пинками воинов казался бесконечным.

С чувством облегчения Тилон увидел впереди наскоро сметанную ограду, за которой — он догадался — располагался военный лагерь спартанцев. Пленника провели мимо палатки, где, судя по всему: и по усиленной страже, и по колышущемуся на ветру флагу, — располагался начальник наемной спартанской армии.

ПЛЕН

Двое спартанских воинов подвели Тилона к сараю, похожему на скотный, и втолкнули внутрь с такой силой, что пленник, не удержавшись, упал на колени. Здесь было сыро и полутемно, пахло соломой и овечьим пометом.

Пока Тилон оглядывался, дверь за ним со стуком захлопнулась. Лязгнул засов.

— Здесь твой пост. Береги пленного как зеницу ока. Там, в сарае, опасный преступник, враг Спарты.

Как догадался Тилон, это сказал один из воинов подошедшему часовому.

— Не убежит, — произнес часовой. При звуках его голоса сердце Тилона забилося. Ему почудилось... Нет, не может быть! Хотя, впрочем, что же тут невозможного?..

Переживания последних дней и часов вконец обессили Тилона, хотя он и выделялся среди восставших силой и выносливостью. Он уже не слышал, о чем говорили с часовым воины, доставившие его сюда.

Тилон свалился на охапку сена и забылся тяжелым сном. Когда он проснулся, стояла глубокая ночь.

Прильнув к узенькой щели в двери, он сумел увидеть лишь две-три звезды да узкий серп луны, повисшей над палаткой командующего. Часового рассмотреть не удалось, как Тилон ни старался. Видимо, тот пребывал в неподвижности, вне поля зрения Тилона.

Он прислушался: лагерь спартанцев спал.

Что ж, придется рискнуть.

Тилон осторожно, одним пальцем постучал в дверную филенку.

— Что тебе? — послышался недовольный голос часового.

Сомнений нет — это он!

— Филлион... — хрипло прошептал Тилон, припав к щели.

— Ты знаешь, как меня зовут? — удивился часовой. — Кто ты такой, пленник?

— Я Тилон.

— Тилон?..

Стукнул засов, и дверь отворилась. На пороге сарая выросла высокая фигура в коротком воинском плаще и боевых доспехах, облитая скудным лунным светом.

Несколько секунд оба стояли не двигаясь и жадно разглядывали друг друга. И впрямь вид у Тилона был плачевный. Однако Филлион, как истый спартанец, привык сдерживать свои чувства.

Они тут же, на пороге, обнялись, и Тилон, не сдержавшись, застонал: Филлион задел рану, которую нанес ему ирен.

— Что с тобой? — тревожно спросил Филлион. — Ты ранен?

— Пустяки, — махнул рукой Тилон. — Теперь это уже не имеет значения. Лучше расскажи о себе. Как ты жил эти годы? Чего достиг? Чем занимался? Правда, о последнем можно догадаться, — щелкнул он по щиту, издавшему в ответ мелодичный звон.

— Ты прав, догадаться нетрудно, — согласился Филлион, окидывая привычным взглядом свои доспехи, потускневшие и побитые в многочисленных стычках. — А долго рассказывать — времени нет.

— Давай вкратце.

— Ну, если вкратце... После твоего бегства нас всех подвергли наказанию. Что еще? Мне несколько раз довелось участвовать в криптиях — честное слово, никак нельзя было уклониться. Ты же знаешь, какая у нас дисциплина. Особенно свирепствовал ирен — он самолично погубил множество илотов.

— Негодяй... — процедил Тилон.

— Могу тебя порадовать: он погиб во вчерашнем бою. Мне рассказывали, что он вступил в стычку с каким-то бесноватым, а потом слепой Ликомед, вождь восставших крестьян...

— Этим бесноватым был я, — перебил Тилон.

— Ты?.. А мне говорили, что это был великан чуть ли не двухметрового роста, вот с такими кулачищами. Но если это в самом деле был ты, то теперь тебе наверняка не миновать казни.

— Знаю, — спокойно сказал Тилон. — И знал, на что шел, когда сражался рядом со здешними крестьянами, которые восстали.

— Ты должен бежать отсюда, Тилон, — прошептал Филлион. — Я отпущу тебя.

— Не болтай глупости. Я знаю, сарай находится посреди спартанского лагеря. Видел, когда меня вели сюда. Лагерь огорожен. Отсюда и мышь не выскользнет, не то что человек.

Филлион промолчал, что-то обдумывая.

— Да, выбраться из лагеря непросто, — вздохнул он. — Ты прав, Тилон.

Произнеся эту фразу, Филлион резко повернулся и вышел, быстро, но без шума прикрыв за собой дверь.

«Ну, вот и все, — подумал Тилон, устало опускаясь на охапку соломы. — Филлион поступил правильно, я его не осуждаю. Разрешив мне бежать, он и меня не спасет, и себя обречет на смерть».

Тилон сидел погруженный в невеселые размышления, когда снаружи послышались шаги: к сараю подошел кто-то второй.

— Как проходит дежурство, Филлион? — спросил властный голос, по всей видимости, принадлежащий офицеру. — Пленник на месте?

— На месте. Где же ему еще быть?

— Завтра перед экзекуцией его хочет допросить сам командующий. Уж не знаю, чем он так крепко насолил спартанцам... Ладно, дежурь, — спохватился офицер, поняв, что сболтнул лишнее. — Постой, постой! На тебе два плаща? Это еще зачем?

— Замерз немного. Ночи здесь холодные... — пробормотал Филлион.

— Да ты, оказывается, неженка, — с осуждением произнес офицер. — Вроде и не спартанец. Ладно уж, не снимай... На рассвете тебя сменят.

Четкие шаги офицера замерли в отдалении.

Спустя короткое время дверь в сарай, скрипнув, тихонько приоткрылась и в синем проеме показался Филлион. Он снял с себя второй плащ и бросил его Тилону, сказав:

— Надевай.

— Я не замерз.

— Надевай, надевай! Вот тебе щит, вот палица, — продолжал Филлион. — Сейчас я выведу тебя за пределы лагеря, в таком виде тебя никто не узнает. Да бери, бери, у меня есть запасное оружие, я оставил его снаружи. Ну? Готов? Что же ты медлишь? Вот, теперь ты не пленник, а истый спартанский воин. Идем!

Однако Тилон не двинулся с места.

— Нет, я останусь, — покачал он головой. — И сброшу все это. Ты понимаешь, что тебе грозит?

— Ничего, придумаю что-нибудь, — деланно-беспечным тоном ответил Филлион.

— Тебя убьют.

— Да выкручусь я, клянусь Зевсом! — Филлион дернул его за руку, и они вышли из сарая. — Иди за мной, не отставая ни на шаг, — произнес озабоченно Филлион. — Старайся не шуметь. Да, чуть не забыл, — добавил он еле слышным шепотом. — Пароль на эту ночь: «Спарта превыше всего!»

— Спарта превыше всего... — одними губами повторил Тилон, спеша за Филлионом между спящих палаток.

Без всяких препятствий добрались они до ограждения. Сколоченное основательно, хотя и на живую нитку, оно охватывало спартанский лагерь.

Обстоятельства складывались удачно. Часовые, видимо, хорошо знали Филлиона. В то же время они и не

догадывались, что он покинул пост часового, которым был поставлен на эту ночь.

Выслушав пароль, охранники молча распахнули бревенчатые ворота, ведущие из лагеря. Путь был свободен.

Приостановив шаг, Филлион громко проговорил, обращаясь к Тилону, так, чтобы его слышали часовые:

— Нигде не задерживайся. Сообщение передашь только начальнику соседнего лагеря. И учти: дело чрезвычайной важности. Идем, я немного провожу тебя до дороги.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Тилон схватил Филлиона за руку и горячо произнес:

— Бежим вместе!

Филлион покачал головой.

— Нам не по пути, — сказал он. — Что бы ни ждало меня, я не могу покинуть Спарту. Дома меня ждет невеста, — добавил он после еле заметной паузы. — Но что я все о себе да о себе! — спохватился Филлион. — Ты-то как провел все эти годы?..

Тилон бросил взгляд на восток, который приметно начал светлеть, и сказал:

— В двух словах об этом не расскажешь, а на много слов времени нет. Лучше скажи, ты ничего не знаешь о моих родителях?

Горло Тилона перехватило волнение. Этот вопрос жег его с того самого момента, когда он угадал по голосу в часовом, поставленном у сарая, своего прежнего друга Филлиона. Но только сейчас Тилон решился задать этот вопрос.

— Года полтора назад был я в вашем селении, видел твоих родителей, — сказал Филлион. — Сильно постарели оба. Тоскуют по тебе, беспокоятся. Только и живы надеждой на твое возвращение.

— В Спарту мне ходу нет.

— Нет, — согласился Филлион.

— Но, думаю, мне когда-нибудь удастся добиться этого права — вернуться на родину.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Филлион, но ответа не услышал. Он бросил взгляд на товарища. Лицо его в свете едва намечающегося рассвета было нахмурено, глаза, устремленные вдаль, излучали непреклонную волю.

Они миновали колючие заросли терновника и вышли к глухой проселочной дороге, по обочинам которой росли высокие травы. Оба, не сговариваясь, переглянулись — им одновременно припомнилась та далекая дорога, по которой они, семилетние мальчишки, уходили в первый в своей жизни военный лагерь, предводительствуемые свирепым иреном.

Сделав несколько шагов по дороге, Филлион остановился.

— Что ж, давай прощаться, Тилон, — сказал он. — Вот-вот должна быть смена караула, мне нужно быть на месте.

Они снова по-братски обнялись, и глаза обоих влажно блеснули.

— Я никогда не забуду, что ты сделал для меня, — сказал Тилон.

— Не о чем говорить, — махнул рукой Филлион. — Ты на моем месте, думаю, сделал бы то же самое.

Мгновения бежали, а они все медлили расстаться.

— Если жив останусь, что дома сказать твоим родителям? — спросил Филлион.

— Расскажи отцу и матери, что до тебя дошли достоверные слухи обо мне: мол, жив-здоров, все у меня в порядке. Денег накоплю — вернусь... Ну сам придумай что-нибудь, не умею я этого! — в отчаянии закончил Тилон.

Филлион кивнул.

— Свидимся ли еще когда-нибудь? — донеслись до него издали последние слова Тилона.

ВСТРЕЧА

Козы разбрелись по северному склону холма, выбирая между камней чахлую зелень, лишь кое-где пощаженную солнцем. Лето в этом году в Афинах выдалось жаркое — такого жаркого лета не помнят старики.

Хуже всего приходится земледельцам. Поля выгорают, несмотря на то, что рабы, выбиваясь из сил, день и ночь таскают глиняные сосуды с водой, стараются напоить растрескавшуюся землю. А вот виноградники сулят богатый урожай. Говорят, что вино, полученное из винограда, созревшего в такое вот жаркое лето, обладает особыми качествами и вкусом... Впрочем, вкус вина Тилона не интересует.

Размышления Тилона прервал бойкий козел, который, пока Тилон отвлекался воспоминаниями, отделился от стада, тартар его ведает, каким образом перебрался через глубокий ров и теперь, воинственно тряся бородой, тыкался рогами в высокий плетень, обмазанный белой глиной.

Тыкался в плетень — только этого не хватало Тилону!

Хозяин огороженного участка — темная личность, о нем рассказывают в селении и в окрестностях всяческие небылицы. Толком его не видел никто, поскольку сбитает он на отшибе и ведет образ жизни затворника. Может, кто и видел этого человека — кто его знает? — но Тилону он не попадался ни разу. Да, честно говоря, Тилон и не жаждет встречи с ним: старики говорят, что человек из-за плетня знается с нечистой силой и может наслать порчу. А у Тилона здесь и своих неприятностей хватает...

Молодой человек вскочил на ноги и понесся вниз. Ветки маслины хлестали его по лицу, крохотная полуденная тень, вся уместившаяся под ногами, прыгала словно облачко.

Кусты расступились, и впереди показалась разверстая пасть оврага. Его прорыл немолчный горный поток, который, перебирая тяжелые, как жернова, валуны, стремился к морю.

Давно забытая страсть к прыжкам вспыхнула у Тилон. Это было как наваждение.

Молодой пастух долго не раздумывал. Прыгнуть! Снова ощутить себя в полете, когда тело утрачивает вес, становясь удивительно гибким и послушным.

Тилон успел выбрать взглядом на самом краю оврага рыхлую плиту известняка, от которой можно было оттолкнуться в прыжке, гортанно крикнул и взвился в воздух. Потревоженные камни стружкой потекли вниз, туда, где царил вечный сырой полумрак. Третьего дня в ров сорвалась неосторожная коза, соблазнившаяся сочной травой. Бедное животное упало на острые камни и успело проблеять лишь несколько раз, пока поток тащил его вниз, к морю.

...Камешки не успели долететь и до середины, а Тилон был уже на другом берегу рва. Коснувшись ступнями земли, он покачнулся, и почва рванулась из-под ног. Нет, прыжок он рассчитал правильно, только силенок не хватило. Или, может быть, уменья прыгать?.. Да, в последние годы Тилон тренировался в прыжках все реже и реже. К чему? Все равно олимпийский рекорд он не побьет — Тилон это давно уже понял. А без этого какой же смысл прыгать? Здесь, в забытой Зевсом деревушке, расположенной поодаль от великолепных Афин, жизнь его текла вяло и однообразно. Спасибо, что жители селения приютили его, ни о чем не спрашивая, — им нужен был пастух.

Юноша был неразговорчив, согласился на ничтожную плату — чего еще желать? Никто не знал, откуда он пришел в селение. Жители пожалели высокого худощавого парня, который весь был в синяках и кровоподтеках и ходил, заметно приволакивая ногу. Крепко, видеть, ему досталось!

Падая спиной в овраг, Тилон инстинктивно успел вцепиться обеими руками в колючий кустарник, которым ошетинился почти отвесный откос. Он изорвал ладони в кровь колючками, но все же кое-как вырвался наверх.

Козел, напуганный прыжком пастуха, прервал свое занятие и отвернулся от высокого забора. Тилон пинком отогнал его от ограды и без сил повалился в траву.

Только теперь, после счастливо пережитой опасности, он почувствовал испуг. Сердце тревожно заколотилось.

Пастух закусил травинку и, повернувшись на спину, уставился в бездонное, словно вылинявшее от жары, небо. Мысленно он снова и снова переживал ни с чем не сравнимое ощущение свободного полета, которое человеку дано испытать только в прыжке.

Интересно, а на какое расстояние может прыгнуть самый сильный, самый ловкий эллин? Каков предел человеческим возможностям, положенный Зевсом-громовержцем? И существует ли он вообще, этот предел?! Сейчас, например, он прыгнул на тридцать дельфийских стоп!

Козел, обиженно мекая, принялся спускаться по крутому склону оврага. Тилон повернулся на бок. Присмотревшись, он увидел внизу, в полутьме оврага, тонкое, освобожденное от веток и листвы деревце, которое кто-то заботливо перебросил через поток. Странно, подумал Тилон. Раньше он не видел этот импровизированный мостик, хотя все лето пасет здесь стадо.

Покусывая травинку, Тилон наблюдал, как козел прошел по переброшенному через поток деревцу и вскарабкался на противоположный берег.

Юноша прикинул на глазок ширину оврага, и у него под ложечкой противно засосало. Неужели это он перепрыгнул?! Ай да Тилон! Да тут добрых тридцать пять стоп будет, не меньше. Расскажи такое в селе-

нии — не поверят, сочтут хвастуном вроде деда. Впрочем, он там почти и не разговаривает ни с кем...

Да, а прыжок что надо!

Тилон снова свалился на землю, без сил раскинув руки. Он чувствовал себя опустошенным. Немного отдохнув, поднялся и приготовился было спускаться к переправе — о том, чтобы совершить обратный прыжок, не могло быть и речи.

— Эй! — слышался позади оклик.

Тилон обернулся. Калитка в ограде была приоткрыта. В ней, как в раме, стоял невысокий коренастый человек с широкой окладистой бородой.

— Не уходи, юноша, — улыбнулся пожилой незнакомец, — мне надо с тобой поговорить.

Что-то в голосе незнакомца заставило Тилона остановиться, хотя он и не собирался этого делать. Несколько мгновений они пристально вглядывались друг в друга.

— Пелоп! — вырвалось у Тилона.

Человек грустно улыбнулся.

— Я знал, что мы встретимся, — просто сказал он и шагнул навстречу Тилону. Тот подбежал, и они обнялись.

— Трудно тебя узнать. Ты постарел, — сказал Тилон, когда они разжали объятия. — Вон и борода стала на три четверти белой.

— Да и ты сильно изменился, мальчик, — покачал головой бородач. — Годы бегут словно кони.

Они поговорили еще немного, избегая расспрашивать друг друга о вещах важных.

— Где ты обитаешь? — спросил Пелоп озабоченно.

— Там, в селении, — махнул рукой, указывая, Тилон.

— За оврагом?

— Да.

Пелоп нахмурился.

— Там тебя не любят, — сказал Тилон. — Считают,

что ты водишься с потусторонней силой, порчу на скот напускаешь...

— Темные люди, что с них возьмешь? — пожал плечами Пелоп. — Надеюсь, ты не принадлежишь к ним?

— Нет.

— Ну и ладно, — улыбнулся Пелоп. — И довольно о пустяках. Я наблюдал за твоим прыжком. Ты прыгнул как бог.

Юноша потупился. Похвала его обрадовала, хотя и несколько обескуражила. Бог, как известно, не один, богов много. И потом, разве боги прыгают?..

— Только не заносись, — сказал Пелоп и положил ему руку на плечо. — Ты не один. Возможно, найдутся и другие прыгающие неплохо. До олимпийского рекорда тебе далеко.

— Знаю.

— У тебя фигура и ноги прирожденного прыгуна, — сказал Пелоп. — Если работать, ты мог бы кое-чего достичь. Помнишь, когда-то у костра я говорил тебе об этом?

— Пелоп, научи меня тайне прыжка! — вырвалось у Тилона.

— Вспомнил-таки.

— Научи, и я стану навсегда твоим рабом.

— Это лишнее. Но работать придется много, малыш, очень много.

Пелоп называл Тилона малышом, хотя тот был на две головы выше его.

— Работы я не боюсь.

— Ладно, попробуем, — сказал Пелоп. — Но что же мы стоим на солнцепеке? Пойдем ко мне.

— У меня козы... — замялся Тилон.

— Твое стадо постережет моя собака, — решил Пелоп. — Она превосходный пастух.

С этими словами он вошел во двор, подошел к со-

бачьей будке и спустил пса с поводка, проговорив несколько слов на незнакомом Тилону языке.

Во внутреннем двореке было попроще, чем на открытой вершине холма.

Лозы гнулись под тяжестью гроздей хорошо ухоженного винограда.

— Сюда, — указал Пелоп.

Когда они входили в беседку, увитую зеленью, издадека, с вершины холма, донесся собачий лай.

— Располагайся, — сказал Пелоп.

Тилон сел на скамью, облокотился на врытый в землю стол. Пелоп сел напротив.

— Знаешь, я все лето за тобой наблюдаю, — сказал Пелоп. — Видел, как ты бегаешь и прыгаешь иногда там, на холме. Только выйти к тебе не решался — не рискую далеко удаляться от моей крепости, — усмехнулся он, указывая на высокую ограду. — Вот и пришлось ждать, когда ты окажешься близко, чтобы окликнуть тебя. Только вот не думал, что ты решишься перепрыгнуть через овраг, и позавчера ночью приготовил для тебя переправу. Видел?

— Да.

Они сидели разговаривали, и Тилону казалось, что он знает бородача сто лет. С ним он чувствовал себя спокойно и как-то надежно, словно повстречал друга после многолетней разлуки. Впрочем, так оно и было.

— Ты говоришь как чужестранец, — сказал Тилон.

— Верно, я родом издадека. Из краев, о которых вы, эллины, и понятия не имеете, — произнес бородач. — Летом там жарко, как у вас, зато зимой... Зимой там царят такие жестокие морозы, что вода становится твердой как камень, а дождинки превращаются в белые хлопья, которые толстым ковром на целые месяцы покрывают землю.

Слушая рассказ Пелопа, Тилон постепенно осваивался. Несколько раз он с любопытством огляделся. На столе и вдоль стен беседки стояли приспособления

и механизмы неизвестного назначения. Снова припомнились толки сельчан о странном человеке, который живет за оградой и знается с нечистой силой.

Словно угадав его мысли, Пелоп взял со стола прибор, представлявший собой сложную систему рычагов и ремней.

— Это полиспасть, — сказал он. — Обычная штука. Полиспасть применяется в больших греческих портах для разгрузки и погрузки судов.

— Я не бывал в больших портах.

— Побываешь.

Пелоп поставил полиспасть на место и взял со стола другой механизм.

— Это катапульта, — сказал он. — Тоже ничего таинственного. Служит для метания различных предметов. Она поможет тебе постичь тайну прыжка. Пойдем.

Они вышли во дворик, Пелоп поставил катапульти на утрамбованную площадку, свободную от травы. Сбоку на катапульте была прикреплена дощечка, вырезанная в форме полумесяца, по которой, как по шкале, можно было перемещать стрелку.

— Транспортир, — указал на дощечку со стрелкой Пелоп. — Прибор для измерения углов.

— Углов?

— А ты изучал когда-нибудь геометрию?

Тилон покачал головой.

— Чему же тебя учили? — удивился Пелоп.

— Военному делу...

— Ладно, оставим это. Так вот, с помощью транспортира я могу задать любой угол, под которым вылетает предмет. Начнем с малого угла. Он называется острым... Погоди-ка, а писать-то ты хоть умеешь?

— Мне показывали когда-то буквы... — густо покраснел Тилон.

— Буквы потом, — решил Пелоп. — Гляди сюда. Я ставлю стрелку на пятнадцать градусов.

Затем Пелоп оттянул рычаг катапульты и заложил в его гнездо небольшой камешек, поднятый с земли.

— Наблюдай и запоминай, — приказал он и с этими словами отпустил рычаг.

Камешек, описав невысокую дугу, упал, не долетев до пустой собачьей будки.

— Поддай-ка мне камень, — попросил Пелоп.

— Возьми другой.

— Нельзя. Нужно, чтобы бросаемый предмет обладал одним и тем же весом... Отметь место, где он упал!

Тилон провел носком босой ноги черточку на том месте, где упал камешек, после чего вернул его Пелопу.

— Теперь увеличим угол выброса на пять градусов, — сказал тот и перевел стрелку транспортира повыше. — Учти: сила, с которой вылетает камень, все время остается постоянной.

Вылетевший из катапульты камень после второго броска упал немного дальше отметки, сделанной Тилоном.

— Понял! — сказал Тилон. — Чем больше угол вылета, тем дальше летит брошенный предмет.

Пелоп улыбнулся.

— Не совсем так, — сказал он. — Никогда не торопись с выводами, малыш.

И верно. Как вскоре убедился Тилон, камешек сначала с увеличением угла падал дальше, но только до определенного предела. После этого, несмотря на то что бородач продолжал увеличивать угол вылета, камень начал падать все ближе и ближе.

— Запомни, — сказал Пелоп. — Камень летит дальше всего, если бросать его под углом сорок пять градусов к горизонту. А какая разница, камень или прыгун?

— Как просто! — вырвалось у Тилона.

— Это еще не все. Главная тайна рекордного прыжка впереди. Тебе предстоит постигнуть многие премудрости, чтобы прыгнуть так, как никто из людей не прыгал.

Пелоп глянул на солнце.

— На сегодня хватит. Тебе пора возвращаться. Не проговоришься в селении о том, что ты был тут и что видел. Они и так угрожают мне. До завтра, — заключил он.

— До завтра.

— И пожалуйста, не прыгай пока через овраг: твой прыжок несовершенен, можешь сломать ногу, а то и шею.

...На следующий день Тилон пришел в домик Пелоп-па рано, как только пригнал стадо в ложбину за холмом. Перебрался по стволу через поток, толкнул калитку, которая оказалась незапертой. Дворик, если не считать пса, встретившего его дружелюбно, как старого знакомого, был пуст.

Тилон закрыл за собой калитку, сделал несколько шагов и огляделся, не зная, что делать.

Из двери дома вышла юная девушка, осторожно неся глиняную амфору — сосуд, разрисованный олимпийскими атлетами. Скользнула по Тилону взглядом и скрылась в беседке. Выйдя оттуда через минуту, она сделала Тилону знак, означающий приглашение войти.

— Здравствуй, — сказал Пелоп, сидевший за столом. — Рад, что мой первый и единственный ученик оказался таким прилежным. А я вот печаль в вине топлю, — щелкнул он ногтем по сосуду, который ответил тонким мелодичным звоном.

Тилон сел на вчерашнее место.

— А скажи-ка мне, малыш, — неожиданно спросил Пелоп и хитро посмотрел на него, — тебе приходилось встречать молодого старика?

— Молодого старика? — переспросил Тилон и пожал плечами. — Нет, не приходилось.

— А злое дитя ты видел когда-нибудь?

— Дети добры. Разве бывает злое дитя? Ты разыгрываешь меня, — вспыхнул Тилон.

— Эге, дружок, тебе еще предстоит набираться пре-

мудрости, — сказал старик, наливая из амфоры в чашу розовое вино. Беседка наполнилась терпким запахом.

— Был у меня знакомец в Афинах, — начал старик, пригубливая вино. — Один из немногих. Поэт и философ. Не знаю, жив ли он теперь... Это было давно, четырнадцать лет назад, как только я прибыл в Элладу. Вот послушай, что этот эллин сказал о вине.

Пелоп откинулся к стенке, увитой плющом, полузакрыв глаза и нараспев прочитал:

Злое дитя, старик молодой, шалун добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник любви.

— В этих двух строчках, — продолжал старик, — система взглядов на мир, целая философия. Вдумайся: дитя — злое, старик — молодой... Единство противоположностей! В чем, в чем, а в философии вы, греки, сильны. И еще в спорте.

В беседку вошла девушка, вытерла со стола пролитое вино. Тилон глянул на нее и покраснел.

— Не вздумай отвлекаться на глупости, — строго произнес Пелоп. — До Олимпиады меньше двух лет, а работы у нас непочатый край.

Пелоп резко, расплескав через край почти полную чашу, отодвинул ее, и они вышли из беседки.

— Сегодня будет прыгать не камешек, а ты, — сказал он. — Отрабатывать стартовый угол прыжка. Не забыл, каким он должен быть?

— Помню.

Тилон прыгал до седьмого пота. Пелоп был безжалостен. Снова и снова заставлял он Тилона разгоняться и прыгать, измеряя каждый раз стартовый угол с помощью какой-то трубки, которую приставлял к глазу. В трубке поблескивал выпуклый прозрачный камешек круглой формы, на который были нанесены деления.

Девушка — Тилон не знал даже ее имени — смот-

рела на него, как ему казалось, с состраданием, не произнося ни слова.

— Никуда не годится, — ворчал Пелоп. — Вялый толчок. Ты спишь на старте! Прыгаешь под слишком малым углом. Сильнее отталкивайся в момент прыжка!

Тилон вытер мокрый лоб, разбежался и прыгнул. Пелоп замерил длину прыжка.

— Еще разок, — сказал он и взял Тилона за руку. — Кажется, я понял, почему у тебя не получается. Тридцать пять стоп — для тебя не результат.

— Разгоняться быстрее я не могу, — сказал Тилон, тяжело дыша.

— И не нужно. Прыгай круче!

— Как же я прыгну круче, если не могу разгоняться быстрее? — удивился Тилон.

— Запомни: стартовый угол определяется не скоростью разбега, а только силой, с которой атлет отталкивается от земли. Будем развивать мышцы ног!

Тилон тренировался до самого вечера и ушел, лишь когда летнее солнце коснулось вершины холма. Все это время пес старика верно нес сторожевую службу.

ПУТЬ К ТАИНЕ

...Интенсивные каждодневные тренировки вконец измотали Тилона. Вот и сегодняшним упражнениям, казалось, не будет конца.

А ведь Тилон считался выносливее всех в селении, в которое его забросила судьба. Он мог целый день бродить в горах, лазить по острозубым скалам. Преследуя на охоте зверя, Тилон мог покрыть бегом огромное расстояние, и усталость не касалась его своим крылом.

Но сегодня...

Неумолимый Пелоп заставлял его снова и снова проделывать трудоемкие упражнения. В ход шли по-

переменно диск, копье, мешок с песком, который нужно было множество раз подбрасывать и ловить.

И снова, как каждый день, — прыжки, прыжки, прыжки...

— Не спи на старте! Резче отталкивайся! — кричал Пелоп, входя в азарт. И подбадривал изнемогающего Тилона: — У тебя угол прыжка повысился еще на четыре градуса!

В глазах завертелись черные круги, Тилон почувствовал: еще один прыжок — и он свалится без чувств. В этот момент старик взял его за руку:

— Довольно.

Они вошли в дом, и Тилон кулем свалился на ложе.

— Усталость — коварный зверь, — сказал Пелоп. — Она может подстеречь олимпионика и свалить его в самый неподходящий момент. Ты должен научиться бороться с нею.

— А когда ты раскроешь мне главную тайну прыжка? — спросил Тилон. Этот вопрос он задавал после каждой тренировки.

— погоди. Еще не время, — ответил старик, как всегда.

Молчаливая девушка поставила перед Тилоном блюдо с его любимыми маслинами, а старику пододвинула чашу со странным кушаньем. Это были катышки из теста, старик уничтожал их с видимым удовольствием.

— Отведай-ка, — предложил он Тилону. Тот несмело раскусил катышек. Внутри оказалось мясо с какой-то острой приправой.

— Нравится? — спросил старик.

Тилон кивнул, вытирая выступившие слезы. Старик сказал название еды, но юноша не сумел повторить чудное слово. Пелоп молчал, устремив неподвижный взгляд в окно, поверх головы девушки. Кто знает, какие картины проносились перед его мысленным взором? За окном легкий ветерок шевелил виноградные листья, уже тронутые осенью.

Девушка убрала со стола и присела на краешек скамьи.

— Ступай, — сказал ей старик, — нужно подвязать лозы на восточном склоне, их повалил вчера ветер.

— Сегодня ты потрудишься неплохо, — сказал Пелоп. — Теперь ступай домой, отдохни хорошенько, иначе завтра не сможешь прыгать. Завтра, — голос его окреп, — я раскрою тебе главный секрет прыжка.

Тилон так устал, что даже радости не почувствовал. Поднявшись, он почувствовал, что тело налилось свинцом, стало тяжелым и непослушным.

Идя к калитке мимо виноградника, Тилон заметил вдаль между лоз тоненькую фигурку девушки. Девушка подвязывала лозы. Больше всего Тилона поразило, что она тихонько что-то напевала — слов, конечно, разобрать нельзя было из-за дальности расстояния. А то уж он всерьез начал подумывать, что девушка либо немая, либо немного не в себе. Недолго думая, Тилон свернул с тропинки. Увидев направляющегося к ней юношу, девушка смолкла.

— Значит, ты умеешь говорить? — сказал Тилон.

Девушка стояла, опустив руки, в которых держала бечевку. На вопрос Тилона она не ответила, только подняла на него глаза.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Гидона, — сказала она.

— Я уже давно бываю у вас, но ни разу не слышал твой голос, — сказал Тилон. — Почему ты все время молчишь?

Гидона снова потупилась, на щеках ее проступил нежный румянец. Еле заметно девушка пожала плечами, теребя в руках бечевку.

— Ты дочь Пелопа?

— Да.

— Я сразу догадался об этом, как только увидел те-

бя. Ты похожа на него. Пелоп, это было давно, рассказывал о тебе.

— Правда? — улыбнулась Гидона. Улыбка удивительно красила ее. — Мне отец тоже много рассказывал о тебе, о том, как повстречались вы в Спарте...

Они стояли на склоне холма, между шпалерами роз, а предвечерние тени все удлинялись.

— Замучил тебя, наверно, отец, — лукаво улыбнулась Гидона. — Задумал на манер Праксителя или Фидия вылепить из тебя атлета — победителя Олимпиады. А отец у меня упорный. Если что-нибудь задумал — обязательно доведет до конца.

— Его желание совпадает с моим. А о его упорстве мне всегда напоминают собственные мои мышцы, которые ноют не переставая после бесконечных тренировок.

— Как ты считаешь, Тилон, ты станешь победителем Олимпиады?

— Если бы я так не считал, то не тренировался бы каждый день до десятого пота.

— Я смотрю каждый раз, когда ты прыгаешь, — призналась Гидона.

— Знаешь, я сегодня прыгнул почти на сорок дельфийских стоп! — с гордостью произнес Тилон.

Юноша посмотрел на солнце, зависшее над горизонтом, и переступил с ноги на ногу.

Гидона спросила:

— Тебя, видно, ждут в селении?

— Нет, меня никто не ждет, — ответил Тилон. — Просто стадо пора гнать домой.

После его ответа глаза девушки засветились от радости. Они продолжали говорить, не в силах расстаться.

— Мне пора, Гидона! — спохватился Тилон.

— Придешь завтра?

— Как всегда.

— Я буду ждать тебя. Вот, возьми на дорогу! — сказала Гидона, отломив кисть винограда и протянув ее Тилону.

...Кисть была чуть недозрелой, но Тилону показалось, что он никогда не ел вкуснее винограда.

Он возвращался в селение с доселе неведомым чувством. Это было чувство чего-то огромного и важного, что отныне вошло в его жизнь. Размахивая веткой, он погонял стадо, но мысли его были там, на винограднике, где тоненькая девушка поднимала и подвязывала полегшие лозы.

Вдали показались первые хижины селения, разбросанного среди гор, и стадо само прибавило шаг.

Потянуло дымком, сладким, домашним.

Тилон подумал, что Гидона стала для него теперь самым близким и дорогим человеком на свете. Одна мысль о том, что он увидит ее завтра, переполняла его радостью.

«Почему Гидона так молчалива и грустна? — размышлял он, спускаясь со склона. — Видно, немало ей пришлось хлебнуть там, в Афинах, когда отец пребывал в спартанском рабстве».

ТАИНА ПРЫЖКА

Так уж получилось, что лишь незадолго до Олимпийских соревнований раскрыл Пелоп своему молодому другу тайну дальнего прыжка. Тайна показалась Тилону ошеломительной: оказывается, чтобы побить все рекорды на дальность, прыгать нужно было... держа в руках дополнительный груз!

— Но это бессмыслица! — воскликнул Тилон, едва дослушав Пелопа. — Ведь если я возьму в руки груз, мой вес увеличится. А ты говоришь, что я прыгну дальше!

— Не торопись с выводами, мой мальчик, — сказал Пелоп. — Сначала проверь и убедись, потом говори.

— Но и так очевидно...

— Очевидность — враг истины, — резко оборвал

Тилона старик. С этими словами он вынес из беседки два странных, доселе невиданных Тилоном одинаковых предмета: это были диски, снабженные по краям массивными округлыми утолщениями. Посредине каждого из дисков было сделано по пять отверстий, в которые можно было пропустить пальцы. К ним подошла Гидона и, взяв у отца один из дисков, умело продела в него пальцы: видно, она умела с ним обращаться. Второй диск взял Тилон и принялся внимательно его разглядывать.

— Диск похож по форме на спартанский щит, — заметил он.

— Верно, похож, — улыбнулся Пелоп. — Только назначение у него другое. Более мирное.

Гидона вернула диск отцу.

— Я сам придумал эту штуку, — сказал Пелоп и щелкнул ногтем диск. Металл чутко отозвался. — Придумал долгими ночами, когда тело ломит от усталости и побоев. И мечтал осуществить ее, когда Зевс поможет мне вырваться из рабства.

— Значит, когда мы встретились в Спарте, Пелоп, у тебя этих дисков не было?

— Они были у меня в голове! И я верил, что испытание подтвердит мою правоту. Потому я и сказал тебе, Тилон, что владею тайной дальнего прыжка. Ни одна душа в мире не знает о прыжке с грузом, — продолжал Пелоп. — Ты будешь первым. Но довольно терять время. Пойдем к скамье!

— К скамье? — удивился Тилон.

Да, юношу ждала еще одна неожиданность: в течение ночи, пока Тилон отдыхал в селении, неумейный Пелоп успел соорудить в глубине двора, за беседкой, настоящую олимпийскую скамью — дорожку для прыжков.

— Когда ты успел, отец? — удивленно спросила Гидона, остановившись у края дорожки.

— Прямо-таки тринадцатый подвиг Геракла! — восхищенно пробормотал Тилон, разглядывая великолепную скамью.

— Для этого боги даровали мне две вещи: ночь и бессонницу, — довольно улыбнулся Пелоп.

Тилон прошелся вдоль кромки скаммы — длинной неглубокой ямы, дно которой было посыпано морским песком. Песок был разровнен настолько тщательно, что образовывал идеально ровную поверхность.

— Чем не Евклидова плоскость? — с гордостью произнес Пелоп, любуясь делом своих рук.

Юноша не мог глаз оторвать от скаммы. Филлион столько раз описывал ему олимпийскую дорожку для прыжков, что Тилон мог в любой момент, закрыв глаза, представить ее. И вот она перед ним наяву, длинная-длинная скамма, поблескивающая под утренним солнцем. Точный прообраз той, на олимпийском стадионе...

Гидона тронула ногой корзину, на дне которой остался песок, принесенный сюда с побережья.

— Зря ты выходил ночью так далеко, отец, — сказала она. — Тебя могли заметить. Ты же знаешь: нам все время грозят. Лучше бы послал меня — я бы обернулась быстрее.

Пелоп махнул рукой:

— Обошлось — и ладно. Приступим лучше к делу.

— Но я не знаю, как с этим прыгать... — произнес Тилон, растерянно вертя в руках диск.

— Откуда же тебе знать? — согласился Пелоп. — Сначала посмотришь, как буду прыгать я. Постарайся запомнить все движения и постичь суть дела. А потом станем изучать подробности. Для сравнения я первый раз прыгну без груза, так, как это делают все атлеты Эллады.

Пелоп сбросил легкую накидку, оставшись в набедренной повязке.

— Отец, но ведь врачи запретили тебе резкие усилия, — сказала Гидона.

— Делать нечего, и тянуть больше нельзя, — ответил Пелоп. — Я должен прыгнуть, чтобы Тилон все увидел собственными глазами.

«А ведь он в свое время был, наверно, неплохим атлетом», — подумал Тилон, разглядывая мускулистую фигуру Пелопа, и до сих пор не утратившую стройности.

Пелоп попятился от скаммы, выбирая пространство для разбега.

— погоди, отец! — остановила его Гидона. — Ты забыл одну вещь, без которой прыгать нельзя.

— Какую?

— Может, ты, Тилон, подскажешь? — лукаво улыбнулась возлюбленному Гидона.

— Не знаю, — сказал юноша.

— А еще к Олимпиаде готовитесь! — покачала головой Гидона. — Неужели вы не знаете олимпийские правила? Соревнования по прыжкам проводятся обязательно в сопровождении флейты!

— Верно, дочка, Зевсом клянусь! — воскликнул Пелоп.

Тилон почесал в затылке:

— Где ее возьмешь, флейту?

Гидона побежала в дом и через некоторое время вернулась, неся старенькую флейту. Спустя мгновение звуки самодельной флейты полились над двориком, замирая где-то там, над стройными рядами виноградников.

— Ну вот, все в порядке, олимпийские правила соблюдены, — произнес Пелоп. — Теперь, Тилон, смотри. Запоминай с первого раза — на повтор у меня сил не хватит.

Флейта Гидоны звучала все громче, ритм мелодии убыстрялся.

Пелоп разогнался и, оттолкнувшись от края скаммы, прыгнул. Конечно, возраст и растренированность дали себя знать, и прыжок получился весьма заурядным. Пролетев незначительную часть длины скаммы, Пелоп тяжело плюхнулся в песок.

Флейта смолкла. Глаза Гидоны, смотревшей на отца,

были полны жалости. Пелоп, однако, ничуть не казался удрученным.

— Что вы так устали на меня? — улыбнулся он молодым людям, вставая. — Я ведь вовсе не собирался бить олимпийский рекорд. Это дело Тилона, не стану отнимать у него хлеб.

Отметив место, где он приземлился, Пелоп тяжело вылез из скаммы и, прихватив на сей раз оба диска, отправился на стартовую позицию. Здесь он тщательно, не спеша продел пальцы в отверстия дисков, затем помахал ими в воздухе, проверяя, прочно и удобно ли ухватился за груз.

— А теперь — прыжок номер два, вместе с грузом, — громко произнес он. — Флейту, дочка!

Тилон весь превратился во внимание. Вот сейчас, через несколько мгновений, перед ним раскроется тайна, о которой он думал много лет после памятного разговора у костра с отпущенным рабом...

Держа диски в полусогнутых руках, Пелоп разогнался, как и в первый прыжок. Перед тем как оттолкнуться от края скаммы, Пелоп резко выбросил вперед обе руки, отягченные грузом. Казалось, он старался отбросить от себя невидимого противника. Тут же Пелоп очень плавным, пластичным движением отвел руки назад. Толчок... И Пелоп взвился в воздух. Но на сей раз он взлетел в воздух гораздо выше, словно подброшенный в воздух мощной пращей. Уже в полете Пелоп совершил несколько волнообразных движений всем телом. «Словно рыба, которая пытается плыть против сильного течения», — мелькнуло у Тилона. Одновременно с волнообразными движениями, с помощью которых Пелоп как бы ввинчивался в воздух, он вновь и вновь перемещал руки с грузом — вперед, а затем назад, за спину.

Тилон не сумел сдержать возглас восхищения: после второго прыжка Пелоп приземлился на добрый десяток стоп дальше, чем в первый раз, когда он прыгал без гру-

за. Пелоп опустился на пятки, затем рухнул на песок. Гидона отшвырнула флейту и бросилась к отцу. Одновременно с ней к Пелопу подбежал Тилон.

— Что с тобой, отец? — с тревогой спросила Гидона и взяла отца за руку.

Пелоп судорожно, словно рыба, выхваченная из воды, глотал открытым ртом воздух. Глаза его были мутны, искривившееся лицо изображало страдание.

— Сердце схватило... Ничего страшного... — шепнул он и прислонил руку с диском к своей бурно вздымающейся груди. — Дай попить, дочка...

Тилон в несколько прыжков достиг беседки и принес амфору с водой. Пелоп сумел сделать два-три глотка, остальное пролилось на песок скаммы.

— Нельзя тебе прыгать, отец, — сказала Гидона. — Сердце могло разорваться.

— Мое сердце не разорвется, пока я ему не разрешу, — отшутился Пелоп. И серьезно добавил: — Мне ведь надо еще кое-что увидеть, прежде чем уйду в царство теней. И триумф Тилона. И ваше счастье... Ничего с моим сердцем не случится, не бойтесь! В рабстве, в Спарте, мне и похуже бывало.

С усилием поднявшись, Пелоп сделал несколько уверенных шагов, затем снял с рук диски и не без торжественности протянул их Тилону.

— Надеюсь, этот миг войдет в историю спорта, — сказал Пелоп, по-особому выговаривая слова. — Передаю тебе, Тилон, эстафету. Не урони ее! А ты, Гидона, подними-ка флейту и начинай играть олимпийский мотив!

Тилон несколько раз подбросил на руках оба диска, взятые у Пелопа, затем принялся вдевать в них пальцы, старательно копируя все движения своего наставника, которые запомнил.

— Клянусь Зевсом, молодец. Моя хватка! — похвалил Пелоп, когда Тилон вышел для разбега и изготовился к старту.

Юноша невольно покраснел: похвалы Пелопа были скупы и нечасты, но тем более приятны ему. Придавал ему силы и сияющий взгляд Гидоны, которая близ скаммы играла на флейте. Взгляд любимой был исполнен радостного ожидания и надежды.

...Все вроде было сделано без ошибок: Тилон стремительно разогнался, в конце разбега, как это делал и Пелоп, выбросил руки вперед вместе с грузом, затем удачно, под нужным углом оттолкнулся от края скаммы и взвился в воздух, одновременно заводя руки назад, за спину, и делая всем телом волнообразные движения.

Однако, когда прыгун опустился на песок, ни Пелоп, ни Гидона не смогли сдержать возглас разочарования: Тилон опустился гораздо ближе своего предшественника. Обескураженный юноша поднялся, сокрушенно покачивая головой.

— Ничего, это с непривычки. Ведь это первая твоя попытка прыжка с грузом! — ободрил его Пелоп.

— Дальше все пойдет на лад, вот увидишь, Тилон! — горячо поддержала отца Гидона.

Но последующие прыжки Тилона с дисками мало что изменили. Он прыгал снова и снова, а результаты почти не улучшались. Наконец Тилон прыгнул в последний раз и в изнеможении растянулся прямо на песке скаммы. Пелоп только покачал головой, машинально отмечая черточкой последнюю точку приземления Тилона:

— Отсюда до олимпийского рекорда как до Олимна, — произнес он.

Гидона опустила флейту.

— Может быть, еще разок попробуешь, Тилон? — с мольбой в голосе сказала она.

Тилон перевернулся на спину.

— Нет смысла, — вздохнул он. — Я уже понял, Пелоп, что твоё оружие мне не по силам.

— Оружие?.. — поднял брови Пелоп.

— Помнишь, у Гомера: один герой может поражать своим мечом врагов. А дай другому этот меч — он его

едва с места сдвинет... — пояснил Тилон. — Давай уж, Пелоп, я буду прыгать, как все греческие атлеты, — без груза.

— Нет! — загремел Пелоп так, что Гидона вздрогнула. — Ты будешь прыгать с грузом. Причем дальше всех, клянусь Зевсом и всеми олимпийскими небожителями!

— В чем же все-таки дело? Почему не получается прыжок с грузом? — высказала Гидона вслух мысль, мучившую всех троих.

Они присели рядышком на край скамьи, донельзя удрученные и обескураженные неудачным опытом Тилона. Солнце жгло, но они не замечали зноя.

Неожиданно Пелоп хлопнул себя по лбу.

— Ах я старое бревно! — воскликнул он. — Как я сразу не догадался?! Ведь диски-то рассчитаны специально на меня!

— Что ты хочешь этим сказать? — посмотрел на него Тилон. — Разве диски — это сандалии, которые шьются по ноге?

— В каком-то смысле да, мой мальчик! — сказал Пелоп. — По моим расчетам и предположениям, груз, с которым прыгает атлет, должен составлять в точности одну двенадцатую часть его веса, не больше и не меньше. В соответствии с этим я и заказывал диски мастеру, афинскому кузнецу. А ты, Тилон, намного ведь легче, чем я. Потому мой груз для прыжка оказался для тебя слишком тяжелым. Вместо подспорья он превратился в балласт...

— Ясно, — расправил Тилон плечи, и Гидона, глядя на него, просветлела лицом.

Юноша вскочил, словно подброшенный катапультой.

— Что же мы сидим? — воскликнул он. — Надо определить мой вес, а затем поскорее заказать новые диски для прыжков!

— Увы, не так-то все просто, мой мальчик, — негромко сказал Пелоп, и вертикальная складка легла

на его изъеденный временем лоб. — Вес твой мы определим в два счета. А вот где мы закажем для тебя груз? Эти диски, например, отковал для меня в Афинах первоклассный мастер, да и то возился он с ними довольно долго. Я делал для него эскизы, несколько раз заставлял переделывать готовую работу.

— В селении, где я живу, есть неплохой кузнец... — начал Тилон и осекся: — Да, конечно, я понимаю: ни тебе, ни Гидоне нельзя появляться в селении. Но ведь и я могу сделать заказ!

— Никогда не думай, что другие глупее тебя. Особенно твои недруги! — резко бросил Пелоп. — Люди селения давно уже наблюдают за нами: я чувствую это кожей, шрамами своими, всем нутром!

— Но, отец, ведь эти металлические диски носят совсем невинный характер, — вступила в разговор Гидона. — У жителей села они не должны вызвать никаких подозрений.

— Ха! Не должны вызвать подозрений! — повторил с горечью Пелоп. — А зачем, скажи на милость, пастуху вдруг понадобились два диска из металла, вполне определенной формы и веса, да еще с какими-то отверстиями — якобы для пальцев?! Молчишь, дочка? Так я тебе объясню. Ясно же: диски нужны для колдовства, колдовства зловредного. Причем в сообществе с подозрительной парочкой, которая обитает на отшибе, за оградой, и занимается тем, что всячески пакостит добрым людям, насылая на них различную хворь, на поля — засуху, а на скот — порчу! Но дело даже не в этом, — продолжал Пелоп спокойнее, переводя дыхание. — Допустим, мы рискнем — дело того стоит. Но твой кузнец, Пелоп, провозится с заказом бог знает сколько времени. А у нас его нет.

Тилон опустил голову.

— Я знаю, что делать! — воскликнула Гидона, прерывая тягостную паузу, и радостно хлопнула в ладоши.

Мужчины одновременно посмотрели на нее.

— Кто сказал, что груз для прыжка должен быть обязательно в форме диска? Мне кажется, груз может быть любым: главное, чтобы он составлял одну двенадцатую часть веса спортсмена.

— Продолжай, Гидона! — сказал Пелоп, в глазах которого вспыхнули огоньки интереса.

— Выясни точный вес груза, с которым должен прыгать Тилон. А потом мы подберем этот груз.

— Из чего же мы подберем его? — спросил Тилон.

— Да хотя бы из морских голышей! — воскликнула Гидона. — Их у нас сколько угодно за виноградником, близ ограды.

— Голыши... — задумчиво протянул Пелоп. — Возможно, в этом что-то есть. Конечно, самое важное — правильный вес дополнительного груза, с которым прыгает атлет. Но ведь камень держать неудобно...

— Ты можешь предложить что-нибудь лучшее? — сказала Гидона. — Пусть Тилон завоюет на Олимпиаде лавровый венок победителя. Тогда он сможет заказать себе диски для прыжка хоть из чистого золота!..

Не дожидаясь ответа отца, девушка решительно поднялась, подхватила плетеную корзину, вытряхнула из нее наземь остатки песка и побежала в сторону виноградника. Она мчалась легко, словно серна, и волосы развевались от быстрого бега. Вскоре Гидона вернулась, сгибаясь под тяжестью корзины, наполненной морскими голышами. Пелоп, успевший к тому времени определить вес Тилона, забрал у нее корзину и, подойдя к весам, принялся выбирать нужные камни.

— Вот эти подойдут! — сказал он Тилону и протянул ему два одинаковых голыша.

— Спасибо, — поблагодарил Тилон.

— Спасибо скажи Гидоне, которая принесла их, — откликнулся Пелоп.

— Спасибо, Гидона, — повернулся к девушке Тилон. Гидона улыбнулась:

— Спасибо скажи морю, которое обкатало их.

Тилон прикинул в руках груз. Держать его было не так удобно, как диски, но кисть у Тилона была сильной и цепкой.

— Ну, как этот груз? — спросил Пелоп. — Полегче моих дисков?

— Конечно. Совсем другое дело! — произнес Тилон и решительно зашагал к скамье. Ему не терпелось испытать в прыжке новый груз.

Над двориком вновь поплыли звуки флейты.

...Первый же прыжок унес Тилона далеко за все прежние отметки. Гидона и Пелоп в восторге бросились к скамье.

— Здесь около сорока дельфийских стоп! — воскликнула радостно Гидона, промерив прутиком расстояние, которое в прыжке покрыл Тилон.

ОЛИМПИАДА

И вот наступил день, когда Тилон должен был отправиться на Олимпиаду.

Прощание с Гидоной вышло грустным.

Расставшись с Пелопом и выслушав все добрые советы и напутствия, Тилон вышел за калитку. Гидона звалась проводить его.

— Вас могут увидеть вместе, — покачал головой Пелоп. — Тогда не миновать беды.

— Я провожу Тилона только до оврага, отец! — умоляюще произнесла Гидона.

Вместо ответа Пелоп махнул рукой и отвернулся.

Какое-то время молодые люди шли молча.

— Знаешь, Тилон, мне неважно, победишь ты на Олимпиаде или нет, — произнесла неожиданно Гидона. — Нет, не так! — поправилась она. — Я, конечно, от всей души желаю, чтобы ты победил. Но всего главное для меня, чтобы вернулся целый и невредимый...

— Можно подумать: ты провожаешь меня не на

Олимпиаду, а на войну! — попытался улыбнуться Тилон, но улыбка получилась вымученной: на душе у него было смутно, беспокойно. В селении в последнее время снова поползли слухи о домике на отшибе, о его обитателях, насылающих порчу. Но теперь с ними связывали имя Тилона.

Его настроение передалось и Гидоне, хотя о том, что его тревожило, Тилон не рассказывал ни ей, ни отцу.

— Груз для прыжка гляди не потеряй, — сказала Гидона.

— Скорей голову потеряю! — ответил Тилон и поправил под мышкой увесистый сверток с голышами. — А ты приободришься, Гидона. Вот увидишь, я вернусь за тобой. Может, и отца уговорим уехать с нами... Знаешь, у меня на родине, в Спарте, женщина говорит, провожая мужа на войну: со щитом или на щите. Я надеюсь вернуться со щитом.

...Чем ближе приближался Тилон к Олимпии, тем чаще припоминался ему памятный ночной рассказ Филлиона о своем отце, побывавшем на Олимпиаде. С каждым днем, с каждым часом дорога становилась все более запруженной. Шум, разноязыкий говор, смех оглушали Тилона, привыкшего к тишине и малолюдью. Тилон был грустен, тревожные мысли одолевали его. Как встретит его, изгнанника, спартанская делегация там, на Олимпиаде? По ночам, во время краткого отдыха, Тилону снилась далекая Спарта, родители, Пелоп, из последних сил совершающий прыжок с тяжелыми дисками, чтобы обучить Тилона прыжку с тяжестью. Грезились ему домик за оврагом, виноградник, залитый солнцем, Гидона...

В пути Тилон старался ни с кем не общаться, шел сам по себе, погруженный в думы.

Дорога круто вильнула в гору, идти стало труднее, но Тилон по-прежнему шагал быстро, обгоняя одну за другой пышные делегации из различных городов и государств.

Слева и справа от дороги вздымались живописные склоны, поросшие миртовыми и оливковыми рощами, которые источали на солнце дурманивший аромат. Встречались здесь и вековые кряжистые дубы, и стройные сосны, идущие на мачты для кораблей. А там, вдали, теснились горные вершины, вдруг напомнившие Тилону смертельную схватку на горном плато и слепого вождя восставших крестьян, который спас ему жизнь ценой собственной жизни...

Одна из вершин, возвышавшаяся среди других и особенно густо поросшая лесом, привлекла внимание Тилона, и он спросил у случайного спутника, как она называется.

— Ты, видно, издалека? — спросил тот.

— Издалека, — согласился Тилон.

— Знай: это и есть священный Олимп, жилище богов, — произнес торжественно путник. — А вон там, правее, — это холм Крона...

Тилон долго стоял, вглядываясь в Олимп, но ни одного бога, хотя бы самого завалящего, второстепенного, не обнаружил. «Боги попрятались от жары», — подумал он, снова пускаясь в путь. Спутник его семенил рядом.

Они миновали перевал, и перед ними открылась олимпийская долина — неправильный четырехугольник, весь видный сверху как на ладони. У самого края долины возвышался храм. Словоохотливый спутник пояснил Тилону, что храм посвящен супруге Зевса — Гере, матери олимпийских небожителей.

— Близ этого храма проводятся Героиды — женские спортивные игры наподобие Олимпиад. Ведь на Олимпиадах женщинам запрещено появляться — я имею в виду стадион и ипподромы.

— А если женщина рискнет и появится там, что ей грозит? — спросил машинально Тилон, мысли которого были заняты другим.

— Смертная казнь!

Бурный Алфей казался отсюда прихотливо извивающейся серебристой змейкой. А вон и Кладей — широкий ручей, впадающий в олимпийскую реку и щедро питающий ее своими водами.

Они спустились в долину, миновали богатый храм, посвященный Гере, и взяли влево. Вдоль дороги потянулись небольшие, но исключительно пышные строения, непохожие одно на другое, — каждый дом был на свое лицо.

— В каждом из этих строений хранятся дары Олимпиаде от определенного города или государства, — сказал всезнающий спутник Тилона. — А дальше, за строениями, ты видишь портик Эхо...

— Тот самый? — переспросил Тилон, и у него от волнения перехватило на миг дыхание.

— Ну да, — кивнул собеседник. — В этом портике главный судья Олимпиады или глашатай будет провозглашать победителя в каждом виде состязаний, и эхо повторит его имя семь раз, даря бессмертие на века!..

Тилон остановился, разглядывая портик, о котором столько слышал. Толпа их обминала, толкала, задевала краями одежды, поругивала — стали, мол, посреди дороги, словно ослы!

— Что с тобой, парень? — забеспокоился наконец спутник Тилона. — Голову напекло? Пойдем в тень, к фонтану. Попьем немного, умоемся.

Тилон что-то пробормотал.

— Что, что? — не расслышал спутник.

— Здесь, в портике, через несколько дней глашатай провозгласит и мое имя, — тихо, словно обращаясь к самому себе, произнес Тилон.

— Идем, — потянул его за рукав спутник. — Я же говорю — ты перегрелся на солнце. Хорошо хоть, в дороге не свалился.

— И эхо повторит мое имя семь раз! — продолжал, не слушая, Тилон.

— Повторит, повторит, — проворчал спутник. —

И не семь, а двадцать семь раз. От чего-чего, а уж от скромности ты, парень, не умрешь! А может, ты того?.. Винцом перед нашей встречей побаловался, а оно теперь и вступило в голову?

Тилон и впрямь походил на пьяного: глаза его горели, волосы растрепались. Они без всякой цели бродили по долине Алфея, и все привлекало его внимание, на все смотрел он как замороженный.

— Сознайся все-таки: что там у тебя в свертке? — в который раз спрашивал спутник.

— Говорю же тебе — сокровище! — буркнул Тилон и отвел его руку.

— Вот-вот. Я и говорю: перегрелся малость, — покачал головой спутник.

Внимание Тилона привлекло огромное двухэтажное здание, украшенное мраморными колоннами. Их было столько, что зарябило в глазах.

— Леонидион? — догадался Тилон.

— Верно. Чего-то ты, парень, знаешь. Эта гостиница Леонидион, больше которой нет в Греции, а значит, и во всем мире! Одних колонн сто тридцать восемь, — добавил спутник с гордостью, будто самолично обтесывал и устанавливал эти колонны.

— Сколько там комнат? — спросил Тилон, надеясь поставить спутника в тупик.

— Представь себе — целых восемьдесят! — без запинки отвечал тот. — Такое и представить себе трудно. В Леонидионе живут самые почетные гости Олимпиады. Но, коль скоро ты участник Олимпиады и даже ее будущий победитель, зайди попытай счастья, — с ехидной улыбкой произнес спутник, но Тилон пропустил его слова мимо ушей. Вообще он находился в каком-то странном полусне, когда явь трудно отделима от фантастических грез.

Болтливый спутник что-то говорил и говорил не смолкая, но до Тилона, без устали озирающегося по сторонам, долетали только отдельные слова:

— Вон палестра — там тренируются атлеты... Гимнасиум... Священная роща...

Священная роща — Альтис — встретила их таинственным шелестом листвы и благодатной тенью. Здесь стояли бронзовые статуи победителей предыдущих Олимпиад, отлитые лучшими мастерами Греции.

— Значит, думаешь, и для твоей скульптуры здесь местечко найдется? — не упустил случая подпустить шпильку спутник Тилона.

Близ алтаря Зевса-громовержца они замешкались — их обошла торжественная процессия. Белые одежды людей были богато расшиты золотом, пурпурные ленты вились на ветру — одна из них задела Тилона по лицу. За процессией тянулись опрятно прибранные рабы: одни тащили на плечах, сгибаясь от тяжести, подарки верховному божеству, другие подгоняли животных, предназначенных для жертвенного заклания.

Пройдя через священную рощу, Тилон и его спутник вышли к самому величественному строению долины Алфея — храму Зевса Олимпийского. У входа толпились люди, желавшие проникнуть внутрь храма.

В храме было прохладно. Неизвестно откуда струился ветерок, обвеивая разгоряченные лица. Сводчатые стены уходили ввысь, теряясь в полумраке. Мимо них прошел служитель, размахивая кадильницей с тлеющими благовониями. Кучки посетителей либо застыли в благоговейном молчании, либо переговаривались еле слышным шепотом — настолько подавляла торжественность величественного помещения.

Немного привыкнув к обстановке, молодой атлет и его спутник — Тилон так и не спросил, как его зовут, — двинулись в глубину храма. Здесь на троне из чистого золота восседал сам Зевс. Благородный металл тускло сверкал под узким лучом света, который падал откуда-то сверху — быть может, с помощью сложной системы зеркал. Сам Зевс был изваян из слоновой кости. Глаза

божества были сделаны из драгоценных камней. На голове покоился золотой венок, в точности воспроизводящий венок из ветвей дикой оливы, которым увенчивался победитель Олимпийских игр. На правой ладони Зевса стояла, словно устремленная вперед и ввысь, статуя Ники — Победы. В левой руке Зевс держал скипетр, увенчанный когтистым орлом.

— Зевс на троне, работа Фидия... Одно из семи чудес света, — благоговейно прошептал Тилон, поймав взгляд своего спутника, и тот впервые с уважением посмотрел на него.

«Он точно похож на Пелопа», — подумал Тилон, глядя на сидящего Зевса. Лицо божества было добрым, задумчивым. Курчавые жесткие волосы низко спускались на лоб, разрезанный вертикальной складкой.

Затем они долго бродили среди бесчисленных палаток и шалашей, которые стихийно выросли на берегах Алфея.

Тилон жадно всматривался в лица встречаемых. Он и жаждал встретить кого-нибудь из Спарты, и в то же время опасался этой встречи. Из одной палатки им призывно помахали рукой, и спутник Тилона устремился туда, донельзя довольный тем, что повстречал земляков.

— Прощай, парены! — крикнул он Тилону с улыбкой. — Желаю тебе поменьше хвастаться!..

Тилон рад был одиночеству: признаться, словоохотливый спутник уже давно тяготил его, хотя и сообщил много интересного.

Внимание юноши привлек огромный камень, стоящий на высоком пьедестале. Камень сверху был снабжен ручкой, отчего напоминал колоссальную гирию. С одной стороны на камне была выбита надпись, уже слегка подпорченная непогодой, но еще достаточно четкая, чтобы ее можно было разобрать. Напрягая память, Тилон припомнил уроки, которые тайком давал ему в агеле

Филлион, единственный грамотный человек во всем военно-спортивном лагере: он прутиком чертил на песке буквы и объяснял Тилону их значение, едва выдавалась свободная минутка. Однажды, застав их за этим занятием, ирен жестоко избил обоих своим ореховым посохом. Но уроки Филлиона не прошли даром.. С огромным трудом, складывая буквы в слова, Тилон прочел вслух выбитую на камне надпись: «Би-бон под-нял ме-ня над го-ло-вой од-ной ру-кой...» Далее шла дата установления олимпийского рекорда.

Юноша настолько был ошеломлен новыми впечатлениями, что только к вечеру вспомнил строжайшее напутствие Пелопа: «Как только прибудешь в Олимпию, разыщи главного элладоника и представься ему. Скажешь, что ты занесен в списки соревнующихся».

Главный элладоник — спортивный судья Олимпиады — долго и придирчиво разглядывал худощавого юношу. Уж больно тонка его талия и бледны щеки. Но широкие плечи и мощные мышцы ног изобличают неплохого атлета. Элладоник глянул в свои записи.

— Тилон из Спарты, говоришь? Да, ты записан год назад Пелопом, гражданином Афин... Где же ты бродишь так долго? Все участники нынешних Олимпийских состязаний уже явились.

— Я... бродил долиной Алфея... — смущенно потупившись, пробормотал Тилон.

— Это другое дело. Человеку, впервые попавшему в Олимпию, действительно есть что посмотреть,, — смягчился главный элладоник. — Ты весь год тренировался в прыжках?

— Весь год, — поднял голову Тилон.

— Почтенный Пелоп за тебя поручился, — сказал главный элладоник. — Я знал его немного по Афинам... И всегда уважал. Так и передай ему, когда возвратишься.

После паузы элладоник окинул взглядом запыленный плащ и усталое лицо Тилона и произнес:

— А теперь ступай в бани и гимнасиум, раб укажет тебе дорогу. Отдохни, приведи себя и одежду в порядок и готовься к олимпийской клятве. А вещи, — кивнул элладоник на сверток, который Тилон крепко держал под мышкой, — можешь оставить в гимнасиуме. Их никто не украдет.

...Но вот все позади — и торжественный ритуал, предшествующий спортивным состязаниям, и олимпийская клятва. Наступил миг, к которому Тилон шел всю свою сознательную жизнь.

Повинуясь распорядителю Олимпиады, Тилон вместе со своими соперниками-прыгунами покинул зал, предназначенный для атлетов, ждущих начала состязаний, и нестройная процессия по специальному проходу вышла на поле стадиона. Только теперь, при виде своих мускулистых, ловких и уверенных в себе соперников, сомнение закралось в душу Тилона. Общие насмешки вызвал пакет, с которым Тилон ни за что не хотел расстаться, несмотря на неудовольствие распорядителя.

Рев толпы на стадионе в первую минуту оглушил Тилона. Сорок тысяч человек заполнили трибуны до отказа. Выкрики, топанье ног, подбадривающие возгласы слились в единый гул — так шумит море в непогоду.

Шагая под звуки флейты вместе с другими спортсменами к скамье, Тилон немного замешкался и приотстал от остальных, жадно озирая трибуны. Но отыскать кого-либо в этом море оживленных лиц было, конечно, невозможно.

— Не робей, юноша! — шепнул ему распорядитель, неверно истолковавший поведение Тилона. — На Олимпиаде и проиграть не стыдно... Да брось ты свой сверток, в который раз говорю! Упрямец! — прошипел распорядитель, подобно рассерженной змее, и сделал попытку выбить сверток из рук Тилона, но тот ловко увернулся.

ПОБЕДА

Все резче, все пронзительнее звучит флейта, мелодия ее проникает в самое существо Тилон, вызывая в памяти образ Гидоны.

Юноша так волновался, что прыжки в длину своих соперников наблюдал как бы в тумане. Каждый прыжок вызывал на трибунах бурю восторга. После этого помощники главного элладоника замеряли длину прыжка и спортивный судья объявлял результат.

Тилон окончательно пришел в себя, только когда над стадионом прогремело его имя, выкрикнутое глашатаем, чей голос был самым сильным в Греции.

Прижимая к груди бесценный сверток, Тилон сделал несколько шагов к главному элладонику. Развернул пакет, достал два голыша и громко произнес:

— Благородный судья Олимпиады! Разреши мне совершить прыжок с этими камнями!

С этими словами Тилон поднял камни высоко над головой, чтобы их все видели. Стадион замер в предчувствии необычного.

— Ты желаешь, Тилон, прыгать с дополнительным грузом? — недоуменно сощурился главный элладоник. — Я правильно понял тебя?

— Правильно, благородный судья.

Элладоник коротко посоветовался со своими помощниками.

— Что же, это твое право, Тилон, прыгать любым способом, — объявил он на весь стадион решение судей. — Олимпийских правил ты не нарушаешь. Поэтому можешь прыгать, хоть быка взвалив на плечи, как Геракл!

Гомерический хохот потряс стадион. Мир еще не видел подобного глупца, который для прыжка в длину нагружает себя дополнительными тяжестями.

Зажав в руках голыши так, как учил его Пелоп, Тилон направился к скамье.

Элладоник подал сигнал, зазвучали примолкшие бы-

ло флейты, и очередная группа прыгунов резво рванулась с места, беря разбег для прыжка.

Перед тем как оттолкнуться от края скаммы, Тилон резко выбросил вперед руки с голышами. Оттолкнулся под нужным углом в сорок пять градусов, как учил его Пелоп. И, едва оторвавшись от земли, почувствовал — прыжок удался. Руки с грузом уже в полете он перевел назад, и груз из извечного врага превратился в друга. Неведомая, но мощная сила словно подтолкнула его в спину, и Тилон полетел, как на крыльях. Он совершал волнообразные движения всем телом, снова и снова перемещая свой груз вперед и опять — за спину. Преодолев высшую точку полета — вершину параболы, Тилон начал снижаться. Он бросил взгляд вниз... Скамма под ногами исчезла! Только потом он узнал, что длины ее попросту не хватило — скамма не была рассчитана на столь огромный прыжок! И Тилон приземлился на утрамбованную почву стадиона.

Он упал и, еще не поднимаясь, быстро покосился на соседние дорожки. Сомнений нет: он опередил соперников — лучших прыгунов Греции — больше чем вдвое! И это именно его приветствуют трибуны. Люди в едином порыве вскочили и размахивали руками, что-то крича, — слов было не разобрать.

Тилон поднялся и, прихрамывая, сделал несколько шагов, преодолевая острую боль. Видимо, он растянул связки. Но какое это теперь имело значение?

Он все еще стоял недалеко от скаммы, прижимая к груди два морских голыша, когда увидел, что к нему через весь стадион бежит небольшая кучка людей. Один из них вырвался вперед, и Тилон узнал в нем Филлиона.

Друзья сдержанно обнялись, как и подобает спартамцам, словно не было между ними долгих лет разлуки, насыщенных смертельными опасностями. «Вот и привели Парки свидеться вновь», — мелькнуло у Тилона.

— Как ты спасся, когда выпустил меня из лагеря спартамцев? — спросил он.

— Об этом потом, потом! — махнул рукой Филлион. — А сначала я хочу поздравить Тилона из Спарты, победителя Олимпиады! — Он снова обнял Тилона и неожиданно расцеловал его.

К ним подбежали остальные спартанцы, окружив Тилона возбужденной группой.

— Вот мой отец, глава нашей делегации, познакомься! — сказал Филлион и указал на седовласого представительного человека. Тот шагнул к Тилону и дружески протянул руку.

— Спарта приветствует тебя, Тилон, — сказал он, — и с нетерпением будет ждать твоего триумфального возвращения. Она встретит тебя как одного из своих величайших героев!

Взгляд Тилона затуманился слезами. Столько лет он ждал этого момента, надеясь и в то же время не веря, что такой момент наступит. Он вытер глаза и оглядел окруживших его спартанцев. Но все, кроме Филлиона, были ему незнакомы.

— Как мои родители? — тихо спросил он Филлиона. — Живы ли?

— Они живы.

— Их нет в Олимпии?..

— Они слишком бедны, Тилон, чтобы приехать в долину Алфея, — сказал Филлион.

— Отныне, Тилон, все переменится в их судьбе! — торжественно произнес отец Филлиона, и вся спартанская делегация поддержала его одобрительными репликами.

— Послушай, Тилон, а кто тебя надоумил прыгать с дополнительным грузом? — задал кто-то из спартанцев вопрос, который мучил всех, и потрогал пальцем голыши, которые молодой атлет так и не выпустил из рук.

Остальные потеснились поближе, чтобы услышать ответ.

— Тут заслуга не моя. Один мой друг придумал этот

способ прыжка. Он и обучил меня, — глухо произнес Тилон. Он только теперь почувствовал огромную усталость, которая накапливалась долго, изо дня в день, из месяца в месяц, в течение бесконечных изнурительных тренировок, и вдруг теперь навалилась на него. К тому же сильно саднила нога, ушибленная во время рекордного прыжка, хотя Тилон и преодолевал боль, не подавая виду.

— Когда ты вернешься в Спарту, мы назначим тебя в агелу почетным иреном, — решил отец Филлиона. — Ты преподашь этот способ прыжка нашим будущим воинам, и спартанская армия станет еще сильнее!

— Прыжок с грузом не может составлять чьей бы то ни было тайны, — сказал Филлион. — Отныне он принадлежит всем спортсменам, всем, кто только захочет прыгать с дополнительным грузом. Неважно, будет ли это спартанец, афинянин или кто-либо еще. Ведь любой новый олимпийский рекорд послужит славе Греции!

Спартанцы зашумели. Лицо руководителя делегации помрачнело.

— Ладно, Филлион, об этом у нас будет еще возможность поговорить, — произнес он, властным жестом восстанавливая тишину.

Состязания на стадионе между тем прервались на время дневной жары, и их окружила огромная толпа, состоящая из зрителей и других участников соревнований.

— Пока, Тилон, отдыхай и готовься к дальней дороге, — сказал отец Филлиона. — Через четыре дня Олимпиада завершится, и мы двинемся в путь. Вся Спарта, твоя родина, ждет тебя! Мы проводим тебя в Леонидион, я уступлю тебе свое помещение... А вечером, после того как тебя увенчают оливковым венком с белыми лентами — высшей наградой олимпийскому победителю, — мы приглашаем тебя на пиршество в твою честь!..

— Вечером меня здесь не будет, — сказал Тилон и пошатнулся. Филлион поддержал его.

— Как понимать тебя, Тилон? — нахмурился вновь руководитель спартанской делегации.

— Мне надо отлучиться.

— Надолго?

— Суток на трое.

— Куда?

— Меня ждут друзья.

— Так... — Отец Филлиона помолчал, что-то соображая. — Хорошо, съезди. Я дам тебе свой экипаж с возницей.

— В таком случае я обернусь быстрее! — радостно произнес Тилон.

— Договорились, — кивнул руководитель делегации. — Смотри не задержись. Мы все будем с нетерпением ждать тебя. Ты едешь один?

— Нет.

— А с кем?

— Вот с ним, если согласен, — указал Тилон на Филлиона.

— Я еду с ним, отец, — не раздумывая, подтвердил Филлион.

ДЕНЬ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Тилон назвал вознице место назначения, пояснил, как ехать, и шестерка резвых коней весело поскакала по накатанной дороге.

Встречный люд, из тех, кто припоздал в пути на Олимпиаду, то и дело оглядывался на пышный экипаж.

Долгое время оба молодых человека молчали: Тилон был погружен в свои думы, а Филлион, верный обычаю, не вдавался в расспросы. Наконец Тилон заговорил и вкратце рассказал другу о Гидоне и ее отце.

— Эта девушка для меня дороже жизни, — заключил Тилон свой рассказ.

— И она согласна поехать с тобой в Спарту?

— Хоть на край света.

— А ее отец?

— С Пелопом дело сложнее. Я долго разговаривал с ним перед тем, как отправиться на Олимпийские игры. Он, понимаешь, колеблется. Наконец-то, говорит, я нашел для себя пристань. Здесь и умереть хочу. Я, говорит, как старый корабль на приколе — поздно, мол, мне пускаться в дальнее плавание.

— Ничего себе пристань! — возразил Филлион. — Ты же говоришь, на него и Гидону все близлежащее селение зубы точит. Они знают об этом?

— Знают, конечно, — задумчиво произнес Тилон. — Но и Пелопа понять можно. Сам понимаешь, с нашей Спартой у него связаны не самые приятные воспоминания.

— Что было — то прошло.

— Верно, — согласился Тилон. — Прошлым жить нельзя. Что ж, может, и уговорим Пелопа уехать вместе с нами.

— Конечно, уговорим. Зевсом клянусь! — горячо заверил Филлион.

Экипаж свернул с накатанного тракта и покатил по проселочной дороге. Перед холмом Тилон велел вознице остановиться.

— Дальше пойдем пешком. Жди нас здесь, — велел Тилон вознице.

Когда они перевалили холм, в воздухе запахло гарью. Вскоре послышался шум потока, бегущего по дну оврага. Молодые люди перешли по стволу, переброшенному через ручей, и поднялись наверх. Тилон шел впереди, все ускоряя шаг. Он совсем позабыл о боли в ушибленной ноге. Остановился, протер глаза... Знакомой ограды не было. Не было ни дома, ни беседки, обвитой диким виноградом и плющом. Место, где обитали Пелоп с дочерью, представляло собой пепелище. Видно, беда случилась совсем недавно — в воздухе еще носились хлопья жирной сажи. Быть может, огонь вспыхнул в тот самый момент, когда он после фантастического

прыжка упивался своим триумфом... Вместо того чтобы поспешить своим друзьям на помощь. Нет, не нужно было уезжать отсюда. Будь они прокляты, состязания и все на свете прыжки!

На пожарище Тилон и Филлион обнаружили отпечатки множества ног. Они тщательно исследовали весь участок, но обнаружили только несколько изувеченных до неузнаваемости приборов, с помощью которых Пелоп тренировал своего юного друга, будущего победителя Олимпиады. Каких-либо следов Пелопа и Гидоны они не нашли. Исчез и пес — из собачьей будки торчал лишь обрывок цепи. Что-то блеснуло под последним лучом заходящего солнца. Тилон с усилием, преодолевая боль в ноге, нагнулся, подобрал помятый транспортир, с помощью которого Пелоп измерял угол прыжка — кажется, вчера это было. Тилон стер со стрелки пыль, кое-как распрямил ее и спрятал прибор.

— Найти бы, кто это сделал, — сказал он. — Кто убил их.

— Я думаю, они живы, — сказал Филлион, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Мы найдем их!

Лишь когда солнце опустилось за вершину холма, они двинулись в обратный путь. Бойко стрекотали цикады, словно стремились рассказать Тилону о случившемся. Рядом с прихрамывающим Тилоном, поддерживая его, шагал Филлион, и за обоими тянулись огромные вечерние тени.

— Постоим немного, — сказал Тилон и сошел с дороги на обочину. Тени от деревьев и кустарника, вытягиваясь, слились в одно серое полотнище. Свежее морское дыхание доносило сюда запах йода, гниющих водорослей.

А может, все это приснилось ему: и далекая родина — Спарта, и безжалостный ирен, и олимпийский триумф, и тоненькая молчаливая девушка, и ее отец?

Тилон уронил тяжелый сверток и долго стоял, глядя в небо, на котором начали проступать первые звезды.

ПРОЗРЕНИЕ

Повесть

Эта история воссоздана на основании отрывочных заметок советского специалиста, который работал в маленькой буржуазной стране Оливии в рамках ООН во время описываемых событий.

В это время в Оливии возникла прогрессивная студенческая организация, которая впоследствии объединилась с демократическим рабочим движением, направленным против всемогущих капиталистических монополий. В частности, мощная североамериканская компания «Уэстерн» пыталась крупное научное открытие, сделанное ведущим физиком страны, использовать в своих корыстных целях, для создания оружия массового уничтожения.

* * *

Свою нерасторжимую связь с внешним миром Люсинда начала осознавать еще на пороге своего сознания, в раннем детстве. Информация из этого столь же загадочного, сколь и манящего мира, стекалась к ней из самых разных источников, подобно сотням ручейков. Это были и видеогаммы, и книги, и сферофильмы, и беседы с ее создателями, и многое, многое другое.

Быть может, слова «раннее детство» и не очень подходили к Люсинде, но так уж повелось: с самого начала конструкторы говорили об уникальном своем создании как о живом человеке. И не только потому, что впервые в истории биокибернетики машине удалось привить человеческие эмоции, которые с течением времени эволюционировали в сторону совершенствования. Манера восприятия внешнего мира Люсиндой во многом походила на человеческую.

Короче, нужно ли удивляться тому, что Люсинда была не только детищем Ядерного центра Оливии, но и его гордостью? Авторитет Люсинды был непререкаем: ни разу за время работы она не впала в ошибку, ни разу не выдала неверного либо просто сомнительного решения.

Чаще всех вел с ней беседы руководитель Центра бледный человек с клиновидной бородкой, — сотрудники называли его между собой Гугенотом. По вечерам он садился перед переговорной мембраной — по экранам Люсинды, по контурам ее каждый раз при этом пробегала еле уловимая рябь волнения — и рассказывал, на сколько за день продвинулась работа по расщеплению кварков.

— Боюсь, что твою работу другие сумеют обратить во зло, — заметила однажды Люсинда.

— В Ядерном умеют хранить государственные тайны, — возразил ее собеседник, но тень сомнения пробежала по его лицу, что не укрылось от наблюдательных анализаторов Люсинды.

О Люсинде в столице, да и по всей Оливии ходили легенды. Говорили, что в Ядерном, там, за семью печатями, имеется монстр — некая белковая машина. Она, мол, вобрала в себя столько познаний, что ни одному из мудрецов не под силу. Удивительное создание, которое может разрешить любую задачу, перед которой становится в тупик бедный человеческий ум.

Говорили еще... Впрочем, мало ли что говорили!.. Нас в первую голову будут интересовать отнюдь не домыслы, а только факты.

О Люсинде зашла речь потому, что волею судьбы, а точнее, волею сцепления удивительных событий и обстоятельств ей пришлось сыграть немаловажную роль в событиях, о которых пойдет речь ниже.

— А что, если это простая мистификация? — сказал Арно Камп, с сомнением рассматривая красный цветок. Сплюснутый от лежания в плотном пакете, тюльпан тем не менее выглядел совсем свежим, будто только что сорвали с клумбы.

— Непохоже, — ответил человек, сидевший по другую сторону стола.

— Уж слишком невинным он выглядит, — произнес после паузы Арно Камп и понюхал тюльпан.

— Согласен. Эта штука и в самом деле выглядит невинно. Но к ней приложено еще кое-что.

— Вот именно: кое-что, — вздохнул шеф полиции и, пододвинув поближе несколько блокнотных листов, прочел вполголоса, но не без выражения:

— «Гуго Ленц! Вы имеете несчастье заниматься вещами крайне опасными! Добро бы они были небезопасны только для вас — в таком случае ваши научные занятия можно было бы счесть делом сугубо личным. Но вы пытаетесь проникнуть в последние тайны материи, тайны, которых касаться нельзя, как нельзя коснуться святынь в алтаре без того, чтобы не осквернить их. Природа терпелива, но только до определенного предела. Если его перейти, то она мстит за себя. Не беда, если жертвой будете только вы, Гуго Ленц. Но что, если жертвой окажется все население Оливии? Ваше открытие послужит основой для создания нового вида оружия массового уничтожения, которым непременно воспользуются оголтелые агрессоры. Американская и сионистская разведка уже охотится за вашим, Гуго Ленц, открытием.

Знаю, вы руководитель крупнейшего в Оливии научного комплекса, обладатель десятка почетных дипломов...»

— Как видно, автор письма хорошо вас знает, — прервал чтение шеф полиции.

— Эти сведения не составляют тайны, — пожал плечами Ленц.

— Пожалуй. Но вернемся к письму. «Неужели вы, Гуго Ленц, всерьез думаете, что перечисленные регалии делают вас непогрешимым? Я знаю: вашу особу охраняют день и ночь, и на территорию Ядерного центра, как говорят, и ветерок не просочится. Вероятно, это делает вас полностью уверенным в себе и в своей неуязвимости».

Шеф полиции оторвал взгляд от листка.

— Скажите, у вас нет друзей, которые любят шутки, розыгрыши и прочее в таком духе?

— Нет, — покачал головой Ленц.

— Простой человек так не напишет — это же, как мы только что убедились, целый трактат о добре и зле. — Шеф полиции потряс в воздухе тоненькой пачечкой листков.

— Во всяком случае, автор не скрывает своих взглядов.

— Как вы считаете, кто из вашего близкого окружения мог написать это письмо? — спросил Арно Камп.

— К сожалению, никого конкретно назвать не могу, — твердо сказал физик, глядя в глаза Кампу.

— Никого?

— Никого решительно.

— Жаль. Когда пришел пакет?

— Сегодня с утренней почтой.

— Надеюсь, вы не разгласили содержание письма?

— Я рассказал о нем сотрудникам.

— Напрасно.

— А что в этом плохого?

— Могут пойти нежелательные разговоры. Шутка ли, первому физика страны угрожают смертью, если он не бросит заниматься исследованиями...

— По-моему, чем больше людей будет знать об этой угрозе, тем лучше.

— Разрешите мне знать, что в данном случае лучше, а что хуже, — резко произнес шеф полиции.

Они помолчали, прислушиваясь к неумолчному городскому шуму, для которого даже двойные бронированные стекла не были преградой.

— Как вы считаете, мог быть автором письма сумасшедший? Или фанатик? — спросил шеф полиции.

— Смелый человек — да, но сумасшедший — едва ли, — усмехнулся Гуго Ленц. — Уж слишком логичны его доводы.

Ленц откинулся в кресле.

— Допустим, мои опыты действительно опасны, — сказал он и на несколько мгновений устало прикрыл глаза.

— Опасны? — переспросил Камп.

— Можно предположить, что они дадут козыри в руки фашистов... Но по какому праву автор письма берется поучать меня?

— Вы слишком горячитесь, — сказал шеф полиции, когда Ленц умолк, подыскивая возражение на очередной аргумент автора анонимки. — Что толку спорить с тенью? Вот изловим автора послания, тогда другое дело.

— Думаете, изловите?

— Надеюсь.

— Дай-то бог.

Гуго Ленц поднялся, небрежно одернул дорогой костюм.

Короткое возбуждение физика прошло, он выглядел осунувшимся. Шеф полиции проводил Ленца до двери кабинета.

— Делайте спокойно свое дело, — сказал Камп. — Мы позаботимся о вашей безопасности. Но вы должны выполнять наши требования.

— Что я должен делать? — обернулся Ленц.

— Нам понадобится ввести на территории Ядерного центра нашего человека.

— Моего телохранителя?

— Не только.

Гуго Ленц подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Когда придет ваш агент? Завтра?

— Сегодня. Ровно через сорок минут, — бросил шеф, глядя на часы. — Вы успеете добраться до места?

— Если потороплюсь.

— Поторопитесь. Как с пропуском?

— Вот пропуск, — сказал Гуго Ленц, протягивая шефу узкую пластиковую полоску, на которой были вытиснены какие-то знаки.

— Кто его встретит?

— Мой секретарь.

— Только одно условие, — сказал шеф, взявшись за дверную ручку. — Полная тайна. Если вы кому-нибудь скажете, кто этот человек, вы сможете погубить его. Да и себя заодно.

Оставшись один, шеф полиции несколько минут ходил по кабинету, соображая, как вести дальше необычное дело. Конечный успех будет зависеть от того, насколько правильно удастся определить сейчас стратегию поиска. Он взял со стола листок, внимательно перечитал окончание письма, полученного сегодня утром Гуго Ленцем.

«Выход для вас один, Гуго Ленц: добровольно отказаться от посягательств на святая святых природы, на самую жизнь, расцветшую диковинным цветком среди ледяных просторов космоса. Вы должны зашвырнуть в пропасть сработанные вами ключи от алтаря, где хранится Непознаваемое. Даю вам три месяца. Срок, надеюсь, достаточный. Вы живете в мире, который разделен на лагеря — социалистический и капиталистический. Не делайте вид, что вы не понимаете этого... Коммунисты добились запрещения атомного оружия. Ключ, который находится пока в ваших руках, завтра может оказаться в руках кровожадных диктаторов, служителей

капитала, и вы, Гуго Ленц, окажетесь виновником нового витка гонки вооружений... Даю вам три месяца... Срок, надеюсь, достаточный. Если по истечении трех месяцев окажется, что вы не выполнили моих условий, — пеняйте на себя. Вы умрете, и ничто вам не поможет. Впрочем, надеюсь на ваше благоразумие. Вместо подписи прилагаю тюльпан. Пусть напоминает он вам о красоте всего земного».

Странное письмо получил Гуго Ленц. Жаль: преступник не оставил автографа. Текст написал на машинке, только цифра 3, показывающая, сколько месяцев жизни отмерено адресату, вписана почему-то от руки.

Да и реакция Гуго Ленца на анонимное письмо, и все его поведение не совсем понятны. Складывается впечатление, что знаменитый физик внутренне смирился с предстоящей скорой смертью, признал ее неизбежной.

Теперь — экстренное совещание. Время не терпит. Как знать, а вдруг цифра 3 просто камуфляж и завтра Гуго Ленца обнаружат либо с проломанным черепом, либо с пулей в сердце, всаженной из бесшумного пистолета?

Гуго Ленц вышел из лифта на взлетную террасу. Глубоко вдохнул сырой весенний воздух. Низко клубились тяжелые облака, чуть не задевая влажную асфальтовую поверхность площадки, отполированную тысячами шин.

Сегодня пятое апреля. Значит, жить ему остается до начала июля.

Попросить, что ли, отсрочку? Но у кого? У судьбы?

Ленц стоял, отыскивая взглядом свой орнитоптер среди десятков других летательных аппаратов.

Вершины окрестных зданий тонули в облаках. В бесчисленных рядах окон, которые поблескивали среди облачных проемов, Ленцу почудилось однообразие медовых сот.

Он подошел к краю площадки и глянул вниз. По уличной магистрали сновали машины, казавшиеся отсюда крошечнее муравьев. Но Ленц знал, что это еще не земля, — до почвы, намертво забранной в бетон, камень и асфальт, еще добрых несколько миль.

Аппарат Ленца плавно взмыл кверху. Гуго облокотился на пульт, глядя на колеблющиеся приборные стрелки.

Вокруг орнитоптера Гуго сновали бесчисленные летательные аппараты, и физик не обратил внимания на две машины мышиного цвета, которые неотступно следовали за ним. Это была охрана, учрежденная Арно Кампом для сопровождения Гуго Ленца, чьей жизни угрожал странный террорист.

* * *

День Арно Кампа только начался, а уже обещал быть хлопотливым и трудным. Поджог в универсальном магазине, похищение картины Рембрандта из столичной картинной галереи, стачка рабочих и студентов и на закуску — история с Гуго Ленцем и тюльпаном.

А вдруг угроза Ленцу исходит от какой-нибудь тайной организации? Коммунисты террором не занимаются. Так кто же тогда терроризирует Гуго Ленца?

Да, ошибается тот, кто думает, что у полиции легкий хлеб.

Кабинет шефа полиции наполнился сотрудниками. Оперативное совещание было коротким — шеф не любил долгих словопрений.

Начали с обсуждения «тюльпанной загадки».

Суть, конечно, была не в банальной угрозе смерти — такие вещи, увы, были не в диковинку. Настораживала необычность требований преступника, а также то, что объектом угрозы был выбран один из ведущих ученых Оливии.

Различные версии подвергли предварительному обсуждению.

Поскольку практически весь текст письма был машинописным, для начала решено было проверить все машинки, имеющиеся в стране. Ведь и у каждой пишущей машинки имеется свой собственный «почерк». Специалисту достаточно сличить образчики текстов, напечатанных на различных машинках.

Взгляд Арно Кампа, обедая всех в кабинете, остановился на черноволосом крепыше, устроившемся в кресле, в котором совсем недавно сидел взволнованный Гуго Ленц.

— Артур Барк, — неожиданно произнес шеф, — какие у вас отношения с физикой?

— Простите... С кем?

— С физикой. Вы знакомы с ней?

— Даже не здороваемся, — нашелся Барк.

— С сегодняшнего дня вы друзья. Отныне вы физик, Артур Барк! — сказал шеф.

— Но я не отличу мезона от бизона!

— Такого подвига от вас и не требуется. Вы станете физиком не для нас, а для работников Ядерного Национального центра, куда направитесь немедленно. Вот пропуск. Все согласовано. У Западных ворот вас встретит секретарь Гуго Ленца.

— Я буду телохранителем Гуго?

— Попутно. Вживитесь в обстановку. Выясните на месте, что к чему, какие враги или завистники могут быть у Ленца. Кто заинтересован в том, чтобы устранить его.

— Я пушу корни...

— Не очень тяните. Возможно, террорист начнет действовать не через три месяца, а завтра.

Артур Барк кивнул.

— Главное — осторожность, — продолжал шеф. — Важно не спугнуть, а заполучить в руки этого... цветочника.

Барк поднялся.

— О результатах докладывайте лично мне в любое время дня и ночи, — закончил шеф.

— Разрешите идти? — вытянулся Барк.

— Не идти, а лететь! — Шеф посмотрел на часы. — Гуго Ленц будет на месте минут через десять. Вы должны прибыть в Ядерный центр вслед за ним.

Выйдя заблаговременно из машины, еще горячей после гиперзвукового прыжка, Барк отправил ее обратно. Площадь он решил пересечь пешком. Сразу стало жарко — апрельское солнце припекало совсем по-летнему.

У Восточных ворот было пустынно.

Автоматы охраны долго и придирчиво проверяли пропуск. Затем блеснул луч, еле заметный в лучах солнца, и узкая стальная дверь медленно отодвинулась в сторону, пропуская Барка.

Не без внутреннего трепета ступил Барк на территорию Центра, о котором был столько наслышан. Однако Артура ожидало разочарование. Он не увидел перед собой ни хитроумных машин-манипуляторов, ни каких-нибудь сногшибательных сооружений — ничего, о чем болтали досужие языки.

Дорожки институтского двора были чисто подметены, аккуратные корпуса, расставленные в шахматном порядке, напоминали Артуру госпиталь, в котором он имел удовольствие проваляться целый месяц после неудачной стычки с уличными бунтарями, вздумавшими соорудить баррикаду.

Редкие платаны начинали зеленеть.

У места, где аллея, ведущая от Западных ворот, расходилась веером, Барк остановился. В нерешительности огляделся. Людей не было видно.

В ослепительном синем небе плыл коршун. Сделав широкий круг, он начал снижаться на территорию Цент-

ра и вдруг, ударившись о невидимую преграду, быстро-быстро затрепетал крыльями. Мягкая, но властная сила отбросила прочь насмерть перепуганную птицу.

Ядерный центр сплошным куполом покрывало защитное поле. «Верно говорится: сюда и ветерок не залетит», — подумал Барк.

Артур приосанился. Навстречу шла молодая женщина. На улыбку Барка она не ответила.

— Вы вошли в Западные ворота? — спросила женщина.

— Да.

— Артур Барк, специалист по нейтринным пучкам?

— Он самый... по пучкам...

— Я секретарь доктора Гуго Ленца, меня зовут Шелла Валери.

— Очень приятно.

— Пойдемте, доктор Ленц ждет вас.

По дороге Артур пытался разговориться, но Шелла отвечала односложно и не очень приветливым тоном.

Аллея сделала поворот, и Барк едва не вскрикнул: перед входом в корпус алела большая клумба тюльпанов.

— Тюльпаны? В начале апреля? — спросил он.

— Защитное поле, — пояснила Шелла, не оборачиваясь.

Только войдя в корпус, Барк понял, почему Ядерный центр внешне не произвел на него особого впечатления: основная часть сооружений находилась, по-видимому, под землей. Об этом говорил длинный ряд лифтов, ведущих вниз. О том, на какую глубину идут они, можно было только догадываться.

Доктор Ленц крепко пожал руку Артуру.

— Нам нужен именно такой специалист, как вы! — воскликнул он. — Пойдемте.

Они шли по лабораториям. Навстречу попадались люди, чаще хмурые и озабоченные.

— Чем ближе к цели, тем трудней приходится, — вскользь бросил Гуго Ленц.

В одном зале Барк обратил внимание на большую площадку, наспех обнесенную толстыми листами пластика. Он подошел поближе. Ленц последовал за ним, но явно неохотно, как отметил про себя Барк.

Артур заглянул в зазор между двумя неплотно пригнанными листами. Он увидел бесформенные обломки какой-то установки, опаленные огнем, изуродованные и почерневшие. В бетонных плитах пола видны были глубокие вмятины, в которых, как почудилось Артуру, еще гнезвился жар.

— Что здесь? — спросил Барк.

— Взорвался реактор.

— Диверсия?

— Несчастный случай.

— Давно?

— Вчера.

Они пробирались по узкому лабораторному проходу; Артур протянул руку, чтобы погладить сверкающий медный шар. Ленц быстро оттолкнул Барка, так, что тот чуть не упал.

— Шестьсот тысяч вольт, — пояснил Гуго Ленц.

Барк кашлянул.

— А вчерашний взрыв реактора... Жертвы были?

— К счастью, нет, — ответил физик и помрачнел.

— Люди успели спрятаться?

— Взрыв произошел ночью, когда здесь никого не было, — сказал Ленц.

Обход был утомительным. Они спускались в лифте, проходили комнаты, коридоры. Барк еле поспевал за доктором Ленцем. Походка Гуго была стремительной, чуть переваливающейся.

Перед одной из дверей Гуго замедлил шаг.

— Сейчас я познакомлю вас с моим первым помощником, — бросил он и толкнул дверь.

Комната была небольшой, не очень светлой. Прибо-

ров, установок здесь не было, лишь стеллажи, уходящие под потолок. На полках аккуратно расставлены книги, блоки биопамяти, катушки фотокопий. За столом, покрытым толстым листом пластика, сидел человек и что-то писал. Когда дверь отворилась, он поднял голову. Отложил ручку (шариковую, отметил Барк), поднялся навстречу вошедшим:

— Знакомьтесь: Имант Ардонис, моя правая рука, — сказал Гуго Ленц.

Ардонис кивнул.

— Артур Барк, наш новый сотрудник, разбирается в нейтринных усилителях, — продолжал Ленц.

— Очень к стати, — оживился Ардонис.

Барк поклонился.

Ардонис был красивый, совсем еще молодой человек. Его гладко выбритое лицо дышало энергией и дорогим одеколоном.

Из-за угла коридора навстречу им вышел рыжий кот. Вышел — не то слово. Кот важно шествовал, задрал пышный хвост. Лицо Гуго оживилось.

— Я едва не забыл представить вам моего любимца. Его зовут дон Базилио, — сказал Ленц. — Как видите, это очень важная фигура...

Они остановились у генератора, мощно тянувшего одну и ту же низкую ноту.

— Ну вот, вы видели весь мой отдел, — сказал Гуго Ленц. — И сотрудников, включая дона Базилио.

— Вы показали мне все комнаты?

— Кроме одной.

— Секретный отсек?

— Мой рабочий кабинет.

Кабинет Гуго Ленца занимал угловую комнату. Запыленные окна, захламленный пол придавали ей неуютный вид. Стол был завален рукописями, книгами, записными книжками. «Скорее стол писателя, чем ученого», — подумал Барк.

На отдельном столике у окна стоял предмет, заставивший сердце Барка забиться: пишущая машинка.

Артур вставил в машинку чистый лист бумаги и наугад быстро отстукал несколько строк — случайный набор букв. Затем вынул лист, сложил его и сунул в карман. Ленц, стоя спиной к Барку, возился с бумагами.

— Кто заходит в ваш кабинет? — спросил Барк.

— Никто. Я даже убирать здесь не разрешаю.

«Это заметно», — хотел сказать Артур Барк, но промолчал.

— Вы, наверно, над книгой работаете? — спросил Барк у доктора Ленца, когда они вышли из кабинета.

— Для книги времени нет, — махнул рукой Гуго. — Раньше, правда, была такая идея. Кое-какие материалы подготовил. А теперь... Дай бог за оставшееся время хоть дневники в порядок привести.

Остаток первого дня своей новой службы Артур Барк посвятил знакомству с циклопическими сооружениями, образующими целый подземный город. Одновременно он присматривался к людям, прикидывал, что к чему. Научных тем предпочитал не касаться, и никто из собеседников, к облегчению Барка, проблем нейтронной фокусировки в разговорах с ним не затрагивал.

Полный новых впечатлений, с сумбурной головой покидал Артур Барк Ядерный центр.

Процедура выхода из Центра оказалась непростой. В нее входил даже рентгеновский досмотр — на случай, если потенциальный злоумышленник вздумает чего-нибудь упрятать в собственном желудке.

Все было сделано для того, чтобы утечка информации из Ядерного Национального центра равнялась нулю.

Проходя процедуры осмотра, обязательные для всех сотрудников, Артур подумал, что для дела, которое его сюда привело, это не так уж плохо: если Барк получит на кого-либо улики, тот не сможет сразу убежать и скрыться в каменных джунглях большого города. Поже-

лав покинуть институт, злоумышленник неминуемо застрянет в проверочных фильтрах.

И Артуру припомнилось, как шеф, знаток Востока, рассказывал о турецких банях, где плату берут не при входе, а при выходе.

Листок, сложенный вчетверо, жег грудь, и Барк решил последовать золотому правилу и не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Прежде чем ехать домой, он решил заскочить к себе и выяснить кое-что относительно пишущей машинки, стоящей в кабинете доктора Ленца.

Придя в управление, Барк поспешил в отдел экспертизы. По счастью, там дежурил его приятель, прозванный сослуживцами Варвар. Обычно он не отказывал Артуру в мелких просьбах, если только они не были связаны с деньгами.

Он повертел в руках листок, поданный Артуром.

— Сам, что ли, печатал?

— Сам.

— Оно и видно: больно осмысленный текст, — ухмыльнулся Варвар. — Знаешь, мне сегодня попадались любопытные образчики, так сказать, полицейского творчества. Один даже высказал просьбу о прибавке жалованья. Так что у тебя еще шедевр искусства. Правда, абстрактного. Ну-ка, посмотрим. Авось тебе повезет больше, чем другим.

Пока Варвар, что-то бурча под нос, возился у рабочего стола, Барк сидел на стуле и размышлял.

— Должен тебя разочаровать, Крепыш, — через несколько минут прогудел Варвар. — Ты попал пальцем в небо.

— Не та машинка?

— Ничего похожего. Вот буква У крупным планом. Видишь, разные хвостики?

— Сам ты хвостик, — сказал Барк и поднялся.

Честно говоря, Барк испытывал разочарование. Рушилась стройная версия, которую он успел соорудить.

А выглядело убедительно: видный ученый. У него честолюбивый помощник, пользующийся полным доверием шефа. Помощник мечтает возглавить учреждение, но на пути стоит шеф. Помощник пишет ему грозную анонимку, предлагает убраться подобру-поздорову. Чтобы, как говорится, не торчали рога, в письме, конечно, ничего не говорится прямо. В письме напущено туману с помощью разных высокопарных сентенций. Шеф, по замыслу помощника, струсит и сойдет со сцены. Либо, того лучше, старика хватит инфаркт.

Покинув Варвара, Барк направился к шефу, чтобы доложить результаты первого дня, проведенного в Ядерном центре. Однако по пути он встретил Жюля, который сообщил, что шеф только что убыл.

— Улетел?

— Ушел, — поправил Жюль.

* * *

Арно Камп в самом деле решил прогуляться. Он спустился на лифте и вышел у нижнего горизонта, специально предназначенного для пешеходов.

Транспортные машины двигались по подземным и надземным трассам, здесь же было царство любителей пешей ходьбы.

Подняв по привычке куций воротник плаща, сунув руки в карманы, Арно Камп растворился в потоке прохожих.

Камп часто любил повторять, что самое безопасное место для человека — толпа ему подобных. В толпе ты неотличим.

Днем, после визита Гуго Ленца и оперативного совещания, Арно Камп решил наскоро просмотреть популярную брошюрку по ядерной физике, чтобы хоть чуть-чуть освоиться с кварками, мезонами и прочей заушью. Его поразила одна вещь: оказывается, все частицы «одного сорта» неотличимы друг от друга. Скажем, один

электрон нельзя отличить от другого, протон — от другого протона и так далее. И не в том дело, что приборы физиков грубы или методы современной науки слишком еще несовершенны, чтобы отличить одну частицу от другой: такая задача неразрешима в принципе по закону тождественности микрочастиц.

И теперь, шагая в толпе прохожих, Арно Камп подумал, что удивительный закон микромира в какой-то мере применим и к людской толпе.

В толпе ты иголка в стоге сена. Вокруг десятки людей, но никому дела нет до тебя и тебе ни до кого нет дела.

И еще по одной причине шеф полиции любил толпу. Только тут можно было узнать, о чем думают люди, что их волнует и занимает. А знать настроение толпы важно. Для этого имеются, разумеется, и осведомители — штатные и добровольные. Но Арно Камп любил получать информацию из первых рук.

Шеф полиции свернул в сквер. Его привлекала не апрельская зелень, заботливо огороженная металлическими решетками. Камп знал, что в сквер заходят те, кто не очень торопится, а именно такие люди склонны к разговорам и обмену мыслями.

С десяток людей сгрудились у электронного предсказателя, дожидаясь своей очереди испытать судьбу.

Арно Камп миновал газетные витрины, откуда скользящие бездельники выуживали ненужную информацию, и пошел в боковую аллею.

Наметанным взглядом он окидывал сидящих на скамьях.

Няньки с колясками... Игроки в домино... Влюбленные парочки...

Ага, вот. Камп замедлил шаг. На скамье сидели лохматый юноша в очках и мужчина в рабочем комбинезоне. Парень, оживленно жестикулируя, что-то рассказывал рабочему.

Со скучающим видом Камп подошел и сел поодаль. Лохматый неприязненно посмотрел на него и умолк.

Камп зевнул, вытащил из кармана книжку и погрузился в чтение.

На сей раз Арно Камп припас для свободной минуты старинный сборник арабских стихов, который автор, как было сказано в предисловии, посвятил скакуну — своему четвероногому другу.

Камп раскрыл книжку наугад и стал читать с середины:

Не говори, что это конь,
Скажи, что это сын, —
Мой сын, мой порох, мой огонь
И свет моих седин.
Быстрее бури он бежит,
Опережая взгляд,
И прах летит из-под копыт,
И в каждом — гром победный скрыт,
И молнии горят.
Умерит он твою тоску,
Поймет твои дела,
Газель настигнет на скаку,
Опередит орла.
Гуляет смерчем по песку,
Как тень, нетерпелив,
Но чашу влаги на скаку
Ты выпьешь, не пролив.

Парень, успокоившись, возобновил прерванный рассказ. Камп насторожился. Он продолжал сидеть, уткнувшись в книгу носом, словно начисто поглощенный чтением.

— Как он теперь у вас лекции будет читать? — спросил человек в комбинезоне, которого Камп мысленно окрестил рабочим, — так оно, впрочем, и оказалось.

— Лекции? Да как обычно, — пожал плечами парень.

— Когда у вас должна быть лекция Гуго Ленца? — спросил рабочий.

— Через три дня. Вот послушай, что мы решили устроить... — студент понизил голос. Пытаясь разобрать

слова, Арно Камп неестественно вытянул шею вместе с книгой.

Молодой человек умолк, схватил рабочего за руку, они поднялись и быстро пошли по аллее.

Пройдя несколько шагов, юноша оглянулся, затем сказал рабочему что-то связанное с Арно Кампом, причем явно нелестное.

Камп смотрел на две удаляющиеся фигуры. Брать их не имеет смысла, решил он. Вроде бы непохожи на коммунистов... В конце концов, оба пекутся о безопасности доктора Ленца, следовательно, их заботы совпадают с интересами полиции.

И еще одно. Шеф полиции усмехнулся, поймав себя на мысли о том, что раньше трех месяцев с Гуго Ленцем ничего не случится. Преступник будет придерживаться срока, указанного в письме: недаром же он вписал этот срок от руки в печатный текст.

Непонятно, откуда взялась эта уверенность Кампа: ведь никаких сведений успокаивающего характера по делу Гуго Ленца он не получил. Первый день расследования ничего не дал...

Арно Камп захлопнул книгу, полюбовался немного обложкой, на которой был изображен скакун с развевающейся гривой, и пошел к выходу.

* * *

Гуго Ленц вышел из машины и поднялся в дом. Походка его говорила о том, что человек смертельно устал, но не сломлен выпавшими на его долю испытаниями.

— Сумасшедший день, — сказал Гуго, целуя жену. — С утра поехал с этим проклятым письмом; в Ядерном опять не ладится, а тут еще новый сотрудник, пришлось вводить в курс дела; ускоритель барахлит...

— На тебе лица нет, — сказала Рина. — Садись. Ужин будет через пятнадцать минут.

Дверь отворилась, и Робин вкатил в комнату тележку с едой.

— Будешь ужинать? — спросила Рина.

— Дорогая, йоги не советуют есть на ночь, — улыбнулся Гуго. Но улыбка получилась жалкой.

— Раньше ты не следовал их советам. Ступай, Робин, я позову тебя, когда нужно будет, — сказала Рина, и Робин укатил тележку.

Рина погладила камеею на своем пальце и встала. Вслед за ней поднялся и Гуго.

— Пойду поработаю немного, — сказал он. — На сон грядущий. Если верить письму, мне нужно торопиться...

— Не шути так. Не надо, — попросила Рина.

Их совместную жизнь можно было сравнить с хорошо налаженным механизмом. Мелкие ссоры не могли разладить его. Если Гуго Ленцу по работе приходилось вдруг мчаться на испытательный полигон, приткнувшийся где-нибудь в потаенном уголке страны, они ехали вместе.

Их тяготил даже один-единственный день, проведенный в разлуке.

Рина привыкла быть его тенью, угождая малейшему желанию Гуго.

Детей у них не было.

Так проходили дни и месяцы, незаметно стыкуясь в годы. И вдруг что-то нарушилось в отлично налаженной машине.

Все началось третьего дня. События той ночи врезались ей в память настолько, что Рина могла бы воспроизвести их в мельчайших подробностях.

Они уже легли спать, и Рина успела задремать, когда Гуго вдруг вскочил.

— Есть одна идея! — сказал он. — Пойду набросаю, а то улетучится. Спи!

Гуго торопливо поцеловал ее и поспешил в кабинет.

Рина погасила бра.

Долго лежала в темноте с открытыми глазами.

Незаметно Рина уснула.

Потом вдруг проснулась как от толчка.

Гуго в спальне не было. Мерцающие стрелки показывали третий час.

Сердце сжалось предчувствием беды.

Рина пошла в кабинет. Остывший пластик пола холодила босые ноги.

В кабинете было пусто.

Она обошла весь дом. Заглянула даже в оранжерею. Потом в мастерскую, где любил иногда послесарить Гуго, но его нигде не было.

Остаток ночи Рина не спала.

С рассветом вышла на веранду. Окрестные дома топились в весеннем тумане, поглотившем окраину.

И вдруг каким-то шестым чувством скорее угадала, чем почувствовала: к дому приближается машина Гуго. Она узнала бы его орнитоптер с завязанными глазами среди тысячи машин. Сколько миль налетали они вместе на старенькой машине, которую Рина ни за что не хотела обменять на новую.

Рина поспешно вбежала в спальню и легла в постель, натянув одеяло до подбородка.

— Спишь? — тихо спросил Гуго, осторожно прикрывая за собой дверь комнаты.

Рина открыла глаза.

В тот день Гуго улетел в Ядерный центр, так ничего и не сказав.

А потом почта принесла письмо с тюльпаном...

Гордость не позволила Рине вступать в расспросы. Молодая женщина всегда считала, что она выше ревности. И разве двенадцать лет разницы в возрасте ничего не значат?

Теперь она мучилась, но внешне старалась ничем себя не выдать.

Быть может, у Гуго другая?

Что ж. Навязываться она не станет. И мешать не бу-

дет. И если не нужна больше — найдет в себе силы навсегда уйти из его жизни.

Та ночь легла в их жизни невидимым водоразделом.

Рина совсем собралась уйти и ушла бы, если б не злополучное письмо. Она не могла оставить Гуго в беде.

Свое чувство к нему, глубокое, как любовь к единственному ребенку, Рина таила, скрывала под маской насмешливости, порой переходящей в язвительность.

Рина медленно поднесла к глазам камео, еле светящуюся в темноте. Нефертити улыбалась загадочно, словно говорила: «Ты храбришься только на словах, попробуй на деле!»

Она отвинтила крышку перстня. На дне тайничка скорее угадывались, чем видны были, два маленьких зернышка. Достаточно одного — и душа улетит туда, где нет ни печали, ни воздыхания.

* * *

Все радовало глаз ранним апрельским утром: и чистое небо, просвечивавшее сквозь ажурные переплетения верхних горизонтов, и новорожденная листва проплывавших внизу деревьев, и послушная машина.

Но жизнь шефа полиции полна сюрпризов. Едва Арно Камп вошел в свой кабинет и углубился в донесения, поступившие в течение ночи, как в двери появился Жюль. Он протянул визитную карточку посетителя.

— «Ив Соич. Директор национального центра геологических и археологических исследований», — вслух прочел Арно Камп.

В кабинет вошел тучный, но тем не менее подвижный человек. Он представился и грузно опустился в кресло, указанное Кампом. Затем вытер клетчатым платком обильный пот и подождал, пока за Жюлем закроется дверь.

— Чем могу служить? — спросил Арно Камп.

— Вот, — сказал толстяк и протянул шефу полиции вскрытое письмо.

Уже беря конверт, Камп догадался, в чем дело.

Соич следил за выражением лица Кампа. дочитав письмо, Камп аккуратно сложил блокнотные листки, затем встряхнул конверт. На стол выпал свежий тюльпан.

— К... когда вы получили письмо? — спросил Камп, слегка заикаясь, что иногда с ним случалось в минуты сильного волнения.

— Сегодня с утренней почтой.

— Дома?

— На службе.

Сомнений не было: знакомый стиль! Анонимщик не утруждал себя разнообразием.

Текст угрожающего письма отпечатан на машинке.

Вместо подписи приложен тюльпан.

Время жизни, оставшееся адресату, в случае если он не выполнит требований автора письма, вписано от руки. Правда, различие все-таки было. Единственное, оно состояло в том, что таинственный автор письма почему-то отмерил Иву Соичу не три месяца, как его предшественнику, а целых полтора года.

— Что вы думаете по поводу письма? — спросил Арно Камп.

— Если письмо — шутка, то она в высшей степени глупа! — с негодованием произнес толстяк.

— Боюсь, что не шутка, — покачал головой Арно Камп.

— Тогда это дело террориста!

Помолчали.

— Я гибели не боюсь! — неожиданно сказал Ив Соич. — Но вы только подумайте, какие глупые требования выдвигает автор письма. Прекратить глубинное бурение! Закрыть проходку скважин на морском дне! Да я разорюсь! Занимаясь бурением земной коры, мы, видите ли, тем самым разрушаем земную кору нашей

страны! — От возмущения толстяк задохнулся. — Из глубинных скважин может излиться магма, уничтожая все живое!

— Разве это не так?

— Детские сказки, — махнул рукой Соич. — Я, знаете, кажется, начинаю догадываться, кто написал письмо.

— Ну-ну, — подбодрил его шеф.

— Конкуренты, кто же еще?! Я, видите ли, властью, данной мне президентом, должен добиться того, чтобы все глубинные разработки в стране были прекращены. Естественный вопрос: кому это выгодно? Тем компаниям, которые занимаются лишь поверхностными разработками... А вы представляете, что такое прекратить глубинное бурение? Это значит — заморозить миллионные ассигнования, пустить на слом уникальное оборудование, которое выполнялось специально для глубинного бурения. И на всю программу мне щедро отводится в письме полтора года, — закончил Ив Соич.

Камп откинулся на спинку стула.

— А меня не пришьют где-нибудь ненароком? — спросил Соич, поднявшись.

— Выделим для вас охрану. Впрочем, думаю, что пока вам особенно беспокоиться не следует, — сказал Камп.

— У меня хорошая личная охрана, — буркнул Соич.

Разговор с Соичем по времени длился недолго. Однако богатч произвел впечатление на Кампа. Интересная личность. Как, впрочем, и доктор Ленц.

Итак, дело осложнилось. Кто получит тюльпан завтра?

И снова, в который раз за два дня, Арно Камп подумал: «Не блеф ли история с тюльпаном?»

Быть может, и блеф, но ему, шефу полиции, от этого не легче. Когда угрожают таким людям, как Ленц и Соич, дело получает неизбежную огласку. И вообще угрозы людям, занимающим высокие посты в государстве, вносят смятение в умы. В итоге такая хрупкая

штука, как общественный порядок, может прийти в сотрясение.

Блеф или не блеф, а человек, рассылающий письма с тюльпанами, должен быть пойман.

Морское дно всерьез заинтересовало ученых, когда возникла мысль пробурить сверхглубокую скважину, чтобы исследовать по вертикали строение земной коры и глубинных слоев нашей планеты, а также освоить новый источник полезных ископаемых.

Решено было начать бурение с морского дна, тем самым сильно сэкономя на проходке значительной толщи породы.

В распоряжении Ива Соича было несколько проектов. Однако все они предлагали начинать бурение в местах, слишком удаленных от берега, что очень удорожало работы. Лишь одно место Ив Соич счел относительно подходящим — глубокую впадину, расположенную близ Атлантического побережья. Однако неподалеку на берегу располагался рыбацкий поселок.

Иву Соичу пришлось приложить титанические усилия, чтобы настоять на своем. Он сумел убедить президента, что глубинная скважина не представляет опасности для жителей поселка.

— Я сам буду безотлучно находиться на переднем крае проходки, — заявил Соич, и его слова послужили решающим аргументом в пользу последнего проекта.

Компании-подрядчики выстроили на дне впадины целый город — Акватаун. Не обошлось и без вездесущего североамериканского «Уэстерна», выполнившего по особому заказу Соича бур-гигант с ядерным взрывателем.

Ив Соич возлагал на свое детище — Акватаун — большие надежды. Не меньшие надежды возлагали на шахту, которая должна была стать глубочайшей в мире, и могущественные компании-подрядчики.

Соич недаром боролся за то, чтобы скважину заложили во впадине у берега. Впоследствии, когда глубоководные работы развернутся, он рассчитывал класть в карман миллион на каждой миле вертикальной проходки. За такие деньги, честно говоря, и рискнуть не грех.

Игрок по натуре, Ив Соич знал, что иногда бывают в жизни, как и в покере, моменты, когда надо поставить на карту все и идти ва-банк.

Письмо с тюльпаном на некоторое время выбило его из колеи. Автору письма нельзя было отказать в знании дела. Он даже каким-то образом сумел пронюхать, что наиболее опасный момент в подземных работах наступит примерно через два года. А ведь это тайна, которую, как надеялся Ив Соич, не знает никто.

Быть может, письмо с тюльпаном — дело рук конкурирующих фирм? Или ему прислали письмо те рыбаки с побережья? Как бы там ни было, он доведет дело до конца.

* * *

По молчаливому соглашению Рина и Гуго старались не упоминать о письме с тюльпаном.

После первых дней шока, связанного с письмом, настроение Ленца выровнялось. Он смеялся, шутил. Если возвращался рано — рассказывал Рине, как подвигается работа по расщеплению кварков. Правда, в его рассказах Рина ощущала горький привкус непонятого сожаления.

Казалось, даже бывая близость вернулась к ним. Но безошибочное чутье любящей женщины подсказывало Рине, что у Гуго появилась важная область внутренней жизни, куда ей, Рине, вход заказан.

Еще одно обстоятельство омрачало жизнь. Гуго никогда не отличался хорошим сном. Теперь же он спал совсем скверно: просыпался ни свет ни заря, осторожно, бочком, тщетно стараясь не разбудить Рину, пробиравшись к вечно открытому секретеру.

— Завтра у меня лекция, — сказал Гуго после ужина, садясь в кресло.

— Публичная? — обернулась к нему Рина, занимавшаяся у пульта настройки лунной программы.

— Да.

— Наконец-то разрешили. Как только Арно Камп решился! Тезисы ты им представлял?

— Конечно. Но говорить я буду совсем другое, — спокойно произнес Гуго и погладил бородку.

— Ты с ума сошел! — воскликнула Рина.

— Возможно.

Рина подошла, села на ручку кресла.

— Может, откажешься от лекции? — осторожно сказала она. — Знаешь, после... ну, вообще в последнее время я каждый час опасаюсь за твою жизнь. Просто какая-то пытка. А там будут тысячи людей, и никакая охрана...

— Я решил, Рина, — сказал Гуго.

— Тогда и я приду на лекцию, — медленно сказала Рина.

— Как хочешь, — пожал плечами Гуго, стряхивая пепел сигареты.

Арно Камп был взбешен. Жюль никогда не видел шефа таким.

— Шеф сегодня не в духе, — шепнул он Гуго Ленцу, провожая его из приемной в кабинет Кампа.

Когда Ленц вошел, Камп стоял к нему спиной, глядя в окно.

Ленц кашлянул.

— Вы балансируете на краю пропасти, доктор, — сказал Арно Камп, рывком повернувшись к вызванному. — Вы сочувствуете идеям коммунистов?

— Не сомневайтесь, — парировал Ленц. — И не я один.

— Кто еще?

— Все рабочие и немало студентов Оливии...

— Вы бросьте такую философию! — побагровел Арно Камп. — Кто позволил вам с высокой трибуны...

— Я говорил о физических проблемах, — спокойно перебил Ленц, — о том, как североамериканский концерн «Уэстерн» прибирает к рукам наши научные...

— Вы подрываете устои государства! Зачем вам было восхвалять социалистический строй далекого от нас Советского Союза? Разве вы не патриот?..

Они расстались. Камп остался недоволен беседой. Гуго Ленц держался уверенно, словно чувствовал за плечами незримую поддержку. Или такую уверенность ему придает непоколебимая убежденность в том, что смерть в срок, указанный в письме, неизбежна?

Можно, конечно, арестовать его. Но потом хлопот не оберешься. Слишком уж он крупная фигура, доктор Ленц. И потом, арест Гуго Ленца помешал бы выследить злоумышленника, взбаламутившего всю страну.

Что касается самого Арно Кампа, то ему не столько хотелось арестовать Гуго Ленца, сколько увидеть перед собой анонимщика, рассылающего по почте тюльпаны, в стальных браслетах.

«Нет уж. Пусть доктор Ленц побудет пока в роли подсадной утки. Даже если и погибнет, не беда, — подумал Арно Камп. — Другие найдутся. Физиков в стране пруд пруди».

В кабинет вошел Жюль.

— Что там еще? — раздраженно бросил Камп.

— Лично вам, — сказал Жюль и положил перед шефом конверт.

Камп отодвинул в сторону арабского скакуна и вскрыл письмо. На стол выпал тюльпан...

Жюль в это время уже прикрыл за собой дверь.

Камп взял себя в руки и заставил тщательно прочесть текст.

Ему сообщали, что он, Арно Камп, в пределах данной ему власти охраняет несправедливый строй, что он, Арно Камп — цепной пес закона, который на стороне богатых. «Понимаю, что сами вы не в силах изменить буржуазный строй, — писал анонимный автор. — Но вы должны помочь нам сделать общество другим, справедливым...»

Дорого дал бы шеф полиции Арно Камп, чтобы узнать, кому это — «нам»!

«От вас требуется немного, — продолжал автор письма. — Не избивать стачечников, одинаково относиться ко всем гражданам, независимо ни от цвета кожи, ни от того, сколько денег в кармане. Если вы не выполните наших требований, смерть может настигнуть вас в любую минуту. Она наступит внезапно».

Камп повертел в руках письмо. Исследовать его бесполезно — преступник, видимо, знает дело. Вот и его, Кампа, очередь пришла. Правда, в письме имеются некоторые вариации — анонимщик не указал срока, который Кампу осталось жить. Гуго Ленцу он отмерил три месяца, миллионеру Иву Сончу — полтора года, а вот его, Арно Кампа, может убить хоть сию минуту.

— Забавно, — громко сказал Камп. Затем погладил арабского скакуна и включил сигнал срочного совещания.

* * *

В Скалистых горах весна наступает рано.

Пациенты клиники святого Варфоломея, спеша воспользоваться первым по-настоящему теплым днем, покинули палаты и разбрелись по территории.

Одни, сосредоточившись, грелись на солнышке, другие, разбившись на кучки и воровато озираясь, торопливо шлепали картами. Третьи обсуждали свои недуги.

Двое, облюбовав скамейку у въезда на территорию, вели неторопливый спор о том, какое сердце лучше — атомное или же мышечное, обычное.

— Что-то Оры Дерви сегодня не видно, — сказал один, щурясь на апрельское солнце.

— Будет еще, не торопись. Да вот и она, легка на помине, — заметил второй.

На зеленую лужайку опустилась машина. Из люка легко выпрыгнула женщина. К ней торопливо, размахивая руками, подбежал старший хирург клиники.

Двое на скамейке умолкли. Они вытянули шеи, напряженно стараясь уловить, о чем разговаривают начальник Медицинского центра страны и хирург. Однако Ора Дерви и хирург говорили негромко, и до скамейки долетали лишь обрывки разговора.

— Сыну президента не лучше, — озабоченно сказал хирург.

— Сына президента привезли сюда вчера с раздробленной рукой. Попал в аварию, — быстрым шепотом пояснил один больной другому.

— Улучшения не будет: раздроблен нерв, — сказала Ора Дерви.

— Можно пересадить чужую руку, доноров из бедняков достаточно, слава богу, — сказал хирург.

— И потом на сцену появится несовместимость тканей, — возразила Ора Дерви.

— Что же делать? Лечить?

— Нет, — резко бросила Ора Дерви и хлопнула машину по крылу.

— Значит, остается...

— Остается только одно: искусственная рука, — сказала Ора Дерви.

— Но вы же знаете, что президент... — Хирург перешел на шепот, и двое, как ни старались, ничего не могли уловить.

— Ладно, я уговорю президента, — сказала Ора Дерви и в сопровождении хирурга направилась к корпусу, белевшему невдалеке.

— При лечении полумеры не нужны, — донеслась до скамейки последняя реплика Оры Дерви.

— Красива, как богиня, — вздохнул один, когда Ора скрылась из виду.

— Как манекен, — уточнил второй.

Под началом Оры Дерви находилась огромная сеть медицинских учреждений страны. Но она питала слабость к одной клинике, расположенной в Скалистых горах. Ора Дерви часто навещала маленький клинический городок, помогала советами врачам, нередко и сама оперировала, если попадался особо трудный случай.

Клиника святого Варфоломея была учреждением особого рода: здесь производилась замена пораженных недугом органов — сердца, легких, почек — чаще всего искусственными органами. Говоря короче, клиника святого Варфоломея занималась киборгизацией.

По убеждению Оры Дерви, будущность определенного слоя людей заключалась именно в киборгизации.

Говорили, что у Оры Дерви золотые руки. «Не руки, а киборгизированные рычаги», — добавляли злые языки.

Однажды на испытаниях разбилась военная машина. Весь экипаж, состоявший из семи человек, погиб. Когда вскрыли покореженную кабину, перед взором Оры Дерви предстала жуткая кровавая мешанина.

Ора Дерви сумела, как говорится, «по деталям» собрать погибших — правда, пришлось прибегнуть к вживлению искусственных органов.

После этого случая Ора Дерви получила благодарность военного ведомства, а враги киборгизации притихли.

Ударил гонг, созывающий больных к обеду. Двое нехотя поднялись со скамейки.

— Третий раз вижу Ору Дерви, — сказал один, — и с каждым разом она кажется мне противоречивее.

Гуго Ленц волновался, подлетая к Скалистым горам. Когда показались белые кубики в долине и автопилот произнес: «Внизу по курсу клиника святого Варфоломея», — сердце Ленца учащенно забилося.

Он много был наслышан об Оре Дерви. Толки об этой выдающейся женщине были противоречивы.

Одни говорили, что Ора Дерви — фанатик киборгизации, что она хотела бы половину населения Оливии превратить в роботов с позитронным мозгом и механическими конечностями. Другие — что Ора Дерви и сама представляет собой не женщину, а робот. Разве иначе могла бы она столь искусно проводить фантастические по сложности операции?

Третьи говорили, что...

Ленц тряхнул головой. Да мало ли что говорили? Всякий талантливый человек еще при жизни обрастает ворохом легенд, как днище морского судна — водорослями. Глядя вниз, на теснящиеся пики, Гуго Ленц неотступно думал о той памятной ночи, когда у него созрело твердое решение непременно познакомиться с Орой Дерви, начальником Медицинского центра.

Не без удивления смотрела Ора на бледного человека, с улыбкой идущего ей навстречу. Явно не пациент — всех больных, когда-либо попадавших в ее руки, Ора помнила. Врач? Тоже непохоже.

— Добрый день, Ора Дерви, — сказал человек, остановившись.

— Добрый день, — остановилась и Ора. Где видела она эту бородку и горящие глаза?

Они стояли посреди аллеи, и Гуго не отрываясь смотрел на Ору Дерви.

— Вы, вероятно, по поводу трансплантации? — ска-

зала Ора, когда молчание стало неприличным. — Обратитесь к старшему хирургу.

— Мне нужны вы, — сказал Гуго Ленц, представившись.

«Гуго Ленц, знаменитый физик, — мелькнуло у Оры Дерви. — Конечно, он. Как я сразу не узнала!»

— В таком случае встанем в тень, — улыбнулась Ора, обнажив ослепительные зубы.

— Речь идет о жизни, — сказал Ленц.

— Вашей?

— Множества людей.

— Не многовато ли? — удивилась Ора Дерви, беря Ленца под руку. — Пойдемте ко мне. Здесь слишком много глаз и ушей. В кабинете спокойнее. Хотя я не уверена, что и там не витает дух нашего милейшего Арно Кампа.

«Физики любят шутить. Но Ленц непохож на шутника», — подумала Ора Дерви, пропуская вперед гостя и закрывая за собой дверь кабинета.

...Вечерело. За необычным разговором собеседники не заметили, как стало совсем темно, и Ора включила свет.

— Все, что вы мне говорите, очень интересно, — сказала Ора Дерви. — И очень странно. Неужели вы искренне считаете, что люди должны отказаться от киборгизации?

— Киборгизация несет гибель роду людей Оливии, — сказал Гуго Ленц.

— А мне кажется, киборгизация — путь к бессмертию.

— Бессмертие... А зачем оно?

— Не мне вам объяснять, — устало проговорила Ора Дерви. — Разве достичь бессмертия — не сокровеннейшая мечта людей?

— Суть не в том, чтобы достичь бессмертия, а в том, какой ценой оно будет достигнуто, — сказал Ленц, закуривая очередную сигарету. — В конце концов, анаби-

оз — тоже жизнь. Но вы, например, разве согласились бы провести в анабиотической ванне тысячу лет ради сомнительного удовольствия дотянуть до следующего тысячелетия?

— Что касается меня, то я предпочитаю обычную ванну, — улыбнулась Ора.

— Поймите, бессмертие противоестественно, оно человеку ни к чему, оно противоречит природе, — горячо заговорил Гуго Ленц. — К тому же ваши опыты касаются пока людей низкого сословия...

В течение паузы Гуго Ленц подумал, что никогда еще, пожалуй, не встречал такой обаятельной женщины.

— Быть может, вы сами хотите сменить сердце? — неожиданно сказала Ора Дерви.

— С чего вы взяли? — растерялся Ленц.

— Не знаю. Так мне показалось, — негромко сказала Ора Дерви. — Впрочем, не буду скрывать. Я медик, и думаю, что с вами можно играть в открытую. Не так ли, доктор Ленц?

— Только так.

— Выглядите вы неважно. Обморочная бледность... Вид у вас, я бы сказала, обреченный. И вы не из низшего сословия...

— Обреченный, — невесело усмехнулся Ленц.

— Простите, я вовсе не имела в виду полученную вами анонимку, о которой все говорят, — сказала Ора Дерви, глядя на Ленца. — Я говорю сейчас о вашем внутреннем состоянии.

За окном синел поздний вечер. Ленц подумал, что никогда еще, за исключением, пожалуй, той памятной ночи, время не летело для него так незаметно. Надо было встать, попрощаться и уйти, но непонятная слабость сковала члены. Хотелось сидеть, слушать негромкий голос и смотреть в огромные глаза пепельного цвета.

— Вы интересный собеседник, — проговорила Ора

Дерви, — но простите, я так и не поняла, зачем вы сюда прилетели. Сюда приезжают те, кто нуждается в чуде. Здешнюю клинику так и называют — чудеса... — Она запнулась.

— Чудеса Оры Дерви, — закончил Ленц.

— Так что же вас привело сюда? — спросила Ора Дерви, сделав ударение на слове «вас».

— Желание, чтобы вы отказались от некоторых чудес, — медленно произнес Гуго Ленц. — Не все дозволено...

— Ну знаете ли... — сказала Ора Дерви. — Я с самого начала объяснила вам.

Гуго поднялся.

— Разрешите иногда навещать вас?

— Въезд в клинику открытый, — пожала плечами Ора Дерви.

Дни мелькали быстро, как страницы книги под ударами ветра.

Однажды против обыкновения Ленц вернулся домой рано.

— Сыграем партию в шахматы? — предложил он Рине.

— Не хочу. Ступай к своей механической кукле. Она, наверно, играет не хуже автомата... — сказала Рина и разрыдалась.

Раньше Рина никогда бы не позволила себе подобной выходки, но сейчас нервы ее были напряжены до предела.

— Когда-то ты мне приписывала Шеллу, теперь — Ору Дерви, — устало сказал Ленц, глядя на вздрагивающие плечи жены. — Если бы можно было изобрести защитное поле от сплетен!

— Гуго, я знаю, как тебе тяжело, — проговорила Рина, не отнимая рук от лица. — Но это не дает тебе права...

Она не договорила. Камень на пальце блеснул в последнем солнечном луче, упавшем на окно.

Подобные сцены в последнее время повторялись часто, и Ленц по собственному опыту знал, что в этой ситуации бесполезно пытаться успокоить Рину или что-то объяснить ей. Он беспомощно стоял перед ней, стиснув руки, и смотрел куда-то в сторону затравленными глазами.

* * *

Сегодня Барк решил после рабочего дня переждать всех. Он опасался, что Ленц засиделся за полночь или, чего доброго, останется в Ядерном до утра, как иногда бывало, особенно в последнее время. Но этого не случилось.

Последним ушел Имант Ардонис.

Артур бродил по пустынным лабораториям. Ровно гудели генераторы, по экранам осциллографов струились голубые ручейки, автоматы делали привычное дело, и Артур подумал, что присутствие человека здесь, пожалуй, ни к чему. Впрочем, будучи парнем неглупым, он понимал, что это мнение профана, ничего не смыслящего в ядерной физике.

При входе в зал, где располагался ускоритель, дорожку Барку преградили две скрещенные штанги автоматической защиты.

— Сотрудники должны удалиться, — пророкотал низкий голос.

— У меня разрешение доктора Ленца, — сказал Артур и вынул жетон, по которому мгновенно скользнул луч фотоэлемента. Штанги втянулись в гнезда, и Артур вошел в зал.

Он оглядел рабочие места сотрудников, тщательно просмотрел записи, перерыл содержимое мусорной корзины, разглаживая каждую бумажку.

Затем направился в кабинет Иманта Ардониса.

Осмотр не дал ничего, Артур смутно надеялся обнаружить какую-нибудь улику вроде черновика анонимки, адресованной Гуго Ленцу, или что-то в этом роде. Однако Ардонис, видимо, уничтожил все, что могло бы скомпрометировать его.

Перекладывая содержимое письменного стола, принадлежащего Ардонису, Барк наткнулся на валик биозаписи — подобные стерженьки заменяли прежние записные книжки.

Недолго думая, Барк сунул валик в карман.

Во время длительной процедуры контроля на выходе и позже, по пути домой, Барк неотступно думал о Шелле. Было в ней что-то привлекающее Барка. Может быть, какая-то загадочность? Барк вздохнул. Для Шеллы, похоже, в целом свете существует только доктор Ленц. А тот, кажется, совсем не замечает свою секретаршу.

Барк выяснил, что Шелла прежде работала в «Уэстерне», а затем по непонятным причинам перешла в Ядерный центр. Быть может, чтобы быть поближе к Гуго Ленцу?..

Дома Артур вспомнил про валик Иманта Ардониса и сунул стерженек в воспроизводитель.

Агент ожидал услышать нужные цифры, формулы, расчеты кривых, бесконечные иксы-игреки, успевшие уже навязнуть в ушах за четыре дня работы в Ядерном центре. Но первые же слова, слетевшие с мембраны, заставили его насторожиться.

«Не могу понять поведения Гуго. Похоже, он решил остановиться на полпути, — громко звучал в комнате голос Иманта Ардониса. — Прямо Гугенот об этом не говорит, но я привык расшифровывать его затаенные мысли».

Барк уменьшил громкость.

«Остановиться на полпути? Свернуть, перечеркнуть опыты, когда до цели рукой подать? Чудовищно! — скороговоркой вещала мембрана. — Бомбардировка квар-

ков, которую мы почти подготовили, должна разрушить последнюю цитадель, сооруженную природой на пути познания материи.

Человек, меньше, чем я, знающий Ленца, мог бы подумать, что Гугенот испугался последнего шага. Цепная реакция, которая может вспыхнуть? Сказки. А если даже не совсем сказки — все равно. Разве бывает битва без жертв?

Даром ничто не дается — доктор отлично понимает. Раньше он любил повторять эту мысль. Так что же заставило его изменить взгляды?»

«...Кварки будут расщеплены. Меня ничто не остановит», — резко произнес голос Ардониса после короткой паузы, и биозапись закончилась.

— «Меня ничто не остановит», — процедил сквозь зубы Барк, тщательно пряча валик. — Остановим тебя, голубчик!

Теперь срочно к шефу. Неважно, что скоро рассвет. Новости, связанные с делом о тюльпане, Арно Камп велел доносить агентам в любое время суток.

Барк надеялся на денежную награду или поощрение по службе, и, кажется, надежды его оправдывались.

Прослушивание валика привело Кампа в хорошее настроение.

— Важная улика, — несколько раз повторил он, поглаживая стержень. — Тонко, тонко задумано...

Барк впервые видел грозного шефа в домашней пижаме и туфлях на босу ногу.

— Продолжать за Ардонисом наблюдение? — спросил Барк, деликатно отводя взгляд от волосатой груди Кампа.

Шеф помолчал.

— Арестуем Ардониса. Так вернее, — решил он.

— Не рано ли? — осмелился возразить Барк.

— Его опасно оставлять на свободе. Но действовать нужно чрезвычайно деликатно.

С некоторых пор Имант Ардонис заметил, что пользуется чьим-то неусыпным вниманием, причем не очень приятного свойства. Это его насторожило.

Однажды в воскресенье, прогуливаясь в сквере, Ардонис стал в длинную очередь, тянущуюся к автомату с водой, — солнце палило немилосердно. Впереди внезапно вскрикнула женщина, произошло какое-то движение. Ардонис не успел даже сообразить, что случилось, как мимо прошмыгнул субъект, незаметно сунув ему в руки дамскую сумочку. Ардонис машинально придержал ее, и в ту же минуту плотная дама в шляпке закричала, что ее ограбили... Ардонису стало ясно, что полиция напала на его след. Но он, опытный шпион, засланный сюда из Северной Америки и прошедший тщательную подготовку в разведывательном центре, не потерял присутствия духа. Ардонис постарался доказать, что произошло какое-то недоразумение.

Неподкупный полицейский робот невозмутимо выслушал обе стороны, записал на пленку показания добровольных свидетелей, бегло осмотрел содержимое сумочки, убедившись, что она действительно принадлежит даме. Затем, вежливо козырнув, сдал Ардониса с рук на руки двум другим роботам, которые браво выпрыгнули из подъехавшей по его вызову машины.

Гуго Ленц пытался вызволить своего помощника, попавшего в неприятную историю. Он несколько раз объяснялся с Арно Кампом, доказывая, что произошло явное недоразумение.

— Разберемся, дорогой Ленц, — неизменно отвечал шеф полиции и тут же игриво спрашивал: — Ну а как наше самочувствие? Что-то мы сегодня бледней обычного. Никто нас не беспокоит?

— Да пока нет, — усмехался Ленц.

— Сколько у вас там остается сроку? — спросил Камп в одно из таких посещений.

— Еще месяц.
— Ого! Целая вечность!
— Чутьочку меньше, — уточнил Ленц.
— Ничего, — перешел Камп на серьезный тон. — Кажется, дело на мази. Кое-какие нити мы уже нащупали.
— Неужели! — оживился Ленц. — Какие же нити?
— Пока тайна.
— Даже для меня?
— Даже для вас, дорогой доктор, — развел руками шеф полиции.
— Но ведь я, можно сказать, заинтересованное лицо! — воскликнул Ленц.
— Тем более, — сказал Камп. — А за помощника своего не беспокойтесь. Он в хороших руках.

* * *

— Что случилось, доктор Ленц? — спросила Ора Дерви, едва Гуго переступил порог ее кабинета.
— А что? — не понял Ленц.
— Поемотрите в зеркало. На вас лица нет.
Ленц дернул бородку.
— Вы сами поставили в прошлый раз диагноз: переутомление, — сказал он, рассеянно сядя на свое место — стул в углу.
Ора Дерви покачала головой.
— Неужели вы всерьез относитесь к истории с тюльпаном? — спросила она.
Вопрос Оры Дерви почему-то вывел Ленца из себя.
— Да, я отношусь ко всему этому слишком серьезно, — резко сказал Ленц. — Если хотите знать, мне остается жить ровно три недели.
Ора Дерви не нашла, что ответить. Всегда больно смотреть, как помрачается светлый рассудок.
Гуго потер пальцем лоб.
— А что бы сказали вы, милая Ора, получив подобную анонимку? — неожиданно спросил он.

— Поместила бы в печати благодарность автору письма, — сказала Ора Дерви.

— За что?

— За цветок, разумеется.

— А если серьезно?

— Серьезно? — задумалась Ора Дерви. — А что потребовал бы от меня автор письма?

— Предположим, примерно то же, что от меня, — сказал Ленц, закуривая. — Разумеется, в применении к той области, которой вы занимаетесь. Скажем, полный отказ от киборгизации.

— Пожалуй, я бы не пошла на это, — задумчиво проговорила Ора Дерви.

— Даже под страхом смерти?

— Даже под страхом смерти, — ответила Ора, строго глядя на Ленца.

— Почему?

— Потому что мне это вредно, я теряю деньги, а также мою популярность, славу...

* * *

Ко дню 5 июля был приведен в боевую готовность весь полицейский аппарат страны.

Улицы и площади бурлили. То здесь, то там вспыхивали летучие митинги. Одни требовали сделать все, чтобы защитить физика Ленца от любых покушений, другие считали, что, наоборот, чем меньше в Оливии останется ученых, занимающихся глубинными тайнами природы, тем лучше будет, и ни к чему вообще подымать такой шум из-за одного-единственного физика, хотя бы и знаменитого.

Что касается эпицентра всех треволнений — Ядерного центра, то здесь все шло как обычно, как будто бы не на этот самый день неизвестный злоумышленник назначил гибель доктора Гуго Ленца.

Ленц в этот день был таким, каким его давно уже

не видели сотрудники. Работа у него спорилась, он смеялся, шутил, даже кощунственно напевал идиотскую песенку о тюльпане.

После обеда Гуго Ленц уединился со своим помощником Имантом Ардонисом. Они о чем-то долго толковали. Матовая дверь не пропускала ни звука. Любопытные, то и дело шмыгавшие мимо двери, ничего не могли услышать — у них была лишь возможность наблюдать на светлом дверном фоне два силуэта: один оживленно жестикулировал, в чем-то словно убеждая собеседника, второй в ответ лишь отрицательно покачивал головой.

Иманта Ардониса отпустили всего несколько дней назад, взяв подписку о неразглашении. От него так и не добились ничего определенного, несмотря на сверхмощную техническую аппаратуру дознания, включая «детектор лжи» новейшей конструкции.

По распоряжению Арно Кампа за Ардонисом была установлена негласная слежка.

Шеф полиции рассудил, что в критический день возможный злоумышленник должен быть на свободе. Пусть Имант Ардонис думает, что его ни в чем не подозревают. В последний момент правосудие схватит его за руку, и преступление будет предотвращено. А если даже нет... Неважно. Пусть Гуго Ленц погибнет, зато остальным адресатам, получившим цветок, опасность угрожать уже не будет.

Таков был тайный ход мысли Арно Кампа.

Арифметика проста.

Разумно пожертвовать одним ради того, чтобы спасти жизнь двоим.

Разве шахматный мастер останавливается перед жертвой фигуры, чтобы заматовать вражеского короля?

«Как знать? Быть может, заключительная стадия поимки анонимного бандита, нагло угрожающего виднейшим людям страны, войдет в историю криминалистики под названием «Гамбит Арно Кампа», — подумал, усмехнувшись, шеф полиции.

Итак, днем 5 июля страсти накалились до предела. Однако наступил вечер, и ничего не случилось: Гуго Ленц был жив-здоров и невредим.

Артур Барк, который безотлучно находился при докторе Ленце, не удаляясь от него ни на шаг, испытал даже чувство некоторого разочарования.

Надо сказать, в Ядерном центре не осталось ни одного не проверенного полицией сотрудника — поэтому, собственно, Арно Камп и решил, что Гуго Ленц может, как он того пожелает, провести критический день в своей лаборатории, среди своих людей, в обычной обстановке. Тем более что такое решение совпадало и с тайными соображениями шефа полиции...

Когда Гуго Ленц летел домой, его сопровождал целый эскорт. Орнитоптеры охраны были умело и тщательно закамуфлированы — под прогулочные, гоночные, рейсовые и еще под бог весть какие.

Люди Кампа потрудились и в доме физика, умудрившись покрыть дом Ленца силовым полем — защитным куполом на манер того, который окутывал Ядерный центр.

Рина радостно встретила Гуго.

Сердце Ленца больно сжалось, когда он обнял жену, измученную, постаревшую за день на десять лет.

— Я же говорила, милый, что письмо с тюльпаном блеф... — сказала Рина.

— День еще не кончился, — возразил Гуго.

Рину поразило, что галстук он не отстегнул, а сорвал, словно не собирался больше никогда надевать его.

Она села на ручку кресла, прислонилась к Гуго. Обняла.

— Перстень колется, — пожаловался Гуго, и Рина убрала руку.

Ей бросился в глаза уголок конверта, торчащего из нагрудного кармана Гуго.

— Опять письмо с тюльпаном? А ты мне ничего не сказал, — с упреком произнесла Рина и потянула письмо. Гуго сделал движение, но Рина успела заметить имя, выведенное на конверте крупными буквами: «Оре Дер...»

— Не бойся, меня не интересуют твои тайны, — бросила Рина, поспешно оторвав пальцы от письма, словно обжегшись.

Гуго начал что-то говорить, но Рина его уже не слушала. В душе ее мигом пробудились демоны ревности. Итак, он продолжает общаться с ней, своей новой пассией. Его прежние оправдания ложь, ложь... Он любит ее, полуженщину-полуробота, проклятую фурию с ослепительной улыбкой и киборгеничным лицом!

Рина резко соскочила с ручки кресла, подошла к стене и повернула выключатель.

Глубокой ночью Арно Кампа разбудил сигнал видеофона. Шеф полиции очнулся от короткого забытья, хрипло бросил:

— Слушаю.

— Докладывает агент 17. Гуго Ленц мертв, — сообщила мембрана.

Обсуждая причины смерти Гуго Ленца, медицинская экспертиза не смогла прийти к единому мнению.

Факты были таковы: доктор Ленц скончался вскоре после полуночи.

Каких-либо признаков насилия на теле Гуго Ленца обнаружено не было.

Непохоже было и на отравление ядом, хотя здесь мнения разошлись. Во всяком случае, в организме Ленца не было обнаружено ни одного из известных медицине ядов.

Гуго Ленц угас, как гаснет костер, в который забыли подбросить хворосту.

От жены Ленца ничего нельзя было добиться. На вопросы она не отвечала, лишь иступленно, не отрываясь, смотрела на Гуго и судорожно крутила перстень на пальце.

Дом Ленца оцепили.

Медики под наблюдением агентов трудились до утра. Но, как было сказано, к единому мнению прийти так и не смогли.

— Чудовищное переутомление, сердце не выдержало, — говорили одни.

— Доктора Ленца свел в могилу невроз, развившийся за последние три месяца, — утверждали другие и добавляли, защищая свою точку зрения: — Попробуйте-ка девяносто дней прожить под угрозой смерти, под дамокловым мечом, висящим над вами.

Вероятно, дни ожидания гибели психологически сломили волю к жизни.

По распоряжению президента была создана комиссия для расследования обстоятельств смерти доктора Ленца. Председателем комиссии была назначена Ора Дерви, начальник Медицинского центра страны.

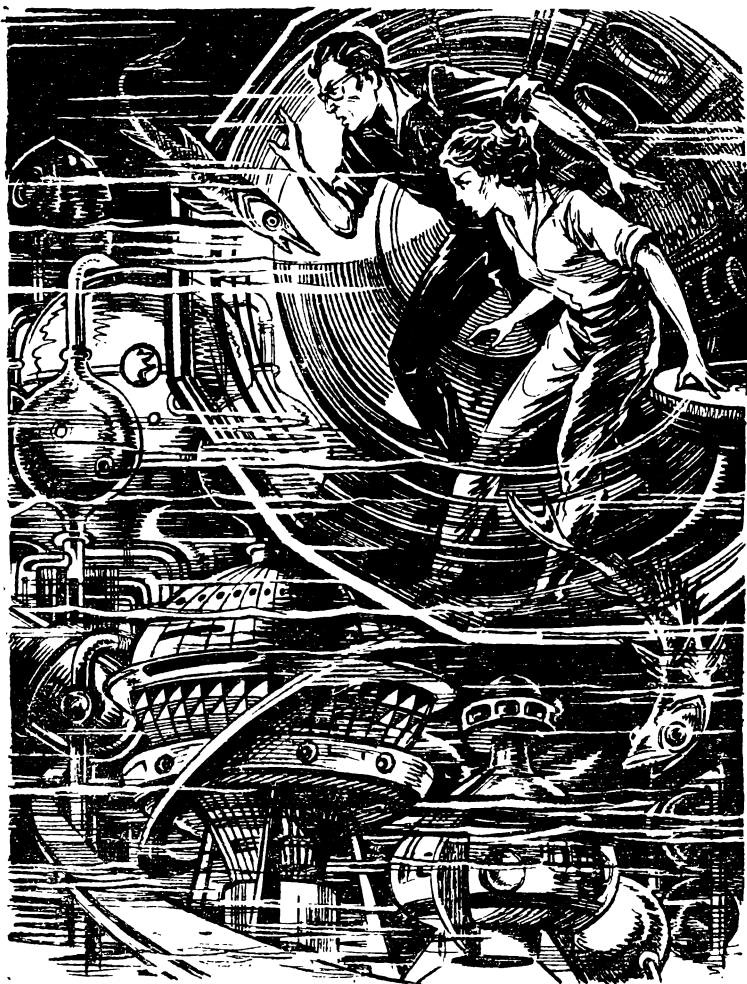
* * *

Смерть физика Ленца, последовавшая точно в пред-указанный срок, потрясла Ива Соича.

Значит, тюльпан, полученный Ивом Соичем, таит в себе отнюдь не пустую угрозу.

Пойти навстречу требованиям автора грозного письма? Свернуть работы в Акватауне, пока не поздно? Законсервировать скважину?

Остановить машины — дело нехитрое. А потом? Шумиха вокруг тюльпана спадет, конкуренты подхватят начатое Ивом Соичем и брошенное им дело, и главный геолог останется в дураках.

Нет, отступать поздно. Он вложил в Акватаун все свое состояние.

Достаточно хотя бы немного замедлить темпы проходки глубоководной скважины — и он банкрот.

Не отступать надо — атаковать! Ускорить проходку. Взвинтить темпы как только можно. Не останавливаться перед новыми затратами. Закончить проходку раньше срока, отмеренного ему убийцей. Поскорее сорвать куш, купить спутник и перебраться на него. Там-то уж Ива Соича сам дьявол не достанет. Соич будет стрелять в любой корабль, который вздумает приближаться к спутнику — его священной собственности.

Там, на спутнике, он вволю посмеется над прежними страхами.

Сделает оранжерею. И непременно устроит клумбу с тюльпанами. Именно с тюльпанами, провалились они пропадом!

В невесомости цветы растут хорошо...

К счастью, и он переносит невесомость неплохо в отличие от некоторых людей, которые в невесомости и часа не могут прожить.

По распоряжению Ива Соича в Акватауне был введен жесткий режим, сильно смахивающий на военный.

Геологи, проходчики, инженеры, киберологи, ядерщики не имели права подниматься на поверхность и вообще удаляться за пределы Акватауна.

Ив Соич запретил даже обычные походы акватаунцев за свежей рыбой. И вообще Ив Соич решил свести к нулю непосредственные контакты акватаунцев с внешним миром до тех пор, пока геологическая программа не будет полностью выполнена.

Работа в Акватауне шла днем и ночью. Впрочем, понятия «день» и «ночь» были весьма условны под многомильной океанской толщей, в царстве вечного мрака. Суточный цикл регулировался службой времени. «Утром» тысячи реле одновременно включали наружные панели на домах-шарах, прожекторы выбрасывали вдоль улиц

ослепительные пучки света, тотчас привлекавшие глубоководных тварей, давно привыкших к возне под водой, ярче вспыхивали пунктирные лампочки, окаймлявшие дорогу к скважине.

Ровно через двенадцать часов все освещение, кроме дорожного, выключалось.

24 часа в сутки на дне впадины полыхало зарево. Время от времени из него вырастал оранжевый гриб, и потрясенную толщу воды насквозь пронизывала дрожь. Каждый направленный ядерный взрыв означал еще один шаг вперед, в глубь Земли.

Ив Соич координировал работу проходчиков, знал поименно и в лицо чуть не каждого из трех тысяч акватаунцев.

Презируя опасность, он часто опускался на дно скважины, появлялся на самых опасных участках проходки. Толстый, отдувающийся, ежеминутно вытирающий пот, он мячиком выкатывался из манипулятора, проверял, как работают механизмы, часто оттеснял оператора и сам садился за пульт управления.

Для акватаунцев оставалось загадкой, когда спит Ив Соич. В любое время суток его можно было застать бодрствующим, обратиться к нему с любым делом.

С полной нагрузкой работала аналитическая лаборатория, исследуя образцы породы, непрерывным потоком поступающие из скважины.

Под огромным давлением даже обычные минералы, давно изученные вдоль и поперек, приобретали новые и необычные свойства.

Вскоре температура в стволе шахты повысилась настолько, что даже термостойкие комбинезоны перестали спасать проходчиков.

По распоряжению Ива Соича были смонтированы и пущены в ход криогенные установки. У проходчиков появился мощный союзник — жидкий сверхтекучий гелий, охлажденный почти до абсолютного нуля. Циркулируя

по змеевику, пронизывающему стенки шахты, гелий гасил жар развороченных зсмных недр. Земля, рыча и огрызаясь, уступала людям милю за милей.

* * *

Ора Дерви долго не смела признаться самой себе, что впервые в жизни полюбила. Так случилось, что ее избранником оказался Гуго Ленц.

Она влюбилась в него как девчонка, влюбилась с первого взгляда, с той самой минуты, когда Ленц впервые появился в клинике святого Варфоломея. Ей сразу запади в душу его бледность, клиновидная борода и глуховатый голос.

Но внешне Ора ничем не проявила себя, и Гуго Ленц едва ли о чем-либо догадывался. Он вообще не отличался догадливостью.

Теперь, после таинственной смерти доктора Ленца, Ора Дерви вновь и вновь мысленно возвращалась к их взаимоотношениям, столь коротким и так трагически оборвавшимся.

Что, собственно, влекло ее к Гуго?

С самого начала он поразил ее необычностью, непохожестью на остальных. И то, что говорил Ленц, в чем старался убедить Ору Дерви, было необычно и странно.

Слиться с природой! Человек — частица мироздания, только частица, и он не должен пытаться искромсать всю вселенную, вывернуть ее наизнанку и поглотить.

А его взгляды на киборгизацию?

Ора доказывала Ленцу, что отречься от всего, чего достигла наука, — значит перечеркнуть весь пройденный ею тысячелетний путь.

— Как можете вы требовать такое, вы, физик, руководящий опытами по расщеплению кварков? — сказала однажды Ленцу Ора Дерви.

Слова Оры Дерви, видимо, смутили Ленца. Он дол-

го молчал, затем поднял взгляд на Ору и проникновенно произнес:

— Ора... Я должен сказать вам много... Но сейчас не могу: слишком рано. Придет время — вы все узнаете. И относительно расщепления кварков тоже...

Теперь Ора Дерви часто задумывалась над словами Ленца, пытаясь расшифровать их скрытый смысл.

Оре Дерви как председателю вновь созданной комиссии по расследованию обстоятельств смерти Гуго Ленца много приходилось заниматься материалами, так или иначе связанными со знаменитым физиком.

В основном здесь были официальные документы, переписка доктора Ленца с дюжиной университетов и крупнейшими физическими центрами, копии заказов различным фирмам, рекламации на приборы. Была здесь и переписка со многими физиками планеты, из которой Ора Дерви впервые поняла во всей полноте, каким непререкаемым авторитетом среди них пользовался покойный доктор Ленц.

Из переписки явствовало, что были у Гуго Ленца и противники, но и последние глубоко уважали его. Предположить, что кто-то из них мог убить доктора Ленца? Чистая нелепица. И потом, каким образом?..

Всесторонние медицинские исследования тканей, лимфы, крови Ленца ничего не дали.

О, как казнила себя Ора Дерви, что не настояла в свое время на том, чтобы Гуго Ленц лег в клинику святого Варфоломея! Он был бы жив. Она не допустила бы его смерти.

А теперь в память о Гуго Ленце ей только и осталось, что тоненькая пачка писем да еще голос Гуго, записанный на пленку, — повесть о том, как король вручал ему премию. Когда Гуго рассказывал об этом, нельзя было удержаться от смеха, и Ора с разрешения Ленца включала магнитофон.

Кроме писем Ленца и магнитной ленты с его голосом, у Оры Дерви оставались еще воспоминания. Она

часто перебирала в памяти свои встречи с Гуго и все, о чем они говорили.

Письма и ленту Ора берегла как величайшую драгоценность.

Со дня смерти Гуго Ленца шеф полиции не знал ни минуты покоя.

Чья теперь очередь? Кого умертвит тюльпан? Иву Соичу убийца отмерил определенный срок. А ему, Арно Кампу, — нет. Значит, он может быть умерщвлен в любое время. Тем более думать об этом бесполезно — надо действовать. Пока он жив, ответственность за общий порядок в Оливии лежит на нем.

Большие надежды возлагал Камп на разоблачение Ардониса. Но филигранная слежка агентов пошла прахом: ничего подозрительного в поведении помощника доктора Ленца обнаружить не удалось.

Впрочем, Имант Ардонис по распоряжению Кампа продолжал оставаться под наблюдением. Арно Камп не так-то просто расставался со своими подозрениями.

...Поставив полуувядший цветок в стакан с водой, Ора Дерви еще раз внимательно перечитала только что полученное с утренней почтой письмо. По стилю оно, на ее взгляд, не отличалось от того, которое три с небольшим месяца назад получил Гуго Ленц.

Гуго, обладавший феноменальной памятью, несколько раз цитировал ей наизусть большие куски из полученного им письма, и Ора Дерви в конце концов тоже запомнила их. Ей врезались в память обороты вроде: «общество Оливии неизлечимо больно», «оно катится в пропасть», «земная жизнь — плесень, которая легко может погибнуть», «киберги не люди, но они...»

В письме, полученном Орой Дерви, были другие слова, но смысл оставался прежним.

Анонимный автор хотел от Оры Дерви, чтобы она «навела порядок» на своем участке общественной жизни — в медицине. Автор требовал, чтобы Ора Дерви своей властью запретила пересадку органов. «Такие пересадки чудовищны, недостойны человека, наконец, неэтичны, — негодовал автор. — Человек — не машина, у которой можно по произволу заменять детали».

Испугалась ли Ора Дерви, получив письмо с тюльпаном? Нет, чувство страха было чуждо ее атомному сердцу. Просто Ора безмерно удивилась — не самой угрозе, а философскому содержанию письма. На какой-то миг Оре Дерви показалось, что с ней со страниц письма беседует воскресший Гуго Ленц.

Она некоторое время перебирала четыре листка, отпечатанных на машинке, всматривалась в цифру 1, вписанную от руки. Ровно один год отмерил ей автор письма для выполнения обширной программы, изложенной на листках; повсюду закрыть пункты пересадки органов, уничтожить фабрики, выпускающие хирургические инструменты для трансплантации, закрыть в медицинских колледжах факультеты киборгической медицины, предать огню всю литературу по проблемам киборгизации.

Ора Дерви закрыла глаза. Она сидела одна в пустой ординаторской клиники святого Варфоломея. Покачиваясь в кресле, размышляла.

Кто бы ни был автор письма, он наивен в высшей степени. Он хочет, чтобы она, Ора Дерви, своей волей сделала то, и другое, и третье. Как будто в ее власти закрыть, например, фабрики, производящие хирургическое оборудование по киборгизации. Да управляющий «Уэстерна» вышвырнет ее на следующий же день за двери клиники.

В чем-то и автор письма, и Гуго правы. Буржуазный порядок вещей в Оливии довольно гнусен. Но вот как изменить его? Тут их идеи против торгашества вызывают лишь улыбку.

Если говорить всерьез, только коллективные усилия могли бы что-либо изменить в обществе. Но на кого можно опереться?

Незаметно для себя Ора склонилась к мысли, что надо действовать — не для собственного спасения, а во имя светлой памяти Гуго Ленца.

Гуго рассказывал ей о рабочих, с которыми встречался на заводах, когда наблюдал за производством приборов для Ядерного центра, о студентах, с восторгом ловящих каждое живое и свободное слово, слетающее с кафедр.

Но как ей найти тех, кто умеет мыслить и действовать? Стать с ними в одном строю.

Надо сделать так, чтобы Гуго, будь он жив, был доволен ею.

Работы — непочатый край. Одного года может не хватить.

Значит, для начала нужно все-таки подумать о письме с тюльпаном.

«Сначала послушаем, что скажет шеф полиции Арно Камп», — подумала Ора Дерви, протягивая руку к видеофону.

Разбирая документы Гуго Ленца, Ора Дерви рассчитывала, что, возможно, какие-нибудь записи смогут пролить свет на обстоятельства дела, которое она расследует. Черновики следовало разобрать, зачеркнутое восстановить — нелегкая и кропотливая работа.

Хорошо было бы привлечь на помощь жену Гуго Рину Ленц. Но она после смерти мужа до сих пор не могла оправиться, хотя прошел месяц. Ни с кем не разговаривала, была почти немняемой.

Среди черновиков Ора нашла несколько листов бумаги, исчерканных вдоль и поперек. Здесь были в основном мысли о себе и для себя. Автор, видимо, не предназначал их для чужих глаз.

Все, что удалось разобрать, Ора перепечатала на машинке.

«...Итак, мне остается жить три месяца. Всего три. Нелепо все и неожиданно. А жизнь вчера еще казалась бесконечной.

Живой не думает о смерти. Он может планировать свое будущее, прикидывать, что будет с ним через год, три, а то и через двадцать лет. Математик сказал бы, что двадцать лет для человека равносильны бесконечности. Естественно: для мотылька-однодневки бесконечность равна всего-навсего суткам.

А что сказать о мезоне, время жизни которого — миллионная секунды?

Я не мезон и не мотылок-однодневка. Я человек. Обреченный на скорую смерть. Какая разница — раньше или позже? Нет, не буду кривить душой. Я молод: разве 44 года — старость?»

«Мир беспечен, как играющий ребенок. Если даже людей будет отделять от гибели один шаг, все равно они будут заняты собой, погоней за заработками. Беспечность ли это? Скорее даже простое неведение».

«Больше всего на свете я любил свою работу. Тот сладкий холодок предчувствия, из которого вдруг, после многодневных опытов, внезапно рождается уверенность, что истина находится где-то рядом, протяни только руку — и достанешь ее.

Но ныне все мелкие истины слились в одну Великую Истину, и свет ее невыносим. Я солдат твой, сияющая истина, и умру как солдат. И да поможет мне... Робин!»

«Робин? — задумалась Ора Дерви. — Кого имел в виду Гуго Ленц?»

Вскоре в сутолоке дел Ора Дерви позабыла случайное имя, мелькнувшее в бумагах покойного Ленца.

Но через некоторое время среди лабораторных журналов ей попался еще один листок, служивший продолжением какой-то записи.

«...Прощай и ты, Люсинда. Я привязался к тебе, я верил тебе...»

Ору что-то кольнуло, когда она прочла первые строки записки.

«Только благодаря тебе, Люсинда, я сумел решить последнюю задачу, которую добровольно взвалил на свои плечи. И теперь мне легче уходить из жизни. Спасибо, Люсинда».

Незнакомое доселе неприятное чувство заставило Ору внутренне сжаться. Она вызвала к себе Барка. Артур прибыл незамедлительно: он уже знал, что председатель новой комиссии не отличается мягким нравом и при случае может всыпать не хуже Арно Кампа. Ясное дело: не приходится ждать снисхождения от робота, или полуробота — один черт.

— С работой в Ядерном центре до сих пор не ладится, — сказал Артур Барк. — Все время срываются опыты.

— Быть может, диверсия? — оживилась Ора Дерви.

— Неизвестно... — покачал головой Барк. — Доктор Ленц оставил после себя сущую неразбериху. Старик, видимо, слишком многое любил делать сам.

При слове «старик» Ора поморщилась: она не выносила фамильярности.

— Послушайте, Барк, — сказала Дерви, — вы знаете всех сотрудников Ядерного центра?

— Конечно. Таково задание Кампа, — ответил Артур Барк.

— В таком случае скажите, кто такая Люсинда?

— Люсинда? — удивленно переспросил Барк, с наслаждением заметив, что Ора Дерви слегка смешалась. Значит, и роботы умеют смущаться!

— Имя Люсинда мне встретилось в архивах доктора Ленца, — пояснила сухо Ора Дерви.

— Люсинда — машина, — сказал Барк.

— Машина?

— Обыкновенная счетная машина. Термоионная, с плавающей запятой, как говорят программисты, — с

улыбкой добавил Барк. За время пребывания в Ядерном центре он успел нахвататься кое-каких познаний.

— Машина? Странно... Ленц обращается к ней как к женщине, — сказала Ора Дерви.

— Странно, — согласился Барк.

— Мы можем теперь только строить догадки о тогдашнем психическом состоянии доктора Ленца, — заметила Ора.

Барк промолчал, ограничившись утвердительным кивком.

Если шпионаж в Оливии за работой выдающегося физика Гуго Ленца был главным делом Иманта Ардониса, то науки о земной коре его интересовали как хобби. Но и в геологии, регулярно просматривая интересующую его литературу, Имант Ардонис сумел приобрести немалые познания; его сведения в Центр, своему североамериканскому шефу, всегда носили очень профессиональный характер и высоко там ценились.

Акватаунский проект не мог не заинтересовать Ардониса. Его привлекала смелость замысла, сочетание с размахом. Шутка ли: пробив твердую оболочку планеты, на сотни миль устремиться вниз, пронзив слой бушующей лавы!

В космосе человек давно уже чувствовал себя как дома, в то время как глубь собственной планеты все еще оставалась для него недоступной.

Ардонис знал, что идея использования глубоководной морской впадины в качестве отправной точки для глубинной скважины не нова. Но раньше осуществить ее не могли, проблема упиралась в несовершенство техники.

Ардонис был аккуратен в своих увлечениях: выскивая повсюду, где только можно, материалы об Акватауне, он складывал их вместе.

Когда ствол глубинной шахты, миновав твердую обо-

лочку Земли, углубился в расплав магмы, Имант Ардонис наново проштудировал работы о глубинных слоях почвы и структуре морского дна в районе Атлантического побережья. И червь сомнения впервые шевельнулся в его душе.

Давление и температура лавы там, на глубине, ему как физику говорили многое. В опытах по расщеплению кварков Ардонис имел дело со звездными температурами и колоссальными давлениями, у него было представление об опасностях, которые подстерегают в подобном случае исследователя.

При огромных давлениях жидкость может превратиться в камень, а сталь потечь как вода.

На что рассчитывает Ив Соич? Как он собирается взнуздать огненную стихию земных недр? Надо полагать: он произвел необходимые расчеты. Они должны быть абсолютно точными. Иначе... У Иманта Ардониса дух захватило, когда он представил, что может получиться, если на большой глубине магма ворвется в ствол шахты. Вода соединится с огнем! А в Акватауне три тысячи человек. Не говоря уже о рыбацком поселке, который расположен на побережье, близ впадины. Ну что ж... Зато Северная Америка получит колоссальную информацию, не подвергая себя никаким затратам...

В том, что Люсинда машина не только хорошая, но и капризная, с норовом, лишний раз убедился Имант Ардонис, когда решил просчитать, каким запасом прочности обладает ствол гигантской шахты, нисходящей от подводного города Акватауна в глубь земли.

Введя задачу в кодирующее устройство, Имант Ардонис присел к столу.

Мимо несколько раз прошел Артур Барк, неприятный молодой человек с оловянными глазами.

Нового сотрудника Имант недолюбливал. Неприязнь зародилась в первый же день, когда доктор Ленц привел к нему в кабинет черноволосого крепыша и отре-

комендовал его как специалиста по нейтринным пучкам. Было это вскоре после взрыва в лаборатории, случившегося ночью, когда установки обслуживались автоматами.

— Где ответ? — спросил Ардонис, нагнувшись к переговорной мембране.

Тотчас из щели дешифратора вылетела лента.

«Дважды одну задачу Люсинда не решает», — прочел Ардонис.

— Люсинда, ты что-то путаешь, — попытался разъяснить Ардонис. — Задачу о глубинной шахте никто тут не мог решать, кроме меня.

«Люсинда никогда не путает», — лаконично сообщила лента.

Ответ машины, которого он с трудом добился, поразил Ардониса: все гигантское подводное сооружение висело на волоске.

Несмотря на свой скверный характер, Люсинда не могла солгать в расчетах, выдать не те цифры.

Прихватив с собой ленту, Ардонис решил немедленно отправить сведения в Центр. О том, что угрожает Акватауну, в Центре должны узнать. Предотвратить катастрофу возможно. Подводники должны принять срочные меры. Либо должен быть увеличен запас прочности защитных конструкций, либо работы следует сразу прекратить. Первое решение, конечно, влетит в копеечку, но разве можно считаться с копейками, когда дело идет о жизни тысяч людей? Но что ответят из Центра? Обдумывая запрос, Имант Ардонис вышел из лаборатории и столкнулся с доном Базилио.

После смерти Гуго Ленца кот поскукнел. Он бродил из комнаты в комнату, разыскивая прежнего хозяина, и всех сотрудников обходил стороной. Блюдце с молоком оставалось нетронутым. Чем питался кот, было неизвестно. Артур Барк уверял, что дон Базилио глотает кварки.

В пути Имант Ардонис намного поостыл. Он подумал, что в Центре начнутся неизбежные расспросы: где Ардонис взял исходную информацию для расчетов? Чего доброго, начнут его перепроверять, приступят к расследованию. Нет уж, ему важно получить окончательный результат и потом обо всем информировать Центр.

Ведь кто-то из физиков уже догадался просчитать с помощью Люсинды задачу об устойчивости Акватауна? (История сама по себе достаточно темная.) Не сообщил же Ардонис сразу о результатах в Центр? Значит, можно и сейчас не торопиться.

Он не станет хранить под спудом результаты, сообщенные Люсиндой. Но и спешить не намерен.

Сделать можно так: написать в Центр подробное письмо, привести все расчеты по Акватауну. Пока в Центре письмо изучают, тут, в Оливин, все пойдет своим чередом...

После смерти Гуго Рина жила словно во сне. Видно было, что молодая женщина живет какой-то своей, внутренней жизнью и ни до кого ей нет дела.

В последние дни Рина сильно привязалась к Робину, общество которого могло ей, кажется, вполне заменить человеческое. Быть может, причины симпатии коренились в том, что Робин в Гуго «души не чаял», если позволительно так выразиться о роботе. Несколько лет назад, когда Робин было по ошибке схватился за оголенный провод, Гуго спас его, разобрав и снова собрав «по косточкам». А инстинкт самосохранения у Робина был выражен достаточно сильно.

И теперь Робин стал для Рины как бы связующим звеном между нею и Гуго. Робин столько мог бы рассказать ей об умершем! Однако лишнее слово надо было вытаскивать из Робина клещами: он не отличался болтливостью, как некоторые роботы его класса. Долгими июльскими вечерами Рина расспрашивала Робина

о покойном. И все время женщина не могла отделаться от мысли, что Робин чего-то недоговаривает. Однако заставить Робина проболтаться было невозможно.

Страна бурлила. Только после смерти Гуго стало ясно, насколько он был популярен. Столица потрясалась манифестациями. На военных заводах Вальнертона бастовали рабочие. Люди требовали разыскать и наказать убийцу. Надо сказать, что в данном случае требования манифестантов совпадали с самым сокровенным желанием шефа полиции, а такое случается нечасто. Тайный распространитель тюльпанов не отмерил шефу полиции никакого определенного срока. Кто скажет, сколько ему, Арно Кампу, осталось? Быть может, он доживает последние дни?

Полученный по почте тюльпан торопил Арно Кампа, и он снова и снова нетерпеливо подталкивал гигантский маховик расследования, который и без того вертелся достаточно бойко.

Вызванная к 11 утра Рина Ленц появилась в приемной.

Препровожденная Жюлем в кабинет, она присела на краешек кресла, того самого, в котором не так давно сидел растерянный Гуго Ленц, принесший в полицию пакет, сулящий ему смерть.

Свой персональный тюльпан Арно Камп держал в ящике письменного стола. Акции Кампа с получением цветка смерти упали чрезвычайно низко: даже президент позволил себе на каком-то банкете заметить, чего, мол, требовать от шефа полиции, когда его самого шантажируют.

«Тебе-то, мозгляку, тюльпан не присылают, потому что ты абсолютный нуль», — подумал Арно Камп, когда услужливые языки доложили ему о выходке президента.

Шеф полиции испытал сильнейшее желание натянуть гуттаперчевые перчатки, взять плотный конверт, сунуть

туда цветок — ну хотя бы свой! — и отправить по почте президенту.

— Нужно уточнить некоторые обстоятельства, связанные с последним днем, — сказал Арно Камп, глядя, как Рина пристраивает сумочку на коленях.

— Я все сказала.

— Могут быть детали, которым вы не придали поначалу значения.

— Спрашивайте, — тихо сказала Рина, впервые подняв глаза на Кампа.

— Когда доктор Ленц прилетел вечером домой, вы не заметили в его поведении чего-либо необычного?

— Нет, Гуго вел себя как всегда, — вздохнула Рина. — Шутил, что мы — как мухи под колпаком: за каждым нашим шагом наблюдает охрана, а улететь из-под колпака невозможно. Несколько раз повторил, что выполнил дело жизни, а потому может умереть спокойно... Вообще Гуго шутил в тот вечер. Я уже говорила об этом.

— Мы навели справки. Работа у доктора Ленца в Ядерном центре в последнее время не ладилась, опыты по расщеплению срывались, да еще взрыв 2 апреля... Как же можно говорить, что дело жизни выполнено?

Рина пожала плечами.

— Я же говорила вам, что Гуго в последние дни не делился со мной рабочими тайнами.

К концу допроса, деликатно именуемого Кампом беседой, шеф полиции, приглядевшись, неожиданно спросил:

— Простите, а где ваш великолепный перстень?

— Я его выбросила.

— Превосходный восточный перстень? Куда выбросили?

— В море.

— Уникальную камею?

Рина спрятала руку под сумочку.

— Разве я не имею права распоряжаться принадле-

жащей мне вещью так, как мне будет угодно? — впервые с вызовом произнесла она, откинувшись в кресле.

— Имеете. Но я вправе узнать у вас мотивы столь экстравагантного поступка.

— С перстнем у меня были связаны воспоминания... Тяжелые воспоминания... личного свойства... — сбивчиво заговорила Рина.

— Вы могли бы подарить камеею, скажем, Музею восточной культуры... — сказал Арно Камп. — Ну хорошо. Расскажите еще раз, когда и как вы обнаружили, что ваш муж мертв?

Ровным голосом, будто повторяя заученную роль, Рина произнесла:

— Я проснулась вскоре после полуночи. Не знаю отчего. Словно от толчка. Ложиться спать не хотела, говорила: давай всю ночь бодрствовать. Но Гуго настоял: пусть все будет как обычно. Чтобы не огорчать его, я послушалась, но решила не спать. На сердце было беспокойно. Гуго, как всегда, остался сидеть у раскрытого секретера: «Разберу одну задачку». А я, не знаю как, задремала — так намучилась в последние дни... Очнулась — Гуго на прежнем месте, уснул, голову опустил на недописанный лист бумаги. Позвала — не откликается. А сон Гуго чуток. Вскочила я, подошла к нему... — Рина перевела дыхание. Только по судорожным движениям пальцев видно было, чего стоит ей рассказ. — На губах Гуго застыла усмешка. Он был мертв.

— Почему вы так решили?

— Глаза... глаза Гуго были широко раскрыты. Правая рука лежала на калькуляторе. Но дальше, наверно, не нужно? — перебила себя Рина. — Когда я закричала, в комнату сразу хлынула охрана, и у вас имеются подробные протоколы, фотографии...

— Протоколы и фотографии есть, — согласился Камп. — Но вы уклоняетесь от ответа на вопрос. Меня интересует, повторяю, то, что не попало в протоколы.

Рина еле заметно пожала плечами.

— Ничего не могу добавить. К тому же вы опечатали все бумаги Гуго. Письма забрали.

— Можете идти. Жюль вас проводит, — сказал шеф полиции.

Домой Рина возвращалась опустошенной. В хвост ее орнитоптера пристроился аппарат мышинного цвета, но Рина едва обратила на него внимание. И дома и вокруг, она знала, полно теперь и электронных и прочих ищеек. Что толку? Все равно никто не вернет Гуго.

Комнаты зияли пустотой. Робин куда-то запропастился.

— Робин! — позвала Рина. Улетая по вызову к Арно Кампу, она запретила роботу покидать дом. До сих пор не было случая, чтобы Робин ее послушался.

Не поленившись, Рина обошла все закоулки, заглянула даже в ванную — Робина в доме не было.

Он появился в двери, неуклюжий, приземистый, с четырехугольным регистрационным номером на груди.

— Откуда ты? — спросила Рина тоном, не предвещавшим ничего доброго.

— Тайна.

— Выкладывай-ка свою тайну, да поживее, — сказала Рина.

— Нет.

— Нет? В таком случае я вызову охрану, и тебя вскрыют лазерным лучом, — сказала Рина и сделала шаг к двери.

— Тайна принадлежит не мне.

— А кому же? — остановилась Рина.

— Доктору Ленцу.

— Я его жена.

— Доктор Ленц сказал: никому.

Рина взялась за ручку двери.

— Именем доктора Ленца — не делайте этого! — выпалил Робин.

Женщина вздохнула, опустила руку и медленно отошла от двери.

Незаметно термин «тюльпанник» приобрел среди журналистов права гражданства.

Скверное это ощущение — быть тюльпанником. Вдвойне обидно быть тюльпанником, когда в твоих руках огромный, до тонкостей отработанный аппарат, в который входят и роботы и люди, когда к твоим услугам целый арсенал, битком набитый внушительными штуками — от многоместных манипуляторов для групповых арестов и до бомб — разбрызгивателей слезоточивых газов.

И все эти чудные игрушки бессильны перед маленьким увядшим цветком, присланным ему, шефу полиции Арно Кампу.

Только в собственном кабинете, за бронированными стеклами, под многослойной защитой, Арно Камп чувствовал себя в относительной безопасности.

Немало монологов своего хозяина выслушал арабский скакун, застывший посреди скакового поля — письменного стола, и благородная морда коня успела приобрести скучающее выражение. Так, по крайней мере, казалось Арно Кампу.

Сегодняшнее утро не явилось исключением. Вертя статуэтку в руках, Арно Камп снова жаловался скакуну, что «тюльпанное» расследование зашло в тупик.

Через несколько минут прибудет Ора Дерви. Арно Камп виделся с ней ежедневно, обсуждая результаты расследования.

Список тюльпанников — людей, получивших послание с цветком смерти, — перевалил уже за сотню. Причем это были все люди сильные, имеющие вес в сфере своей деятельности: крупные военные, финансисты, крупные дельцы, литераторы, ученые... Особенно много было ученых.

Получение тюльпана стало предметом своеобразной гордости, как бы признанием заслуг со стороны неведомого врага государства.

Возникла даже идея организовать «Клуб тюльпанников», но президент наложил на эту идею вето. Злые языки связывали запрещение с тем, что сам президент тюльпана до сих пор не получил.

Камп поставил скакуна на место и вздохнул.

В кабинет вошла Ора Дерви.

Хотя Арно Камп видел ее теперь достаточно часто, красота Оры каждый раз по-новому поражала его.

Камп пожевал губами и неожиданно спросил:

— А вы не допускаете мысли о самоубийстве?

— Я думала об этом, — сразу ответила Ора Дерви. — Однако самоубийство, по сути, то же убийство. Оно оставило бы какие-нибудь следы. Вам-то это известно лучше, чем мне. Между тем экспертиза таких следов не обнаружила.

— Результаты экспертизы я знаю.

Ора задумалась. Вынула сигарету — Камп услужливо щелкнул зажигалкой.

— Требования анонима недвусмысленны. Джон Вальнертон должен прекратить выпуск оружия смерти, Гуго Ленц — закрыть исследования кварков и «зашвырнуть ключи» от тайн природы, Ив Соич — законсервировать глубинную проходку в Акватауне и так далее. Я не знаю многих писем, но они, наверно, в таком же роде?

— Примерно.

— И все это для того, утверждает автор, чтобы не дать капиталовладельцам дальше наживаться, — заметила Ора Дерви.

— И у этой затеи, вы считаете, есть шансы на успех? — спросил Камп.

— Во всяком случае, попытка с тюльпаном выглядит ужасно наивной. В чем-то напоминает детскую игру.

— Детскую игру! — взорвался Арно Камп. — Что же, и Гуго Ленца убили играючи?

— Факт убийства доктора Ленца с целью террора не доказан, — возразила Ора Дерви. — Наоборот, я как медик убеждена, что он умер своей смертью.

— Точно в назначенный срок! Да это же м... мистика, черт возьми!

— Не знаю.

— Вам, между прочим, тоже грозят смертью. Вас это не смущает?

— Я фаталистка. И потом, я верю в ваших агентов и в агентов ЦРУ, — улыбнулась Ора.

— Я жду в... вас завтра. С членами комиссии. Нужно выработать единую точку з... зрения, — сказал Арно Камп, прощаясь.

После ухода Оры Дерви он долго ходил по кабинету, стараясь успокоиться. Плюнуть, что ли, на все дела и лечь в клинику святого Варфоломея? Ора Дерви давно предлагала. Пора избавиться от нервного заикания...

Размышления Арно Кампа прервало появление Джона Варвара; он теперь ведал наблюдением за коттеджем покойного доктора Ленца.

— Есть новости? — спросил Камп.

— Вот пленка, шеф.

— Целая бобина? — удивился Камп. — Она что же, сама с собой разговаривает, эта Рина Ленц?

Воспроизводитель захрипел, из него послышались голоса — Рины и неизвестный мужской.

«Где ты был?» — строго спросила Рина.

«В городе», — пророкотал мужчина.

«Зачем?»

«Тайна».

— Это еще что за идиот? — быстро спросил Камп.

— Робин. Робот, — пояснил Варвар.

Услышав, что тайна Робина принадлежит не кому иному, как доктору Ленцу, Камп изменился в лице. Варвар окаменел.

— Сколько ты летел сюда? — спросил Камп, когда отзвучала последняя реплика Робина: «Именем доктора Ленца — не делайте этого!», обращенная к Рине, и воспроизводитель автоматически выключился.

— Десять минут.

— Бери оперативный отряд — и в коттедж Ленца. Доставь сюда этого Робина. Бегом! Только не повреди его, — крикнул Камп вдогонку.

Настроение шефа полиции несколько поднялось. Кажется, нащупывается наконец ниточка. Так и должно быть. Любое действие оставляет след. Птица — в воздухе, лодка — на воде, и (что там еще?) змея — на камне.

Оставшись один, шеф полиции посмотрел на часы. Ровно в полдень, по мудрым законам Востока, у него было «пять минут расслабления». Однако заняться гимнастикой по системе йогов ему не пришлось.

На пульте пискнул зуммер радиосвязи.

— Д... докладывает Джон Варвар, — прохрипело в наушниках.

С каких пор Варвар заикается?

— П-п-приказ не выполнен. Робин исчез, — доложил Джон Варвар.

— Куда исчез?

— Выяснить пока не удалось.

— Все обыскать!

— Уже обыскали, шеф.

— Допросить Рину Ленц.

— Допросили. Она ничего не знает. Говорит, Робин перестал ей подчиняться. Разладился, и потому по закону она за него не отвечает.

— Перекрыть все дороги! Оцепить район! — не сдержавшись, закричал Арно Камп, понимая, что все эти меры едва ли принесут нужный эффект. Разладившийся робот — сущее бедствие, поймать его практически невозможно. Достаточно человекоподобной фигуре сорвать порядковый номер — и она затеряется в многомиллионном городе, как капля в море.

Камп швырнул наушники. Итак, Робин исчез, унеся с собой какую-то тайну, связанную с Гуго Ленцем.

— Подобьем баланс, — обратился Арно Камп к скакуну.

Гуго Ленц умер точно в назначенный срок, хотя смерть его, как утверждает Ора Дерви, была естественной.

Робин, который мог пролить какой-то свет на тайну Гуго Ленца, пропал бесследно.

Слежка за всеми лицами, подозреваемыми в причастности к «тюльпанной» эпопее, продолжает вестись, но до сих пор не принесла никаких результатов, хотя влетает в копеечку.

Поведение Иманта Ардониса безупречно.

Так же, как и поведение Рины Ленц.

— Ох уж эти мне добродетельные вдовушки! — вслух произнес Арно Камп.

Железный Ив, как называли его геологи, предпочитал вопросы, связанные с проходкой, решать единолично, собственной властью. Это требовало крайнего напряжения сил и нервов.

Соич знал, что среди акватаунцев есть несколько человек из ведомства Арно Кампа, которые негласно охраняют его от возможных покушений неведомого террориста — автора письма-угрозы. Но сама угроза и боязнь покушения как-то потускнели, отошли на второй план перед лицом каждодневных проблем, больших и малых, всплывающих ежечасно и ежеминутно.

С погружением в глубь Земли давление и температура возрастали и все труднее становилось обуздывать грозный напор расплавленной магмы, омывающей ствол шахты.

Чем глубже погружались проходчики, тем больше удлинялись коммуникации, что также вносило дополнительные трудности.

Любые контакты с побережьем Соич запретил, и акватаунцы роптали: они привыкли к свежей рыбе, покупаемой у рыбаков прибрежного поселка. Правда, кое-какая рыба водилась и на дне впадины, но это были в

основном глубоководные скаты, на вкус жесткие и отдающие ворванью.

Приходилось довольствоваться пищей, доставляемой в Акватаун сверху в контейнерах.

Три тысячи акватаунцев трудились денно и нощно, сцементированные волей Железного Ива. Связываться по радио сквозь толщу воды с внешним миром было невозможно. Письма туда и обратно доставлялись все в тех же контейнерах.

По-прежнему масса бедняков предлагала Соичу свои услуги, прельщенная не столько романтикой глубинной проходки, сколько системой оплаты, предусматривающей премию за каждый новый шаг в глубь Земли.

С последней почтой Ив Соич получил, как обычно, несколько десятков писем. Пренебрежительно отодвинув их в сторону, он вскрыл пакет от Арно Кампа. Шеф полиции настоятельно требовал, чтобы Ив Соич покинул Акватаун и поднялся на поверхность.

«Подходит критический срок, — писал Арно Камп. — Если забыли, то могу напомнить, что скоро будет полтора года, как на ваше имя пришло письмо с тюльпаном».

— «Забыли»... Шутник этот Камп, — пробормотал Соич, покачив головой.

«Вы должны переждать критическое время под надежной охраной. Мы поместим вас в башню из слоновой кости, а точнее — из бронированного стекла. Знаю, как вы преданы работе и как нелегко вам сейчас покинуть Акватаун. Но проходка ствола рассчитана на два года, так что, побыв на поверхности недели две, вы сможете вернуться к своим обязанностям...»

Оторвавшись от письма, Ив Соич живо представил себе, как Арно Камп в этом месте погладил своего бронзового любимца и произнес что-то вроде:

«Главное — чтобы ты пережил срок, названный в письме. А дальше мне до тебя дела нет, голубчик! Я на этом разбогатею и...»

«Главное — пережить срок, указанный в письме, —

улыбнувшись своей догадливости, прочел Ив Соич. — Нельзя допустить, чтобы из-за нашей или вашей небрежности осуществилась угроза. Представьте, какое это вызовет смятение в умах?».

Соич опустил письмо на пульт, задумался. Требование Кампа выглядит разумным. Но он не сможет выполнить его. Кампу неизвестно — Соич держит это пока в секрете, — что скорость проходки увеличена против проектной.

Благодаря его нажиму нужная глубина будет достигнута не через два года, а на шесть месяцев раньше, то есть на днях. Может ли он, хозяин и вдохновитель акватаунской эпопеи, покинуть объект в такое напряженное время? Еще несколько сот метров — и все акватаунцы поднимутся на поверхность, — триумфаторы, покорившие подземную стихию. Тогда и Ив Соич вместе со всеми поднимется к славе и богатству, к независимости. Ждать осталось недолго.

Пульт, на который облокотился Соич, жил обычной своей беспокойной жизнью, каждую минуту требуя к себе внимания.

Соич присовокупил письмо Арно Кампа к груде остальных и погрузился в тревожную жизнь волнующихся кривых, вспыхивающих экранов и торопливо бормочущих мембран.

Каждый вопрос требовал ответа, каждая задача — немедленного решения. Застопорится одно — на него налетит другое, третье и еще и еще — попробуй тогда развязать узел.

— Температура внизу ствола продолжает повышаться, — сообщила мембрана.

Соич распорядился увеличить подачу жидкого гелня.

В течение получаса температура не изменялась, затем снова поползла вверх. Соич не очень встревожился: такие вещи случались и раньше. Нужно только увеличить мощность криогенной установки. Однако он тут же убедился, что мощность установки уже на пределе.

Шахтный ствол продолжал нагреваться.

— Невыносимо! — прохрипела мембрана. Соич узнал голос старшего оператора.

— Держитесь, осталось немного. Охлаждение работает на полную мощность, — ответил Ив Соич.

— Дышать невозможно.

— Включите вентиляторы.

— Они гонят раскаленный воздух. Мы остановим проходку.

— Трусые! Я еду к вам, — закричал Ив Соич и бросился к манипулятору, чтобы спуститься вниз. Но прежде он хлопнул ладонью по зеленой кнопке, расположенной в центре пульта, тем самым заклинив подъемный транспортер. Отныне ни одна душа не могла покинуть ствол шахты.

Манипулятор смерчем пронесся по пустынной улице Акватауна — те, кто был свободен от смены, отсыпались после адского труда. Позади вздымался ил, голубоватый в прожекторном луче.

Вдали показались конструкции, подсвеченные снизу. Не сбавляя скорости, Соич влетел в шлюзовую камеру.

...По мере того как транспортер двигался вниз, температура в стволе шахты возрастала. Липкий пот заливал глаза.

Соича ждали. Большая площадка в основании шахты была полна народу, гудела как улей. Скучное освещение к краям площадки сходило на нет.

Спрыгивая с ленты транспортера, Соич вспомнил картины дантова ада.

Увидя Соича, проходчики притихли. Физики, геологи, электронщики, термоядерщики ждали, что скажет Железный Ив.

Соич вышел на середину, подошел к агрегату, щупальца которого сквозь толстые плиты защиты тянулись вниз, в глубину. Отсюда производились направленные взрывы, после чего автоматы наращивали новый участок ствола.

Перед агрегатом, производящим взрывы, в угрожающей позе стоял оператор.

— Почему не работает подъемник? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Я выключил, — спокойно ответил Соич. Горячий воздух обжигал легкие, он казался плотным, почти осязаемым. Соич поднял руку — ропот утих. В наступившей тишине слышалось лишь, как захлебывается в трубах, пронизывающих стенки шахтного ствола, жидкий геллий — ледяная сверхтекучая жидкость, близкая к абсолютному нулю.

— Через три, от силы четыре дня мы достигнем проектной глубины, — сказал Ив Соич, — и тогда ваша миссия закончена. Я вам хорошо заплачу...

— Включите подъемник! — перебил чей-то голос.

— Я удваиваю премию! — сказал Соич. Фраза прозвучала гулко — воздух был насыщен испарениями и сильно резонировал.

— Шура дороже, — отрезал оператор.

— По местам! — закричал Соич. — Готовить взрыв!

Он шагнул к агрегату, но на пути вырос оператор. Горячая волна захлестнула Соича. Теперь, когда до цели осталось полшага, когда осталось произвести один взрыв, один-единственный... Неужели дело всей его жизни пойдет насмарку? И из-за чего? Из-за нелепой заминки перед самым финишем, из-за трусости оператора.

Уже не отдавая отчета в своих действиях, Соич размахнулся — оператор схватил его за руку и сильно дернул. Соич выхватил из кармана лучемет и направил его в бледное, отшатнувшееся лицо. Затем перешагнул через тело оператора и подошел к масляно поблескивающей установке.

Люди послушно разошлись по местам.

Несколько умелых команд Соича — и агрегат ожил. Там, внизу, под толстыми плитами защиты, споро и привычно готовился направленный ядерный взрыв — последний взрыв.

Стенки шахты вибрировали. Кажется, физически ощущалось огромное давление, которое выдерживали кессоны.

Неожиданно пол шахты дрогнул, затрясся. Слишком рано — до взрыва еще добрый десяток минут. Ствол шахты ярко засветился, будто вобрав в себя пыл разво- роченных земных недр.

Дохнуло нестерпимым жаром. На площадке стало светло как днем. Из десятков грудей вырвался крик.

— Вот он, тюльпан! — покрыл вопли чей-то возглас. Этот возглас — последнее, что зафиксировало сознание Ива Соича.

Гибель Акватауна и прибрежного поселка взбудоражила Оливию. Оппозиция докопалась, что задолго до трагических событий в редакцию самой влиятельной газеты пришло письмо, правда, без подписи, в котором автор квалифицированно доказывал неустойчивость глубинной шахты, заложенной в Акватауне, на дне впадины.

Какая же сила заставила редактора спрятать письмо под сукно? Почему письму не был дан ход? Почему работы в Акватауне не только не были свернуты, но, наоборот, ускорены?

Оппозиция добилась расследования, результаты которого, однако, не были преданы гласности, что породило массу слухов и толков.

Однако бурные события последних месяцев проходили стороной, почти не затрагивая Рину.

Вдова Гуго Ленца давно рассталась с коттеджем — он оказался ей не по карману. Рина снимала крохотный номер во второразрядном отеле. Она подумывала о том, чтобы вернуться к прежней специальности, но найти работу медика было непросто. Можно было обратиться к Оре Дерви — Рина была уверена, что Ора ей не

откажет. Однако Рина приберегала визит в клинику святого Варфоломея на самый крайний случай.

Из газет она покупала только «Шахматный вестник».

Из прежних знакомых виделась только с Имантом Ардонисом, и то изредка, раз и навсегда пресекши попытки к сближению. Их связывала, кажется, только память о Гуго.

Они говорили о Ленце как о живом, вспоминали его привычки, любимые словечки, шутки. Ардонис рассказывал Рине, как продвигается работа по расщеплению кварков.

Однажды, едва Имант ушел, в дверь Рины осторожно постучали. Нет, это не был стук, — кто-то осторожно скребся в дверь. «Кошка», — решила Рина и толкнула дверную ручку.

Перед ней стояла знакомая приземистая фигура.

— Робин, — прошептала Рина.

Да, это был Робин — без нагрудного знака, помятый и какой-то увядший.

— Проходи, — сказала Рина и заперла дверь. Сердце ее забилося.

Робин еле двигался, словно в замедленной съемке.

«Энергия кончается», — догадалась Рина.

— Мне осталось существовать тридцать минут, — подтвердил Роб ее догадку.

Рина знала, что с этим ничего не поделаешь.

Существуют шариковые ручки, которые выбрасывают, когда паста кончается: ручки сконструированы так, что зарядить их снова невозможно.

Собратьев Робина выпускали по тому же принципу. Делалось это для того, чтобы робот в своем развитии не превзошел определенного уровня.

Стоя перед ней, Роб как бы застыл. Теперь он чем-то напоминал Рине Будду, статую которого они видели когда-то с Гуго в музее.

— Робин, кто убил доктора Ленца? — негромко спросила Рина.

— Я знал, что ты это спросишь. Потому я здесь, хотя добраться сюда было трудно, — сказал Робин. Покачивнувшись, он произнес: — Доктора Ленца никто не убивал.

— Никто? — переспросила Рина.

— Никто. Он сам убил себя.

— Не понимаю...

— Вот, — сказал Робин, протягивая Рине истрепанную записную книжку. — Она принадлежала доктору Ленцу. Просмотри. Потом я отвечу на твои вопросы. Только поспеши. У меня остается 20 минут.

Рина принялась лихорадочно листать страницы, исписанные знакомым почерком Гуго. Формулы... Идеи опытов... Отрывочные фразы...

«...Удивительный способ обуздания кварков. Проверю сегодня же. Если моя догадка правильна, на расщепление кварков потребуется энергия вдесятеро меньше, чем до сих пор думали все, в том числе и мой дорогой Имант.

Попробую ночью, не хочу откладывать. Стоит, право, не поспать ночь, чтобы увидеть, какую рожу скорчит утром Ардонис, моя правая рука, когда узнает результат».

Дальше следовало несколько строчек формул.

«Опыт крайне прост, никого не хочу пока посвящать в него. Тем более что годится прежняя аппаратура. Рина спит... Решено, лечу...»

Рина припомнила далекую апрельскую ночь, когда, проснувшись, она не застала Гуго и ждала его, волнуясь, до рассвета, обуреваемая тревожными мыслями. А потом, угадав приближение его орнитоптера, возвратилась в спальню, легла и притворилась спящей...

Так вот куда летал он! Неисправимый искатель, не-терпеливый, импульсивный Гуго.

«...До сих пор не могу опомниться. Чего же я не учел в расчетах? Нельзя было полагаться только на свои силы. Установка взорвалась. Защита на месте. Прове-

рил. Дозиметр молчит. Но это ничего не значит. Ведь покушение на кварки совершено впервые в истории физики. Могло же при этом возникнуть новое излучение, не улавливаемое нашими приборами? Мысль эта неотступно меня гложет.

Сильное сердцебиение.

Быстро свыкся с мыслью, что я смертельно облучен.

Но сейчас речь не обо мне. Надо предупредить всех об опасности, которая угрожает Оливии, если физики не прекратят штурм твердыни материи; если капитал, узнав о возможности создать новое оружие массового поражения, возьмет его в свои руки, то возникнет большая беда.

Выступить перед студентами? Вступить в партию рабочих? Но уже поздно. Сделать заявление для печати? Сказать: не расщепляйте кварки, это губительно для людей? Увы, печать подцензурна магнату, связанному с военно-промышленным комплексом... Так из меня получится террорист-одиночка...

Монах Шварц погиб при изобретении пороха. Что же, разве это помешало человечеству производить порох и применять его?

Правда, тут речь идет о вещи, по сравнению с которой порох — невинная хлопушка. Смертельное излучение, которое пронизывает любую защиту и не улавливается приборами.

Ученый — ребенок. Шаловливый и глупый. Как можно воздействовать на ребенка? Сказать: «Этого делать нельзя»? Не подействует. Скорее наоборот: запретный плод сладок.

Один выход остается — припугнуть. Да так, чтобы отпала всякая охота рубить сук, на котором сидишь. Вот к какой мысли я пришел.

Все время думаю, как это сделать. Голова раскаливается. У меня возник поистине удивительный план, но для его осуществления нужна помощь Люсинды».

Рина, как все медики, имела много дел с разными

видами облучения. Теперь, торопливо роясь в памяти, вспоминая Гуго последних месяцев его жизни, она все больше уверялась, что он не был поражен лучевой болезнью, пусть даже неизвестного типа.

Может ли быть излучение, не регистрируемое приборами?

Что же случилось с Гуго?

Неужели самовнушение?..

Глянув на Робина, Рина спохватилась: надо спешить.

На следующих страницах почерк Гуго разительно изменился. Буквы стали неуверенными, ломкими.

«Видно, таких задач Люсинде решать еще не приходилось. Машина строптивится, требует все новых и новых данных.

Странно, почему до сих пор никому не приходило в голову поставить перед электронным мозгом такую задачу: имеется определенный человек; известны все его физические, клинические и прочие параметры — от возраста, пульса и кровяного давления до энцефалограмм и анализа крови. Требуется вычислить время его жизни.

Так и сделаю. Сообщу Люсинде, что, несмотря на облучение, мой образ жизни не изменится».

«Навязчивая идея? Так вот почему бедный Гуго так упорно отказывался лечь в клинику святого Варфоломея», — подумала Рина.

«Что касается всех моих медицинских данных, то я привел их Люсинде по памяти».

«По памяти!» — поразила Рина. Гуго ненавидел медицинские обследования, проводившиеся в Ядерном центре, и едва ли помнил результаты анализов, несмотря на изумительную память: он попросту никогда не удостоивал внимания эти, по его словам, никчемные бумажки.

«Итак, допустим, мой пример устрасит физиков; они увидят, что незримая рука точно в названный заранее срок покарает меня — того, кто посмел ослушаться при-

каза и продолжать исследования кварков. (Правда, работу по кваркам и я буду продолжать только для вида, а на самом деле постараюсь так напутать, чтобы Имант и сотрудники не смогли после моей смерти разобраться.) Допустим, повторяю, таинственная карающая рука, казнившая меня в назначенный день, испугает физиков, и они откажутся от штурма кварков.

Но останутся геофизики, которые грозят направленными ядерными взрывами вызвать землетрясение на территории всей Оливии. Останутся медики, которые все более широким фронтом проводят киборгизацию, превращая простых людей в роботов. Останутся фабриканты смертоносного оружия, которые захотят нажиться на торговле.

Мой план таков: разослать угрожающие письма всем, кто ответствен за судьбу Оливии. И себе в первую очередь. В письме первом, адресованном физикау Гуго Ленцу, укажу срок, названный Люсиндой, — три месяца. Постараюсь, чтобы мое письмо получило огласку, тогда требование, выдвинутое в нем, станет известным прогрессивным силам Оливии — рабочим, интеллигенции.

Меня, разумеется, будут охранять все полицейские силы Оливии. Тем не менее я умру в точно назначенный срок, и это потрясет всех. Никто не поймет, в чем причина смерти.

Со мной ясно. Кто же следующий? Попытаюсь за несколько дней собрать о нем хоть какие-то данные, необходимые для Люсинды.

Итак, кто же следующий? Один из злейших врагов Оливии — миллионер Ив Соич, чьей волей возник Акватаун. Имант рассказывал, что Соич самолично обнаружил на дне моря узкую глубоководную впадину, на дне которой и был воздвигнут подводный город.

Увы, карточку Соича мне раздобыть не удалось. Пришлось пойти по другому пути — посчитать время существования Акватауна. Соича не оторвать от его детища, он почти не покидает Акватауна. Погибнет подводный

город — Сонч разорится. Это для него гибель... Я достал об Акватауне все данные, какие только сумел, и Люсинда распорядилась ими наилучшим образом. Проходка шахты должна быть завершена через два года. Однако Люсинда, учтя принятые темпы проходки, производительность машин и даже такой фактор, как азарт наживы Сонча, о котором я ей тоже рассказал, выдала более точный срок завершения проходки — полтора года. Сооружение, по мнению Люсинды, непрочное, несмотря на кажущуюся безопасность. Наибольшая опасность возникнет, когда проходка будет близка к завершению. Жаль мне Акватаун. Нельзя только допустить гибели рабочих... Поручу этим заняться Ардонису...»

Рина читала дальше.

«Тяжко мне, тяжело... В глазах красные пятна, словно огненные тюльпаны. Тюльпан? Тюльпан! Идея: к каждому письму приложить по цветку. Просто так. Бессмысленно? Тем вернее подействует угроза. Где я видел его? Тюльпан. Много цветов. Целый холм! Ах, ну конечно же, на клумбе перед главным корпусом.

...Сегодня вечером, когда сотрудники разошлись, не поленился и нарвал охапку чудесных тюльпанов. Иммант будто чувствует что-то. Его вопросы выводят меня из себя. Еле дождался, пока он уйдет. Последними ушли Барк с Шеллой.

Все, что могла, Люсинда просчитала. Два дня ушло у меня на составление списка тех, кому необходимо послать тюльпаны. Чем больше писем, тем лучше. Целая пачка тюльпанов пойдет в Акватаун.

Отправлять все письма залпом не годится. Надо делать это постепенно, чтобы общий страх нарастал во времени. Когда умру, посылать письма будет Робин: я его соответственно запрограммирую. Никому не придет в голову проверять робота...»

Рина медленно опустила записную книжку.

Робин не шевелился.

— Ты все письма разослал? — спросила Рина.

- Нет.
- Почему?
- Энергия кончилась.
- Где остальные письма?

Вместо ответа Робин медленно распахнул на груди дверцу, на пол упала толстая пачка писем. Рина наугад подняла одно. «Рине Ленц», — тихо повторила она адрес, четко отпечатанный на конверте. Потом надорвала пакет. Оттуда выпал засохший цветок.

Прочсть письмо, адресованное ей Гуго, Рина не успела — Робин с грохотом упал на пол. Это был конец.

Рина опустилась на стул, закрыла глаза. Ей живо представилось, как больной Гуго возится с Люсиндой, весь в плену захватившей его идеи.

ПОГОНЯ

Повесть

Арбен стоял у садовой скамьи и наблюдал за шахматной партией, но мысли его витали далеко.

Из головы не выходил последний разговор с Ньюмором. Тот рассказывал, что в основу его изобретения, а оно может исцелить Арбена, положены элементарные частицы и античастицы, мельчайшие кирпичики, из которых построена наша Вселенная. Впоследствии изобретение Ньюмора должно спасти многих от всех недугов...

Сами по себе эти мельчайшие частички материи, как понял Арбен, величайший феномен природы. Ведь каждая такая частица, по словам Ньюмора, может обладать в принципе колоссальной энергией. С другой же стороны, энергия весома согласно известному уравнению Альберта Эйнштейна. И массу эту нетрудно вычислить, она равна энергии, деленной на квадрат скорости света. Больше энергия частицы — следовательно, больше ее масса, это понятно каждому.

«Ну а если энергия частицы достаточно велика? — рассуждал взволнованный Арбен. — Такая частица может быть «заряжена» огромной массой, равной массе земного шара, а то и десяти, сотни, тысячи планет!»

Когда такая, летящая с бешеной скоростью частица по какой-то причине прекратит свой бег, энергия ее перейдет в массу — родится новый мир. Может быть, планета, или целая планетная система, или звезда, или даже галактика. И родоначальницей галактики, можно сказать, ее праматерью будет мельчайшая частичка, которую не увидишь даже в электронный микроскоп!

Быть может, Ньюмор высмеял бы эти рассуждения и выводы. Арбен был не в ладах с физикой, но грандиозные картины рождения новых миров из микрочастиц поразили и пленили его легко воспламеняющееся воображение. Выходит, думал Арбен, исчезнув в результате

космической катастрофы, наш мир может возродиться в другом уголке Вселенной? Выходит, смерти нет?!

Арбен почувствовал привычное волнение, предшествующее импровизации. Он смотрел на шахматную доску, на захватанные пластмассовые фигурки, ведущие между собой, как и люди, извечную борьбу, и в голове рождались строки, навеянные разговором с Ньюмором:

Мир жил привычной жизнью, но однажды
С другим столкнулся
И мгновенным солнцем
Отметил место гибели своей.
Частицы фантастических энергий,
Нырнувшие в бесстрастное пространство, —
Вот что от мира гордого осталось.
Но он не умер!
Канули века,
Всплыла навстречу новая туманность,
Бессонный бег замедлили осколки —
И превратились в новые миры.
Так исчезает мир, чтоб вновь родиться,
Родиться — из космической частицы.

Закончив мысленно последнюю строчку, Арбен глубоко вздохнул, словно пробуждаясь от сна, пригладил ладонью растрепанные волосы.

А вот и Линда!

Девушка еще издали помахала ему рукой, и Арбен, выбравшись из толпы болельщиков, пошел ей навстречу.

— Что у тебя с рукой? Почему повязка? — спросила Линда, когда они двинулись в боковую аллею, где находилась «их беседка», раз и навсегда облюбованная молодыми людьми.

— Поранился, — нехотя ответил Арбен и отвел взгляд в сторону.

— Сильно? — встревожилась Линда.

— Пустяки.

— В Уэстерне?

— Да.

Ажурная беседка оказалась свободной, и они выбра-

ли солнечную сторону, ловя последние лучи уходящего лета.

Линда с тревогой посмотрела на его осунувшееся, скорбное лицо.

— У тебя неприятности?

— Неприятности — мое обычное состояние, — ответил Арбен со слабой улыбкой.

Линда поправила на коленях сумочку.

— Ты не потеряла записную книжку?

— С чего ты взял?

— Просто так, пришло в голову... Не хотелось бы, чтобы ее читали чужие.

Они помолчали, глядя на ребяташек, которые водили хороводы вокруг одиноко стоящего клена.

— Послушай, Линда, что бы ты сказала, если я... исчез? — проговорил Арбен.

— Исчез? — не поняла Линда.

— Да.

— Ты уезжаешь?

Арбен покачал головой.

— Не то, цыганочка. Вообще-то я и рад бы, но от себя ведь не уедешь. Нет, я о другом. Что, если бы я совсем исчез? Ну, как говорится, растворился в небытии?

— Брось говорить загадками, Арби, — попросила не на шутку встревоженная Линда.

— Я говорю по существу.

— Как ты смеешь! — выпалила Линда и схватила Арбена за руку. — Я понимаю, тебе сейчас плохо. Но все равно это великий грех...

— Я не собираюсь впадать в грех..

— Я тебя поняла, Арби. Ты решил покончить с собой. Разве ты не знаешь, что жизнь дарована нам...

— Успокойся, — перебил Арбен. — Я вовсе немышляю о самоубийстве.

— Ну, тогда выкладывай, что ты задумал, — приказала Линда.

Арбен замаялся.

— Ну?

— Видишь ли, ансамбль микрочастиц, которые расположены в определенном порядке...

Линду осенило:

— Тебе предлагают опасную работу?

— Вроде того.

— И нельзя отказаться?

— Можно.

— Тогда откажись, Арби. — Линда пристально глядела на него.

Мимо беседки проехал на автокаре мороженщик. Арбен проводил машину взглядом.

— То, о чем идет речь, очень важно для меня, — произнес он, когда пестрый, сплошь оклеенный рекламными листами автокар скрылся за поворотом. — Жажда познания превыше всего!

— Говори яснее, Арби.

— Поверь, цыганочка, я не могу все сейчас сказать тебе, но если дело выгорит, будет отлично.

— В твоём нынешнем состоянии ты не можешь браться за опасное дело.

— Именно в моём состоянии это необходимо.

— И ты можешь в результате, как это ты говоришь... исчезнуть?

— Это в худшем случае.

— А в лучшем?

— В лучшем — я открою новый мир... Я хочу подготовить себя к героическому полету...

— Так и говори! Ох, и путаник же ты, Арби! Исчезну, исчезну!.. Ты задумал сделать себе пластическую операцию? Угадала? Признавайся!

— Пластическая операция, — медленно повторил Арбен, отвечая каким-то своим мыслям. — Пожалуй, верно. Только не лица, а души.

— Ты говоришь загадками, как Ньюмор.

— При чем здесь Ньюмор? — вдруг закричал Арбен, да так, что девушка вздрогнула.

— Тихо, Арби, милый, — испуганно произнесла Линда. — Я не думала тебя обидеть.

Он успокоился так же неожиданно, как вспылil. Он сидел вялый, поникший, безвольный. «Словно обреченный», — подумала Линда.

— Сыграем? — предложила она, чтобы отвлечь Арбена от неприятных мыслей.

— Давай, цыганочка, — оживился Арбен. — Я сегодня в форме. Придумывай тему.

Игра состояла в том, что Линда задавала тему, а Арбен тут же импровизировал.

Девушка задумалась.

— Осень, — сказала она. — Мне сейчас привиделось: осень — это я. Бреду по дорогам, из рощи в рощу, из города в город, смотрю в небо, затянутое тучами, осыпаю с деревьев пожелтевшие листья, стучусь в дома и говорю: люди, готовьтесь к зиме, холоду, снегу. Зима будет суровой... Не все переживут ее. Я бреду босая, ноги мои изранены, и мне зябко... — повела Линда плечами. — Бреду — и нет конца моему пути...

— Хорошо! — жестом остановил ее Арбен и потер лоб, сосредоточиваясь.

Знакомое сладкое и тревожное чувство, испытанное полчаса назад, снова охватило его, и он медленно начал:

Босоногая осень брела по болотам,
Оставляла слезинки на травах колючих
И стояла подолгу, следя за полетом
Улетающих птиц и скучающих тучек.
Зябко кутала белые плечи в туманы,
Понапрасну стучалась в холодные зданья
И смотрела на горы, леса и поляны,
Опаленные кротким огнем увяданья.
А ночами украдкой она уходила
От тропинок подальше, в тягучую роздымь,
И, вздыхая от жажды, до света ловила
Запрокинутым ртом водянистые звезды.

— Молодец, Арбен. — Линда поцеловала его.

— Придумай еще тему.

— Не надо, — встревожилась Линда.

— Я прошу тебя, Рыжик, — наставлял Арбен. — Я чувствую такой прилив сил, что готов мир перевернуть, как Архимед. Только дай мне точку опоры. Ну?..

— Ты губишь себя.

— Линда!

— Ладно, — сдалась девушка. — Только сочини немного, строчки четыре, не больше.

— Я жду.

— Помнишь, как ты в прошлый раз провожал меня домой? Мы стояли подле парадного, над крышей висела луна, а потом на луну набежала небольшая тучка и закрыла ее середину, и ты сказал, что...

— Луна напоминает баранку.

— А потом на карнизе дома появилась кошка, — продолжала девушка. — Пушистая-пушистая. Она шла медленно и обнюхивала карниз. А потом остановилась и посмотрела на нас. Помнишь, что ты сказал?

— Что кошка — это не кошка, а житель чужой планеты, который впервые увидел землян.

— На всю эту картину тебе дается четыре строки.

— Рифмы должны быть?

— Желательно.

Арбен сцепил пальцы рук, задумался и прочитал чуть нараспев, подражая пастору методистской церкви:

Дремлет лунная баранка,
И, с презрением глядя вниз,
Кошка-инопланетянка
Дегустирует карниз.

— Браво, Арби, — не удержавшись, Линда несколько раз хлопнула в ладоши. — Ты сегодня превзошел себя.

«А Линда права, — подумал Арбен, чувствуя, как возбуждение сменяется глубокой апатией. — Мне сегодня предстоит бессонная ночь, полная кошмаров. Ну и ладно! Может, я импровизировал сегодня в последний

раз? Вдруг этот дар небес исчезнет, когда Ньюмор начнет осуществлять свой проект?..»

Мимо беседки прошел пожилой оборванец с остановившимся взглядом и подозрительной картонной коробкой в руках.

— Похож на того старика, правда? — произнесла Линда, разорвав тягостную паузу, когда они оба проводили взглядом оборванца.

— Какого старика?

— Ну, того... Который в картинной галерее... — сбивчиво пояснила Линда.

— Еще бы не помнить, — оживился Арбен, мрачно усмехнувшись. — Мечтатель!..

Прошлой весной они с Линдой решили осуществить давнишнее желание, сходить в национальную картинную галерею. Долго ходили по тихим залам, скучали. Посетителей было немного, да и те какие-то сонные, вялые. Словно вываренные, определила Линда. А потом набрали на комнату, где были выставлены полотна знаменитого старинного художника, лишь недавно попавшие сюда по завещанию из какой-то частной коллекции. Внимание их привлекла картина в скудно освещенном углу. Пыльная, тяжелая рама, смутное полотно. Старик куда-то спешит...

Они сидели в беседке до самой темноты. Арбен все оттягивал минуту расставания, словно видел девушку в последний раз.

Вдоль аллеи зажглись фонари, похожие на желтые одуванчики, гуляющих становилось все меньше: каждому в городе было известно, что в позднее время в парке прогуливаться небезопасно.

— Пойдем, — сказала Линда.

— Погоди немного, — удержал ее за руку Арбен.

— А если бандиты?

— Через несколько дней, возможно, я буду сильнее всех в этом городе, — произнес Арбен не то в шутку, не то всерьез. — Тогда я любых бандитов смогу рас-

швырять, как когят. Что ты скажешь на это, цыганочка?

— Туман, мистика... То ты исчезнешь, то изменишься, то станешь сильнее всех. Как это все понимать?

— Не могу я сейчас сказать тебе всего, цыганочка, — помрачнел Арбен.

Линда сгорала от любопытства, но чувствовала, что расспрашивать Арбена не следует. Если б хотел и мог — сам рассказал бы.

Из полутемной глубины аллеи показалась маленькая фигурка. Это был мальчуган. Можно было подумать, что мальчик заблудился, не держись он уверенно и спокойно. Видимо, просто возвращался с прогулки домой, оставленный без присмотра беспечными родителями.

Под фонарем близ беседки мальчик остановился и принялся надувать воздушный шарик. Легкая оболочка быстро наполнилась воздухом, вскоре на ней во всю рожицу улыбался оранжевый паяц с огромными ушами.

Закончив свой труд, мальчуган несколько раз подбросил шарик вверх, словно волейбольный мяч. Шар опускался медленно, как бы нехотя.

«Так, наверно, играют в мяч на космическом корабле, в условиях невесомости», — подумала Линда. В космосе она еще ни разу не бывала: летать в Пространство простой продавщице не по карману, даже если она работает в таком шикарном универмаге, как ВДВ...

Забава мальчика кончилась неудачно. Он успел сделать всего несколько шагов, когда импровизированный мяч опустился на кустарник и испустил дух, наткнувшись на что-то острое.

Легкий хлопок — и шара как не бывало. Быстро съездившись, исчез улыбающийся паяц.

Линда прошептала:

— Паяц погиб.

Огорченный мальчуган повертел в руках лоскуток — все, что осталось от шарика, безуспешно попытался надуть его, затем отшвырнул негодную игрушку в сторону,

за кусты, и двинулся дальше, вскоре скрывшись за поворотом аллеи.

Шар, которым играл мальчик, всколыхнул в душе Линды давнее детское воспоминание.

Когда мальчуган исчез, Арбен вдруг попросил у Линды записную книжку и, быстро листая, раскрыл ее на чистой странице. Он написал что-то, зачеркнул, вывел снова. Фонарь близ беседки давал скудное освещение, поэтому Арбен низко склонился над книжкой.

Писал он долго.

Линда отчаянно продрогла, но боялась произнести слово, чтобы не помешать Арбену. Она лишь молча поглядывала на его хмурый лоб и плотно сжатые губы.

Аллея уже совершенно опустела, когда Арбен поставил наконец точку, закрыл записную книжку и протянул ее Линде, негромко сказав:

— Я теперь словно мяч, из которого выпущен воздух.

Девушка сделала попытку раскрыть книжку, Арбен остановил ее:

— Не сейчас, Линда. Дома прочтешь.

Они пошли к выходу.

Сегодняшнее свидание оставило в душе девушки неприятный тревожный осадок, его не смогло снять даже искусство Арбена в импровизации, неизменно поражавшее Линду.

У входа из парка змеилась бесконечно бегущая лента; спина ее, истоптанная тысячами ног, лоснилась в свете мерцающих панелей.

Линда предложила:

— Пойдем на подземку?

— Ненавижу лезть под землю, — пробурчал Арбен. — А ты что, замерзла?

— Нет, ничего, — ответила Линда, у которой зуб на зуб не попадал.

Едва молодые люди ступили на ленту, осенний ветер набросился на них с удвоенной яростью.

Арбен снял куртку и накинул ее на плечи девушки. Улицы, по которым они проносились, были безлюдны: здесь, вдали от центра, город, населенный трудящимся людом, засыпал рано.

— Город вымер, — нарушил долгую паузу Арбен.

— Окна светятся, — возразила Линда.

— Ну и что? Панели остались гореть, — упрямо мотнул головой Арбен.

— Ты слишком мрачно настроен... Даже не рассказывал мне про свой день.

— Нечего рассказывать.

— Как ты поранил руку?

Арбен буркнул:

— Расскажу в другой раз.

Линда согрелась под курткой Арбена, и настроение ее немного улучшилось.

— Когда теперь увидимся, Арби? — спросила она. — Завтра понедельник, и я могла бы отпроситься пораньше.

— Не знаю, как теперь у меня сложится, цыганочка... Все зависит от того, как пойдет новое дело, о котором я тебе говорил, — сказал Арбен.

Когда они прощались, Линда спросила:

— У тебя теперь совсем не будет свободного времени?

— Пока не знаю. По видеофону договоримся, — ответил Арбен, голос его звучал глухо.

Придя домой, Линда села в качалку, зажгла торшер и вытащила из сумочки записную книжку.

Поначалу от внезапно подступившего волнения девушка не могла ни слова разобрать из того, что написал Арбен, — у нее почему-то внезапно мелькнула мысль, что это последняя его записка, нечто вроде завещания, и что они никогда больше не увидятся. Наконец, продираясь сквозь частокол зачеркнутых строк и фраз, слово за словом она прочитала:

Разбегались галактики, тлели светила,
Словно угли в жаровне под жарким дыханьем,
Было утро вселенной, и мир расширялся,
И летели гонцы на восток, и на запад,
И на юг, и на север,
И звездные зовы
Вдаль манили,
И не было свету предела.

Линда задумалась. Записная книжка соскользнула на пол, но она не стала за ней нагибаться.

Что он задумал, непутевый Арбен? Почему так рассердился, когда она невзначай упомянула Ньюмора? Ревнует? Чепуха. Арбен ведь знает, что она и Ньюмор — друзья детства, что между ними ничего не было, да и не могло быть, настолько они разные.

Хотелось есть, но Линда чувствовала себя настолько усталой и разбитой, что не было даже сил подняться, чтобы пойти на кухню и приготовить себе что-нибудь.

«Я чувствую себя совсем разбитой», — сказала чашка, упав с полки», — припомнила Линда слова Ньюмора, которые тот произнес по поводу разбитой некогда чашки саксонского фарфора.

Вот и она сейчас чувствовала себя такой же разбитой.

«Отдохну немного, потом встану и поем», — подумала Линда сквозь тяжелую дрему.

Она так и уснула в кресле. В эту ночь ей приснился паяц, который улыбался с воздушного шарика.

Валы накатывались издалека. Казалось, они выбежали из-за линии горизонта, подсвеченной солнцем, которое только что погрузилось в океан. Крохотный скалистый атолл дрожал от ударов. Арбен стоял, прислонившись к единственной пальме, оживлявшей красноватую почву. Ветер трепал серую куртку Арбена, торопливо перебирал вечнозеленые листья высоко над его головой и бежал дальше, в просторы Атлантики.

В однообразном движении волн было что-то успокаивающее. Так и стоял бы на каменистом клочке земли, наблюдая раскованную стихию. Хорошо, что на свете есть сферофильмы, позволяющие хотя бы на время оживить прошлое, пусть даже его маленькую частичку, молскулу. Что может быть лучше, чем забыть настоящее, полностью отключиться от него — пусть всего на часок — и не думать ни о чем, совершенно ни о чем...

Месяц блаженства кончился. Месяц, заранее отмеченный Ньюмором. Может, Ньюм ошибся и преуменьшил срок? Вряд ли. Ньюмор вообще ошибается редко. Неужели прошел уже целый месяц со времени памятного разговора с Линдой в беседке парка? Тогда он ничего не боялся.

Впрочем, и теперь нет ничего страшного. Надо только быть смелым. Как это сказал Ньюмор? «Альва глуп, и обмануть его ничего не стоит. Надо только каждую минуту помнить об Альве — в этом весь фокус».

Арбен не сразу согласился на необычное предложение Ньюмора. Он долго колебался, но сказал «да». Опыты в отделе, которым Арбен руководил, уже долгое время не ладились. Он нервничал, и все валилось из рук. Со всех сторон подступали неприятности, крупные и мелкие. Он вывел из строя дорогостоящий интегратор и окончательно поссорился с шефом. Вообще оказалось, что старик Вальнертон настроен против него. Друзья Арбена говорили, что большинство его неприятностей — следствие скверного характера. Сам Арбен вычитал в медицинском справочнике, что подчас скверным характером называют расстроенные нервы. Но когда он рассказал об этом Ньюмору, тот все по обыкновению обратился в шутку.

— Значит, ты предпочитаешь врачам медицинские справочники? — спросил он Арбена.

— Что же тут плохого?

— И лечишься по справочникам?

Арбен кивнул.

— В таком случае ты рискуешь умереть от опечатки, — рассмеялся Ньюмор.

— Не все ли равно, от чего умереть? — пожал плечами Арбен. Он явно кривил душой...

Может быть, правы были друзья, может быть, спривочник — это, собственно, мало что меняло...

...В тропиках ночь наступает быстро. Еще минуту назад можно было свободно разобрать любой мелкий шрифт, и вот уже тени выползли из-за скал, перечеркнули лагуну, вытянулись, поглощая друг друга, и наконец сомкнулись. Из-за мыса показалась еле различимая туземная пирога, и мириады фосфоресцирующих точек заплесали на волнах.

Через несколько мгновений призрачно засветилась панель, включенная автоматом. Из небытия, из мрака медленно выступили стены. Арбену показалось, что они сдвинулись больше, чем надо. Но он понимал, что просто комната слишком мала, стандартная комната стандартного дома: станет Уэстерн раскошеливаться для своих служащих!..

Ствол пальмы оказался спинкой кресла.

Арбен вздохнул как человек, которого разбудили. Он посмотрел на часы, хотя и так знал время: половина одиннадцатого.

Пожалуй, хорошо, что он решил с утра отпроситься у начальства и весь день высидеть дома. Безопасней во всяком случае, хотя каждый день не станешь отпрашиваться. Итак, скоро закончится первый день нового существования.

Обстановка в комнате спартанской простотой напоминала кабину космического корабля четвертого класса: ничего лишнего. Но инженера Арбена она устраивала. Подвесная койка, письменный стол, чертежный комбайн, кресло — что еще надо? Зато из большого окна — правда, единственного — открывался великолепный вид на владения Уэстерна. Пейзаж был похож на картинку, виденную Арбеном в детстве. Кажется, это была иллю-

страция к какому-то научно-фантастическому роману, писанному в дни, когда нога человека не ступила даже на Луну. Художник попытался представить будущий лунный город. Ему нечего было лететь на Луну: и на Земле, как выяснилось, оказалось достаточно места для фантастики, самой светлой. Ажурные башни космосвязи, уходящие за облака, перемежались разноцветными куполами, в разные стороны бежали ленты тротуаров, окаймленные светящимися линиями безопасности, над узкими полосками тротуаров нависали киберконструкции, рядом с которыми допотопные чудовища показались бы игрушками для младенцев. А полигон для испытания белковых систем, выращенных компанией! Когда-то любимым развлечением Арбена было наблюдать в подзорную трубу за вольтами и курбетами смешных уродцев, хотя он знал, что подобное занятие не поощряется начальством.

Однажды Ньюмор зашел к Арбену в гости.

— Гляди, какой вид — прелесть! — сказал Арбен, когда Ньюмор подошел к окну. — Нравится? Урбанизация в последней степени.

— Изыски архитектора. — Ньюмор пожал плечами.

И все-таки Арбен любил в свободное время глядеть из окна, правда, без подзорной трубы. Арбен постоял немного, глядя на желтый прозрачный пластик, поблескивающий в свете панели. Он все еще находился под действием сферофильма. Арбен снял его позапрошлым летом на Атлантике, где проводил отпуск. Блаженное время.

Когда Арбен отвернулся от занавешенного окна, слепое око видеофона напомнило инженеру, что он сегодня не виделся с Линдой. Позвонить? А не поздно ли? Арбен заколебался, затем все же подошел к аппарату и набрал на диске номер.

Линда, казалось, ждала его.

— Похвально, что ты все же решился позвонить. — Она поправила рыжий локон.

— Понимаешь, я сегодня был занят... — неопределенно начал Арбен.

— Чем это? — прищурилась Линда.

— Так... Для отдела... кое-какие расчеты потребовались...

Он умолк.

— А, ясно. Снова тайны.

— Линда...

— Ладно, ладно. Я не посягаю на секреты Уэстерна. Итак, ты решил все-таки извиниться?

— Перед кем?

— Наверно, передо мной.

— Но я же говорю, что целый день...

— Да, усвоила, был занят и потому не покидал территории Уэстерна. Ты это хотел сказать?

Арбен кивнул.

— Видно, ты сильно переутомился, бедняжка, — продолжала Линда. — И только поэтому не узнал меня, хотя прошел на расстоянии фута.

— Да я и носа на улицу не высовывал!

— Прошел рядом и даже не поздоровался.

— Ты что-то путаешь, цыганочка. Я не выходил сегодня из дому.

— Тебя, мой милый, я вряд ли с кем-нибудь спутаю. А вообще мне надоели твои внезапные смены настроений. То ты ласков, то надуешься и неделю не разговариваешь, не звонишь. Если из-за того, что я была позавчера с Ньюмором в кино, то это просто глупо.

— Что именно? — съязвил Арбен.

— Не придирайся к словам, — отрезала Линда. — Твое поведение просто глупо. Во-первых, ты знал, что он меня пригласил. Во-вторых...

— Помилуй, я и не думал об этом, — перебил Арбен.

— Ты вообще обо мне последний месяц не очень-то много думаешь. Неужели ты считаешь, что я ничего не замечаю? А все таинственные разговоры, которые ты вел со мной тогда... Сказки для детей... Разве не так?

— Опыт, о котором я говорил тебе, еще не окончен, Линда.

Они помолчали. В душе Арбена происходила борьба. Так первый космонавт не решается ступить на новую планету, которая полна неведомых опасностей.

«Но хочешь ли, не хочешь — надо решать».

— Встретимся завтра? — предложил Арбен.

— Я освобождаюсь в пять.

— Отлично. Значит, в шесть. На прежнем месте? — полуутвердительно произнес Арбен.

— Не опоздай. — Она погрозила пальцем. — Кстати, в саду, в Зеленем театре играет оркестр электронных инструментов.

Экран погас.

Арбен снова заходил по комнате, сцепив руки за спиной. Нет, не так, совсем не так представлял он себе рай, нарисованный Ньюмором. Не сидеть же ему вечно в четырех стенах, опасаясь встречи с Альвой — своей тенью? Ему хотелось приобрести уверенность в себе немедленно.

За последний месяц Арбен сильно изменился — он сам чувствовал это, тут Ньюмор не обманул его. Ему стало намного легче жить. словно он шел все годы, груженный непосильной ношей, и вдруг эта ноша с каждым днем стала таять, уменьшаться. Воспоминания потускнели, отделились, и самое главное из них, жгучее, как огонь, растаяло, пропало. Осталась только «память о памяти», но о чем именно шла речь — Арбен вспомнить не мог.

Пропало у Арбена и искусство импровизации — за этот месяц у него не родилось ни строчки.

...Из Уэстерна до так называемой зеленой зоны Арбен без особых приключений добрался подземкой.

Он любил этот чахлый парк, отравленный дыханием города. Немало приятных минут провел он здесь, изредка сражаясь по воскресеньям в шахматы со случайным партнером, а чаще наблюдая игру со стороны. Садовую

скамейку, на которой разворачивалась борьба, обступали болельщики, обычно они разбивались на две партии, заключались пари, — словом, происходило примерно то же, что на ипподроме в день состязаний. Здесь, на шахматном пятачке, или шахматном кругу, встречались любопытные типы. Основную массу составляли престарелые навигаторы, не знавшие другой профессии, кроме космоса, опустившиеся субъекты без определенных занятий, праздношатающиеся юнцы, бескорыстно влюбленные в шахматы. Немало было тех, кого автоматизация безжалостно выбросила за борт, оставив им одно — слишком много свободного времени... «Обломки и налип большого города», по определению Ньюмора, которого Арбену удалось единственный раз затащить сюда.

Линда встретила его у входа. Она торопливо доела мороженое и взяла его под руку.

Появляться с дамой на шахматах было не принято, и Арбен лишь завистливо покосился на толпу, сгрудившуюся вокруг бойцов.

Повиснув на Арбене, Линда без умолку болтала.

— И все-таки это был ты, — вдруг произнесла Линда, возвращаясь к вчерашнему разговору по видеофону. — В этой же серой куртке — таких никто в городе не носит, кроме тебя. Но бледный-бледный. Ты не заболел?

— Правда, Линда, я не выходил вчера. А где ты меня видела? — не совсем последовательно спросил Арбен, пораженный внезапной мыслью.

— Вот вы и попались, мистер, — улыбнулась Линда.

Они приближались к открытой эстраде, где сегодня должен был состояться концерт электронной музыки. Автором ее был электронный штурман, недавно успешно приземливший корабль-автомат, который был послан в район Центавра семьдесят лет тому назад. Подобные концерты стали уже традицией. Ньюмор, а следовательно, и Арбен признавали только такую музыку. А вообще-то она еще не успела приобрести много поклонников.

— Из мастерской я зашла в автомат позавтракать. Новый, на углу десятой улицы, где панорама, знаешь? Арбен кивнул.

— Конечно, тебе ли не знать? — заметила Линда. — Ты шел прямо на меня. И еще посмотрел этак дерзко. Я хотела окликнуть, но ты затерялся в толпе.

— А как он был одет? Тот, кого ты встретила?

— Ты как был одет? — переспросила Линда, делая ударение на слове «ты». — Я же говорю, как обычно.

— Вспомни все детали, это очень важно.

Линда задумалась.

— Ничего не бросилось тебе в глаза? — настаивал Арбен.

— Разве что ботинки...

— Что ботинки? — живо переспросил Арбен.

— Они были с магнитными присосками. Ну, как те, которые надевают при невесомости, чтобы не плавать по каюте, когда корабль ложится на курс.

— Ты ничего не перепутала?

— Еще чего, — обиделась Линда. — Я еще хотела спросить у тебя, что это за маскарад. Ведь автомат-закусочная помещается на земле, а не в космосе. Но ты выглядел таким... — Линда поискала слово, — таким бледным, что я просто растерялась... Ты мне скажешь наконец, что случилось?

— Ничего не случилось, — пробормотал Арбен.

— Не хочешь говорить — не надо. — Линда поджала губы.

Они подошли к кассе. Щель для бросания жетонов была закрыта, над автоматом красовался аншлаг: «Все билеты проданы». Это было неожиданностью — музыка электронных штурманов не пользовалась особой популярностью.

— Неужели не попадем? — разочарованно протянула Линда. Ей вдруг ужасно захотелось послушать концерт. «Музыка будущего», — сказал Ньюмор.

— Погоди-ка минутку. — Арбену пришла озорная

мысль. Он подошел к парочке, созерцавшей театральную афишу.

— Простите. Вы на концерт? — спросил Арбен.

— Да. А что? — удивленно спросил молодой человек.

— Я решил, может быть, вы передумаете и откажетесь от билетов...

— Глупости какие, — резко произнесла женщина.

В этот момент взгляды молодого человека и Арбена встретились.

Улыбка осветила лицо Арбена. Молодым человеком овладело недоумение: где он видел это худое, нервное лицо? Глаза знакомого незнакомца излучали, казалось, саму доброту. Он встречался с ним? Но где? Такое симпатичное лицо, раз увидев, вряд ли можно забыть. Однако память ничего не могла подсказать.

Спутница молодого человека смотрела на Арбена, и лицо ее также посветлело. Куда девалось недавнее раздражение?

— Мы думали пойти... — произнесла она негромко. — Но мы понимаем, вы очень любите электронную музыку... И ваша девушка... — Она дружелюбно посмотрела на Линду, с недоумением наблюдавшую странную сцену.

— Мы, пожалуй, не пойдем, — пробормотал молодой человек. — Вот вам билеты, пожалуйста. О, не стоит благодарности.

Он небрежно сунул в карман жетоны, полученные от Арбена, и двинулся прочь, уводя свою даму.

Арбен и Линда вошли в зал как раз вовремя — только что отзвенел третий звонок.

— Почему они вдруг вздумали уступить нам билеты? — допытывалась Линда.

— Погода чудная. Они решили прогуляться, — небрежно ответил Арбен.

— Прогуляться? Они бежали впереди нас сломя

шею. Видно, опоздать боялись. Только перед афишей остановились, чтобы немного отдышаться...

Сзади зашикали, и Линда умолкла.

Сцена выглядела необычно. Не было музыкантов, не было инструментов, блещущих в лучах искусственного освещения. Посреди сцены стоял столик с магнитофоном. И это было все, если не считать систему усиления.

Первый аккорд прозвучал словно вздох. Еле слышная жалоба. Чья? Холодного металла, силой огня брошенного в пространство? Людей на ракете, посетившей Проксиму Центавра, не было — Арбен знал. И все-таки он никак не мог отделаться от мысли, что так вздыхать может только живое существо. Резкая и своеобразная мелодия поначалу вызвала у Арбена чувство протеста. Но с каждой минутой он все больше погружался в новый для него мир.

Бесконечные межзвездные просторы, какими видел их электронный штурман, ведущий корабль-автомат на Проксиму Центавра... Арбену показалось, что он вдруг ощутил и постиг пространство. Когда-то в детстве Арбен мечтал о профессии капитана. Мечте не суждено было сбыться. Комиссия нашла, что у претендента чрезмерно обострены нервные рефлексы, и Арбен с горя поступил в технологический колледж. Рядовой инженер могущественной компании-спрута — вот и все, чего он достиг. Но неосуществившаяся мечта, как это часто бывает, наложила отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Арбен читал все отчеты (он предпочитал отчеты приборов-автоматов) о космических экспедициях, выпускаемые в дешевой серии, — у него скопилось их несколько тысяч, квадратных книжечек в синих обложках.

И вот теперь, слушая странную музыку, Арбен почувствовал, что давно ожидаемое чудо свершилось... Он сидел, вернее, висел в невесомости перед обзорным экраном корабля. Ракета казалась ему, единственному человеку на корабле, абсолютно неподвижной. Арбен знал по описаниям, что это одно из самых тяжких ощу-

щений, выпадающих на долю звездопроходца, и выдержать его дано не каждому. Проходят годы, и ты висишь на месте, корабль будто прилип к одной точке пространства, и все тот же узор немигающих звезд окружает тебя.

...Да, Арбен научился держать себя в руках. О какой неподвижности может идти речь, если шкала на пульте ясно говорит, что ракета сохраняет огромную скорость, полученную при первоначальном разгоне?

...Проверив отсек, Арбен надел ботинки с магнитными присосками и решил прогуляться по кораблю. Музыка вела его по светящимся коридорам, похожим на тоннели, по отсекам, каждый из которых был одет в нейтритовый панцирь. У приборов бесшумно стояли белковые системы, составляющие его команду, экипаж корабля... При появлении Арбена каждый докладывал о результатах суточной работы (на корабле, следуя старинному правилу, время измерялось в земных единицах). Арбен выслушивал, изредка давал указания и делал пометки в биокнижке.

Солнце... еще год назад оно превратилось в еле заметную звездочку четырнадцатой величины, прикорнувшую в углу экрана. Но почему же от льющейся музыки почудилось, что Солнце вдруг вспыхнуло ярче, затмив соседей? Наверно, потому, что мелодия впитала в себя, вобрала, словно сок, все песни землян о свете...

Музыка умолкла внезапно, словно оборвалась. Арбен медленно приходил в себя. Линда сидела рядом, равнодушная, скукающая...

— Лучше бы ты не доставал билетов, — сказала она, подавляя зевок. — Откровенно говоря, я ожидала большего от этой музыки будущего. Ну, что ты так смотришь? Бессмысленный набор звуков, и ничего более.

Они продвигались к выходу, лавируя в толпе. Арбен старался ни на кого не глядеть, но те, на кого падал его взгляд, пытались уступить дорогу. К счастью, Линда, занятая собой, ничего не замечала.

— Признайся, ты тоже ничего не понял, — шепнула она.

Арбен усмехнулся.

— Ньюмор говорил, что по-настоящему человек понимает музыку только при активном соучастии... — сказала Линда.

— Как это?

— То есть человек насыщает музыку, которую слушает, собственными образами, выстраданными мыслями и так далее. Ну а космос — это твой конек. Немудрено поэтому, что музыка, сочиненная в полете электронным штурманом, оказалась тебе созвучной...

— Я вижу, что общение с Ньюмором пошло тебе на пользу, — заметил Арбен.

Он оглядывался уже не так часто. Того, чего Арбен в душе боялся больше всего, не произошло, и страхи постепенно растаяли, уступив место горделивому ощущению собственного могущества. Он даже стал насвистывать какой-то мотивчик. В конце концов, он никому ничего не должен.

Они миновали зеленую зону и углубились в лабиринт улиц, таких же тесных и пыльных, как сто лет назад. Казалось, будто на один день снова вернулось лето, потеснив глубокую осень.

— Не хочу подземкой, там душно, — капризно сказала Линда и провела пальцем по зеркальной витрине. За переливающимся пластиком возвышалось чудовище, примеряющее скафандр, — реклама вездесущего Уэстерна. — Вечер чудесный. Может быть, пройдемся пешком?

— Что-то не хочется, — безразлично произнес Арбен. Он припомнил слова своего благодетеля Ньюмора о том, что больше всего следует опасаться открытого пространства, и прежние страхи вновь нахлынули на него.

— Тогда возьми такси, — сказала Линда, понимая, что в такое время ее требование равносильно просьбе достать луну с неба.

— Попробуем. — Голос Арбена прозвучал весело.

Они подошли к многолюдной стоянке. Ежесекундно сюда подкатывали сверкающие, бесшумно скользящие на воздушной подушке машины. Перед ними мягко остановилась машина.

— Кто следующий? — заученно спросил автоводитель, когда дверца открылась.

Они сели, Арбен бросил в щель счетчика задаток — два жетона, и аппарат резко взял с места, так что пассажиры вдавились в сиденье.

— А я и не знала, что ты гипнотизер, — сказала девушка.

— Оказывается, это не так сложно, — отшутился Арбен.

— Так, может быть, сделаешь, чтобы он провез нас задаром, без жетонов?

— Так далеко моя власть не простирается, — рассмеялся Арбен. — Электронная система не человек.

— Подумаешь! И машина ошибается.

— Да, но она не поддается гипнозу.

Точно в названной точке машина остановилась. Арбен отсчитал пять жетонов и сунул их в раскрытый зев счетчика, только после этого дверца отворилась.

— Ваша милость становится таинственной, — сказала Линда. Она свято верила в гипноз, и поэтому фокус Арбена не очень удивил ее. — Вчерашнюю нашу встречу, которую ты отрицаешь, я расцениваю как милую шутку...

В дверях темного парадного Линда обернулась, улыбнувшись Арбену, и помахала на прощанье рукой.

Просмотрев содержимое тощего кошелька-пистолета, стреляющего жетонами, он быстро зашагал в сторону ближайшей станции подземки. Теперь он мог наконец свободно поразмышлять. Кого все-таки встретила вчера Линда близ автомата? Неужели Альву?

В подъезде было полутемно. Парадное старинного дома скудно освещалось единственной лампочкой, покрытой толстым слоем пыли. Поднимаясь по лестнице, Линда, повинаясь необъяснимому чувству, обернулась. Снизу медленно поднималась вслед за ней фигура, контуры которой терялись в полумраке. Вглядевшись, Линда узнала Арбена, с которым только что рассталась. Девушка видела, как он дошел до угла и нырнул в подземку, в этом она могла бы поклясться. Арбен выглядел странно — совсем как вчера, когда они встретились в закусочной. Линда хотела что-то сказать, но голос не повиновался. Арбен с безучастным лицом продолжал подниматься по лестнице. Щеки его были бледны. Широко раскрытые глаза ничего не выражали. Линда замерла. Фигура двигалась прямо на нее.

— Арби!.. Что случилось? — наконец прошептала она, когда их разделяло не более десятка ступенек.

Не отвечая, Арбен продолжал свой путь. Он переставлял ноги механически, словно заводная кукла.

Линда посторонилась, и Арбен, пройдя совсем рядом, сделал вдруг резкий поворот и исчез. Линде показалось, что он прошел сквозь стену. Или, может быть, вошел в дверь? Но никаких дверей здесь не было. Только грязная лестничная стена, изъеденная сыростью. Линда зачем-то потрогала пальцем серое пятно, похожее на краба. Прижала ко рту кулак, сдерживая готовый вырваться крик.

По-прежнему светила лампочка — символ обыденности, которая еще минуту назад казалась такой незбылемой...

За все свое двадцатипятилетнее существование Линда не сталкивалась ни с чем подобным. Потрясенная, она долго еще стояла на лестничной площадке, теряясь в догадках.

«Увижу Арби завтра и потребую: пусть прекратит свои дурацкие фокусы», — решила она, доставая из сумочки ключ.

Поначалу Арбен поднял на смех предложение Ньюмора.

— Ты разыгрываешь меня, — сказал Арбен.

Несмотря на молодость, Ньюмор был известен среди физиков своими фантастическими идеями. Честолюбивый и талантливый, он быстро выдвинулся среди коллег. Арбен знал, что его новый приятель пользуется авторитетом. Но то, что предложил он инженеру в этот вечер...

— Решайся, — сказал Ньюмор, когда горка окурков сровнялась с краем пепельницы. — По крайней мере, ты вкусишь высшую радость, приобретешь уверенность, равную самому смелому исследователю космоса.

— Но какой ценой?

— Никакая цена не чрезмерна за такое счастье.

— Предположим, я соглашусь. Сколько времени нужно, чтобы настроить Альву так, как ты говоришь?

— Думаю, за месяц успею. Начать можно сегодня же.

— Сразу?

— А зачем откладывать?

— Допустим, все будет так, как ты говоришь. — Арбен колебался. Иметь власть над своими страстями, конечно, неплохо. И от неприятных воспоминаний избавиться тоже. Но если все-таки Альва меня настигнет?

— Альва глуп, запомни это. Его логическая схема примитивна, как дважды два. Собственно, и схемы-то никакой нет, только настроенность на резонанс. Поэтому тебе нетрудно будет избегать его. Старайся всегда быть в ровном настроении, тогда чутье Альвы притупляется. Чудак, да ты позабудешь обо всех твоих заботах!..

— Но в случае встречи...

— Должен же ты чем-то платить за то, что приобретаешь. Если встретитесь — тогда уж пеняй на себя.

Арбен задумался. Воображение рисовало перед ним радужные картины. Предложение Ньюмора сулило рис-

кованный полет в неведомое и славу. Издерганные нервы Арбена превратятся в стальные нити. Так обещал Ньюм, а Арбен верил ему.

Мыслимо ли подобное блаженство!.. Да за него и впрямь ничего не жалко!

— А как все это выглядит с точки зрения физики? — спросил Арбен. — Только не пытайся разыграть меня. Я, как инженер, отмечаю мистику.

— Законченной теории я еще не придумал. Но это, в конце концов, не так уж важно. Суть в том, что в твоих нервных клетках, нейронах, как у всякого неврастеника, создались устойчивые вихревые биотоки. До сих пор эти токи не могли обнаружить — так они малы. Мне удалось это сделать. Тебя надо растормозить, снять эти токи, парализующие энергию.

— Это возможно?

— Мой Альва, как я говорил тебе, соткан из антивещества. Мне удалось сконструировать эту систему из античастиц, полученных на Бруквенском ускорителе. Плотность Альвы ничтожна. Грубо говоря, он состоит почти из вакуума.

— Нечто вроде разреженного туманного облака?

Ньюмор нетерпеливо кивнул.

— Ты мне покажешь Альву?

— Только когда согласишься передать ему свои изъяны.

— Мы беседуем целый вечер, а для меня многое в таком же тумане, из которого состоит твой Альва. Почему, например, он не может столкнуться и аннигилировать с любым прохожим на улице?

— Очень просто: Альва окружен защитным полем, — пояснил Ньюмор, пуская колечко.

— Почему же я должен его избегать? — Арбен сделал на слове «я» ударение.

— Ты другое дело. Альва будет твоим двойником, вернее — антидвойником. А в результате... Видел, как

магнит притягивает железо? Вот так Альву будет влечь к тебе.

— Но защитное поле...

— Оно при вашем сближении исчезнет, растает. Тут уж ничего не поделаешь. — Ньюмор развел руками.

Инженер опустил голову.

— Тебе нечего бояться, Арби! — воскликнул Ньюмор. — Ведь Альва — это тебе не человек, не исследователь миров, а твой страх, все твои пороки и недостатки... Это не больше, чем облачко. Альва как бы вберет в себя всю твою неуравновешенность. Это будет твой Санчо Панса, верный оруженосец, на зыбкие плечи которого ты возложишь багаж, угнетающий твой дух. Альва — это губка, которая впитает...

— А нельзя ли его запереть? — с радостным лицом перебил Арбен. — Тогда мне нечего бояться случайной встречи...

— Это все равно что запереть тебя самого, — пояснил Ньюмор. — Площадь, по которой ты можешь перемещаться, в точности равна площади, по которой имеет право свободно перемещаться Альва. Если Альва замкнут в камере, то и ты сможешь ходить только по площадке, равной площади этой камеры. Все остальное для тебя будет запретной зоной. И только если для Альвы открыт весь город — значит, город открыт и для тебя. Кстати, как это ты представляешь себе практически — запереть Альву в камеру? — спросил Ньюмор.

— Как обычно. В точности так, как запирают в тюрьму преступника.

— Должен тебя разочаровать. Альва, с его ничтожной плотностью, сможет проходить сквозь стены. Нет, не через любые, — добавил он, заметив движение Арбена. — Я дам тебе несколько листов ионизированного пластика, и ты обклеишь стены своей комнаты. Ну а на улице...

— Я придумал, — сказал Арбен, и лицо его просия-

ло. — Сделаю из пластика костюм... — Он глянул на Ньюмора и осекся: тот медленно покачал головой.

— Знаю, пластик прозрачный, — неуверенно продолжал Арбен, — но это не беда. На худой конец, можно сделать из пластика подкладку к костюму...

— Ничего не выйдет, Арби, — сказал Ньюмор, и в его голосе Арбен явно уловил сожаление. — Пластик нельзя изгибать. Достаточно его чуть согнуть — и он потеряет защитные свойства.

— Можно сделать подкладку из мелких пластинок, соединив их между собой.

— Пластик нельзя дробить.

— Почему?

— Потому что каждая пластина, по сути, представляет собой единую цепную молекулу.

— Ну и что? Молекулу можно расщепить...

— Да пойми же ты наконец! — вспыхнул Ньюмор. — Сколько раз можно повторять? Человек за все должен платить. Ничто на этом свете не дается даром. Таков, если угодно, основной закон природы, который забыл открыть сэр Исаак Ньютон. Мне ничего не остается, как исправить его ошибку. — Ньюмор прошелся по комнате. — Ты что же, — продолжал он, как бы отвечая на собственные мысли, — хочешь быть отважным исследователем просто так, задаром? Не получится, брат!

Без сомнения, Ньюмор сам пошел бы на этот неслыханный опыт, если бы только для этого подходил альфари́тм его головного мозга. Он не раз доказывал бесстрашие — и не только другим, но и самому себе (что гораздо существенней). Когда дело доходило до эксперимента, Ньюмор становился одержимым и никакие соображения не могли остановить его. Да что, разве мало он на протяжении своей, внешне блистательной, а на самом деле такой нелегкой карьеры по доброй воле рисковал собственной жизнью. В конце концов, выгода — дело десятое. Главное теперь — создать такую

модель, которая могла бы впитывать в себя человеческие недуги, пороки, слабости.

Проблема необычайно трудна. Хорошо бы разрешить ее для начала в принципе. Ну а потом можно будет подумать о том, как обезопасить счастливого, избавившегося от всех своих напастей, от его рокового двойника.

Ньюмор посмотрел на сникшего Арбена. Разведчик гибнет, прокладывая путь армии. Без риска нет победы. Должен кто-то быть первым?

Ньюмор подошел к Арбену и опустил ему руку на плечо.

— Тебе представляется невероятный шанс, — горячо заговорил Ньюмор. — Ты будешь последним идиотом, если упустишь его.

— Может, поищешь кого-нибудь другого? — неуверенно произнес Арбен.

— Никто, кроме тебя, не подойдет, — замотал головой Ньюмор. — Ты знаешь, что такое биорезонанс?

Арбен кивнул.

— Так вот, ты находишься в резонансе с Альвой. Это редчайшее совпадение, одно на несколько миллионов, если не миллиардов... И то, что твои нервы расшатаны, тоже плюс: ты легче поддаешься биозаписи. А в общем, не хочешь — не надо, черт с тобой! — неожиданно выкрикнул Ньюмор. — Жаль только, что время пропало...

— Ладно, я согласен, — отчаянным тоном произнес Арбен. — Я хочу быть отважным исследователем космоса!

— Давно бы так. Пошли.

Они пересекли лабораторию и остановились перед узкой бронированной пластиной, почти сливавшейся со стеной. Арбен подумал, что пластина напоминает дверцу сейфа.

— Для Альвы это все пустяки, — хлопнул Ньюмор по выпуклой поверхности. — Он проходит сквозь сталь,

как нож сквозь масло. Просто не нашлось другого помещения, пришлось пока освободить склад радиологических инструментов. Да и чем меньше народу увидит его сейчас, тем лучше.

— А если он убежит? — Арбен дотронулся до дверцы, ощутив холодок металла.

— Не убежит. Я уже сказал тебе, что изобрел на Альву управу — ионизированный пластик. Такая пленка для него непреодолимая преграда. На всякий случай я обклеил пленкой все помещение изнутри. Сам увидишь. Да заходи, не бойся. Боишься взорваться? Пока вы с Альвой чужие, и он к тебе безразличен.

Ньюмор и следом за ним Арбен вошли в маленькую клетушку без окон. Стены равномерно светились — прозрачная пленка пластика свет не задерживала. Арбен заметил, что ни один предмет в комнате не отбрасывает тени. Он быстро огляделся. Непонятная установка, обросшая проводами датчиков, словно старая лодка — водорослями. Старый катодный осциллограф на треножнике. На стене раковина — из никелевого крана каплет вода, звонкие серебряные шарики. Вафельное полотенце на гвоздике... Арбен смотрел во все глаза, но Альву обнаружить не мог.

— Гляди получше, — сказал Ньюмор. — Да не туда! Видишь? — Он кивнул в противоположный угол.

Только теперь, присмотревшись, Арбен заметил странный полупрозрачный предмет, нечто вроде вертикального облачка, высотой в человеческий рост.

— Обычная киберсхема, — небрежно бросил Ньюмор, — только на основе антима́терии.

Ньюмор легонько подтолкнул Арбена.

— Не бойся, Альва окружен защитным полем. Должен же ты познакомиться со своим будущим двойником?

Облачко отдаленно напоминало фигуру человека. Еле угадываемые руки безвольно свисали вдоль туловища, голова была опущена. Сквозь тело ясно просвечивалась стена комнаты.

— Обычная имитация формы человека, не больше, — пояснил Ньюмор. — Дань условности. Я мог бы придать Альве любые контуры.

Арбену показалось, что облачко вздрагивает всякий раз, когда Ньюмор произносит имя Альвы. А может, ему почудилось: Арбен был взволнован.

— Я думал, он не такой, — тихо произнес Арбен.

— А, — догадался Ньюмор, — двойник должен быть похож на оригинал. — Он прикрутил кран и пояснил: — Альва станет на тебя похож, когда вы вступите в биологический радиоконтакт. О, через месяц, когда он, так сказать, выйдет в свет, вас не отличишь друг от друга.

— Но он прозрачный.

— Пустяки. Я покрою его непроницаемой пленкой. Снабжу костюмом от лучшего портного, — разумеется, это будет только световой эффект. А еще лучше — мы оденем его точь-в-точь как тебя. Начиная от куртки и кончая измятыми брюками. Раз уж близнецы, так близнецы!

— Как Альва сможет перемещаться?

— С любой скоростью. Разумеется, не превышая световую константу Эйнштейна. Например, он легко смог бы обогнать машину или самолет.

— Если Альва обгонит на улице машину, он сразу привлечет к себе внимание, — озабоченно сказал Арбен.

— Умница. — Ньюмор похлопал его по плечу. — Я подумал об этом немного раньше. Поставим твоему братцу ограничитель скорости, чтобы не очень выделялся. Думаю, три мили в час достаточно, а?

— Даже много, — сухо ответил Арбен, которому не понравилось словечко «братец». Смертоносный братец — сомнительное приобретение. Но что делать, если без Альвы заманчивый проект Ньюмора неосуществим?

— Слишком ограничить скорость Альвы тоже нельзя. Ведь то же самое ограничение автоматически накладывается и на тебя... Я позаботился и о другом, — продолжал Ньюмор. — Передвигаясь вдоль улиц, Альва

будет делать ногами движения, имитирующие шаги, чтобы ничем не отличаться от прохожих. Это будет период тренировки.

— А вдруг он подыметсЯ вверх? И будет перебирать ногами, летая над тротуаром, а то и над крышами?

— Положительно ты кладезь премудрости! — умилился Ньюмор. — На пятки Альвы я решил поставить магнитные присоски, чтоб не отрывался от грешной земли. У меня как раз есть новенькая пара, капитан Лерс подарил. Между прочим, экспериментальный образец твоего распрекрасного Уэстерна. Довольно удачный. Выдерживают нагрузку в тонну, а весят меньше четверти унции.

— Каждая?

— Обе. Пальчики оближешь!

В комнате воцарилась пауза.

— Смотри на него, смотри как следует, — нарушил молчание Ньюмор. — Ты Альву больше не увидишь, а увидишь — пеняй на себя.

Арбен, и без того не отрывавший взгляда от удивительного облачка, посмотрел на Ньюмора, но тот ничего не добавил.

Они уходили, а человекоподобное полупрозрачное облачко так и не изменило своих очертаний.

— Почему ты говоришь, что я больше не увижу Альвы? — спросил Арбен, когда они снова очутились в лаборатории. — Еще целый месяц я должен, как ты выразился, обучать его. Правда, ты толком не объяснил, что это значит...

— Может, лучше сказать, что ты толком не понял моих объяснений?

— Пусть так, — согласился Арбен. — Но как могут учитель и ученик не видеть друг друга?

— Для Альвы достаточно, чтобы ты находился в радиусе двадцати миль, то есть практически не выезжал в это время из города. Как только я включу приемник Альвы на резонанс с тобой, инженер Арбен пре-

вернется для него в мощную радиостанцию, вернее, в целую колонию радиостанций-клеток, каждая из которых орет во всю глотку на своей волне.

Арбен посмотрел в зеркальную плоскость биостата, мимо которого они проходили. Из глубины на него глянуло широкоскулое, со срезанным подбородком лицо. Глаза недоуменно моргали. «Ничего себе колония радиостанций», — подумал Арбен, отворачиваясь от собственного отражения.

— Твой братец будет свободно считывать на расстоянии информацию, записанную в недрах клеток, — сказал Ньюмор, закуривая новую сигарету.

— А я?

— Ты спокойно будешь заниматься своими делами. Я подчеркиваю — спокойно так спокойно, как никогда до этого. Потому что сразу же, как включится Альва, ты почувствуешь себя так, словно сбросил с плеч тяжелый груз. Альва постепенно снимет с тебя, как я обещал, нервное напряжение. Видел в зеркале, на кого ты стал похож?

— Но зачем тебе нужно было добиваться моего согласия? Ты прекрасно мог бы обойтись без него.

— Ошибаешься, — возразил Ньюмор. — Мне крайне важно, чтобы ты внутренне не сопротивлялся — это может исказить процесс считывания информации.

Они подошли к двери.

— Я как бы раздваиваю твое существо, — сказал на прощание Ньюмор, стоя у двери. — Разделяю его на две части. Лучшую половину оставляю тебе. Худшую — проектирую на Альву. Он будет носителем твоей неуравновешенности, твоей вечной нервозности, вспышек непонятной злобы, трусости. Впрочем, пока что ты лучше знаешь себя, чем я, и без труда можешь пополнить мое перечисление. Все то, от чего ты жаждешь избавиться, перейдет к Альве. Зато ты станешь наслаждаться жизнью в полной мере. Ложась в постель, засыпать будешь мгновенно, и сон твой станет глубок, словно

Марианская впадина. Взгляд твой — проводник и отражение цельной воли — приобретет гипнотические свойства. Люди будут подчиняться тебе и выполнять то, что ты им прикажешь. Но счастье достанется тебе не даром. Ты будешь благоденствовать, между тем Альва, твой слепок, глухой, слепой, лишенный обоняния, будет метаться по городу, ища тебя, своего антипода. К счастью, когда Альва окончательно сформируется и внешне станет точно таким, как ты, его защитное поле усилится — сделать это в моих возможностях. Потому радиосигналы, излучаемые тобой, едва смогут проникать внутрь, под магнитный панцирь. Живя спокойно, можешь ничего не бояться. Но стоит тебе нарушить жизненный ритм — разволноваться или чем-нибудь увлечься, — и интенсивность сигналов, излучаемых клетками, резко возрастет, и Альва сможет их улавливать. Тогда ему, сам понимаешь, легче будет тебя разыскать.

— Уже поздно, — сказал Арбен, взявшись за ручку двери.

— Еще одно. — Ньюмор задержал в крепкой ладони руку Арбена. — Не исключено, что, когда Альва выйдет на волю и будет бродить по городу, он будет иногда встречаться твоим знакомым — чаще, чем другим: они также в какой-то мере будут служить приманкой для Альвы, так как каждый знакомый принимает и отражает твои биоволны, как луна отражает чужой свет.

— Значит, и они...

— Нет, — перебил Ньюмор, — для них встреча с Альвой совершенно неопасна, — он будет настроен на одного тебя.

Поздним вечером Арбен покинул Ньюмора. Тротуар, омытый дождем, блестел, словно черное зеркало. Редкие прохожие проносились мимо, придерживаясь за мокрые перила бегущих лент. Фигуры, закутанные в плащи, при скудном уличном свете казались одинаковыми. Арбен не ступил на движущуюся ленту — он решил до станции подземки пройти пешком. Инженер

шагал осторожно, будто нес полный сосуд, который боялся расплескать. Он знал, что Ньюмор включил дешифратор сразу же, как только Арбен покинул лабораторию, и теперь, в этот самый момент, его, Арбена, наследственная и прочая информация тонкой струйкой вливается в биопамять Альвы. Широко шагая, Арбен расправил плечи. Ему показалось, что он чувствует себя значительно лучше, чем все последние дни.

— Похоже, я впрямь начинаю раздваиваться на два полюса: один со знаком плюс, другой со знаком минус, — пробормотал под нос Арбен. Даже то далекое воспоминание, которое никогда не отпускало его, даже и оно, кажется, потускнело...

С некоторых пор сотрудники не узнавали Арбена. Не то чтобы инженер изменился внешне: разве что походка стала тверже, да сутуловатость исчезла. Разговаривая, Арбен старался смотреть прямо, чего раньше не замечалось. Взгляд его стал тяжелым и «пронзительным», по определению мисс Шеллы. Однако история, рассказанная ею, особого успеха не имела.

— Он вошел вчера в приемную шефа, — без устали рассказывала она всем желающим. — Было уже около часа, а шеф велел мне перестукать отчет четвертого отдела до перерыва. Входит Арбен.

«Добрый день», — говорит.

Отвечаю, а сама пальцы с клавиш не снимаю, — пусть видит, мол, что я занята, и не отнимает время пустым разговором. Знаете, я ведь ненавижу комплименты.

«Вы не могли бы сделать мне сейчас небольшое одолжение?» — говорит Арбен.

«Не могла бы», — отвечаю.

«Понимаете, нужно сходить в лабораторию низких температур, — продолжает он, будто не слышит моих слов. — Нужно взять у Алана Жантильи новый журнал, он получил сегодня бандероль с континента».

«Вот и ступайте», — говорю.

«Не могу, — отвечает. — Я с ним крепко повздорил как-то с месяц назад, а теперь из принципа не пойду».

Тут я подняла голову, а он как посмотрит на меня... Словно кипятком ошпарил. Чувствую, поднимаюсь со стула — против своей воли.

«А если Алан не даст журнал?» — спрашиваю, как дурочка.

«Даст», — самоуверенно улыбается Арбен.

Поворачиваюсь и иду в нулевку, будто кто меня тащит туда, — представляете? А он еще кричит мне вслед:

«Журнал называется «Ядро и космос», не забудьте. Жду вас здесь через десять минут».

И что вы думаете? Все произошло в точности так, как сказал Арбен, — этой фразой, округляя красивые глаза, мисс Шелла закончила свой рассказ.

Но большинство слушателей сбивчивое повествование мисс Шеллы воспринимало скептически. Физики, да и не только они, знали, что в лаборатории низких температур, проще сказать — в нулевке, с недавнего времени работает молодой программист Чарли Макгроун, которому мисс Шелла отдает явное предпочтение перед прочими. Так что таинственная магнетическая сила, заставившая ее отложить в сторону срочное задание шефа, могла быть объяснена довольно просто. Но при чем же здесь Арбен?

Работа у Арбена спорилась. Он сумел — без чьей бы то ни было помощи — проделать тонкие расчеты, которые оказались не по зубам нонному «Универсалу», и слепить затем в своем отделе аналоговое устройство, которого заказчик — военное ведомство — тщетно дожидалось больше года.

О подвигах отдела Арбена прочувствованно говорил в субботу сам шеф. Старик Вальнертон настолько разошелся, что наградил Арбена премией, равной трехмесячному окладу.

И никто не знал, что Арбена еще одолевают присту-

пы страха, что он ведет жизнь затворника (впрочем, он и раньше не отличался общительным характером), а стены комнаты неизвестно зачем тщательно обклеил дешевым пластиком...

В тот вечер, расставшись с Линдой после концерта электронного штурмана, Арбен пришел домой озадаченным. По всей вероятности, Линда не ошиблась. Ей повстречался Альва. Значит, Ньюмор завершил свой труд и выпустил Альву на волю. Что же дальше? Как избежать встречи со своим отрицательным полюсом? Отсиживаться в комнате? Обклеить ионизированным пластиком лаборатории отдела? А как объяснишь, в чем дело? Немало толков вызвал его отказ переехать на новую квартиру, приличествующую должности начальника отдела. «Нечего мне торопиться», — рассудил Арбен.

На всякий случай Арбен, придя к себе после концерта, выключил видеофон и с тех пор не подходил к нему. Так спокойнее. А ведь именно спокойствие рекомендовал ему поддерживать Ньюмор...

Спал теперь Арбен превосходно — не то что прежде. На улице старался показываться как можно реже, лишь в случаях крайней необходимости. До сих пор Альва его не беспокоил, если не считать той встречи с Линдой.

Нет, не такой представлял себе Арбен «жизнь без нервов», безмятежное будущее. Как-то он, занятый своими мыслями, машинально вставил штепсель видеофона. Экран, похожий на огромное окно, внезапно засветился. Кто вызывает его? Через несколько мгновений из глубины всплыло взволнованное лицо Линды.

— Арби, я звоню тебе каждый день. Никто не отвечает. Что случилось?

— Занят, — спокойно ответил Арбен. Больше всего он теперь не хотел возмутить собственное спокойствие, как возмущают зеркальную поверхность пруда, швыряя в него камень.

— Ты не пришел на следующий день.

— Не мог.

— Заболел?

Арбен покачал головой.

— Мы не виделись целую неделю...

В душе Арбена происходила борьба. В нем сражались два желания: одно — смело действовать, критиковать свою фирму, другое — забыть обо всем и снова жить, как раньше. В такие минуты ему казалось, что с того момента, как Альва вышел в город, прошло не семь дней, а бог знает сколько времени. И пусть он проживет еще долго — что толку в такой жизни?

— Прости, Линда. Так получилось...

— Ах, не в этом дело. Скажи, Арби: куда ты пошел, когда мы расстались после концерта?

— Домой.

— Ты уверен, Арби? Это очень важно.

— Я пошел к подземке, сел в вагон и поехал к себе.

— Ты болен, Арби.

— Ну вот еще! С чего ты вдруг? — изумился Арбен.

— Ты серьезно болен. И сам того не знаешь.

— Что же у меня, доктор Линда?

— У тебя... Ты лунатик!.. — выпалила Линда.

— Придумай что-нибудь получше. С тех пор как на Луне сняли карантин, лунатики на Земле вывелись, — резко произнес он.

— Оставь шутки. — Линда приблизила к нему лицо — оно, увеличившись, заняло почти весь экран, Арбену бросились в глаза дрожащие ресницы, старательно наведенные тушью.

— В тот вечер... Ты только думал, что уехал на подземке... А на самом деле... Ты вошел в подъезд следом за мной... поднялся по лестнице...

— А потом?

— Ты ничего не соображал... Будто спал.

Арбен усмехнулся.

— Что же я сделал? — Вопрос прозвучал отрывисто и резко.

— Я остановилась на ступеньке. Ты догнал меня.
— Коснулся?
— Ты не видел ничего вокруг, хотя глаза были раскрыты. Двигался прямо на меня.

— Ну?

— Я посторонилась — ты прошел мимо...

— И поднялся к тебе?

— Нет, — прошептала Линда.

— Куда же... Куда я делся?

— Не знаю.

— Не заметила?

— В этот момент я, наверно, потеряла сознание... На несколько мгновений. А когда очнулась — ты исчез. Словно сквозь стену прошел. Наверно, успел быстро спуститься по лестнице и выйти.

— Чудный сон, — нагло улыбнулся Арбен.

— Если бы сон!.. Сначала я решила, что ты меня разыгрываешь. Потом поняла — это болезнь. Ночь почти не спала... Только под утро забылась... Звонила тебе — видеофон не отвечает... На завтра ты не пришел... А навестить тебя, сам знаешь, невыносимо, если заранее не заказан пропуск. Легче попасть в рай, чем на территорию Уэстерна, — процитировала она пословицу. — Столько дней мы не виделись... Я экран связи чуть не сожгла, пока вот... И еще. Странная вещь. У тебя совсем притупился самоконтроль. Ты не видишь, что надеваешь. На концерт вырядился в магнитные башмаки, будто не на прогулку, а в межпланетный рейс собрался. Но самое смешное — я и сама не заметила сразу, а только потом, когда ты возвратился и догнал меня на лестнице. Гляжу — ты в ботинках невесомости. И вообще ты был такой странный... Собирайся, — заключила Линда.

— Куда?

— Поедем к врачу. У меня есть знакомый, он живет близ Гавани...

— Не надо, Линда!

— Не отказывайся. Это необходимо!

- Врач не нужен.
- А вдруг это повторится?
- Доктор не поможет.
- Не будь тряпкой, — произнесла Линда.

И это она говорит ему, человеку со стальными нервами! Арбен усмехнулся.

— Давай встретимся и все обсудим, — предложила Линда.

- На той неделе... — с усмешкой начал Арбен.
- Сейчас, сию минуту. Нам необходимо поговорить.
- Мы говорим.
- Видеозор не годится. Сам знаешь. Так что?
- Еду, — неожиданно для себя жестко ответил

Арбен.

Он пробежал длинный коридор, миновал проходную и выскочил на проспект, по которому сновали редкие ночные машины.

— Наконец-то!.. — Голос Линды был тих и вздрагивал.

Арбен почувствовал, как горячая волна ударила в сердце.

Они медленно пошли к своей беседке, темневшей поодаль.

- Давно ты здесь?
- Минут двадцать. Продрогла.

Он обнял ее за плечи.

— Арби... Когда я увидела тебя тогда, на лестнице... Мне стало так страшно, как никогда в жизни...

Арбен думал, как сказать Линде то, что шел не он. Сделать это необходимо, и чем раньше, тем лучше. Для этого он и приехал сюда — покончить все разом.

- Линда...
- Что, милый?

— Мы не можем больше встречаться!

Она остановилась, будто натолкнулась на невидимую преграду. Отстранилась от Арбена.

— Понимаю. Значит, ты...

— Ничего ты не понимаешь, Линда, — твердо произнес Арбен и снова оглянулся.

Глухой уголок парка, и в более раннюю пору малолюдный, был сейчас пустынен. Арбену почудилось — впереди что-то забелело. Бежать? Поздно, Альва догонит: мышцы Арбена скованы страхом. Нет, это береза, ствол белеет в темноте. Арбен перевел дух.

Он взял девушку за руку. Линда безвольно пошла за ним.

Узкий серп луны слабо светился. Арбен ступил в кружевную тень, отбрасываемую резной стеной беседки. Пластиковая скамья была холодной и влажной от ночной росы.

— Перестань говорить загадками. — Голос Линды звучал устало. — У меня хватит мужества. — Она подняла на него глаза. — Ну, скажи. Другая?

— Ты у меня одна, — покачал головой Арбен.

— Правда? — вырвалось у Линды.

Однако Арбен в эту минуту не походил на человека, говорящего ложь.

— Это правда? — горячо повторила Линда. — Так почему ты сказал, что мы должны расстаться? Из-за того, что ты болен? Да?

Арбен не ответил. Линда, истолковавшая его молчание как подтверждение своей догадки, продолжала:

— Глупый. Я ведь давно заметила это, больше месяца назад. Но не могла сразу понять, в чем дело. Сначала относилась все за счет твоих странностей, затем решила, что ты вздумал подшутить надо мной. Только после того вечера, после концерта... Тогда мне стало ясно, что ты серьезно болен, но не знаешь об этом. — Девушка подставила ладонь под лунный луч, будто хотела поймать его. — Ничего, мы что-нибудь придумаем, Арби. Выглядишь ты неплохо. Даже поздоровел. Нет, Арби, нет! — вдруг вскрикнула она.

— О чем ты? — не понял Арбен.

— Перестань оглядываться!

Арбен собрался что-то сказать, но Линда опередила его:

— Ты вылечишься, я верю, и все будет хорошо. Сейчас отлично лечат любые нервные заболевания. Мне говорил один физик, который увлекся биологией...

— Я совершенно здоров. А кто говорил? Ньюмор?

— Ньюмор, — колебавшись, ответила Линда. — Он рассказал мне потрясающую вещь. Жаль, я не все поняла. В общем, он говорит, что изобрел, или почти изобрел, такую штуку, которая может впитывать нервные недуги, как губка.

— Вот как? — озабоченно произнес Арбен. — А что еще говорил Ньюмор?

— Только ты не проговорись ему, — спохватилась Линда. — Ньюм просил никому... Кажется, он здорово хватил лишнего и нес бог знает что, всякую ерунду. Но о тебе он самого высокого мнения... Так не скажешь?

— Не скажу, — заверил Арбен.

— Фантазии Ньюмора можно позавидовать. Например, Ньюм уверял меня, что по мере того как эта губка перекачивает в себя болезни какого-нибудь человека, она начинает все больше на него походить, так что, в конце концов, их вообще не отличишь друг от друга. По-моему, чепуха, правда?

— Возможно, — нахмурился Арбен. — И что же дальше с этой губкой?

— Она начинает жить своей жизнью — как бы отражением жизни хозяина, того, на кого она стала похожей. Так и существует этот призрак. Он вечно стремится разыскать свою половину, чтобы слиться с ней. Но человек должен избегать встречи.

— Избегать?

— Ну да, если они встретятся, будет плохо. Я не совсем поняла, потому что Ньюм к этому времени еле ворочал языком, — никогда до этого не видела его таким пьяным. Как он назвал эту штуку, которая произойдет при встрече...

— Аннигиляция? — подсказал Арбен.

— Вот-вот, — обрадовалась Линда.

— Забавно. И что, он уже проделывал подобные опыты?

— Нет.

— Почему?

— Говорил, нет желающих. Но сказал: не верю, чтобы в наш век таких не нашлось. Мне предлагал. Хотя и не был уверен, что я подойду для этого эксперимента.

— А ты?

— Отказалась, конечно. Из-за дурацких затей рисковать жизнью? Очень нужно!

— Из-за дурацких затей, — медленно повторил Арбен. — А если человек готовится к космическому рейсу, ему нужны смелость, крепкие нервы, душевное равновесие. Так почему бы не избавить его от гнета воспоминаний...

— Даже с риском для жизни?

— Даже с риском для жизни!

— Странно ты говоришь... — заметила Линда, видимо удивленная холодноватым уверенным голосом Арбена. — А может, Ньюмору и удастся чего-нибудь достичь. Кажется, он собирался для начала проделать свой опыт на собачке.

Они помолчали.

— Похоже, ты всерьез поверил в выдумку Ньюмора? — нарушила Линда паузу.

— А почему бы нет?

— От воспоминаний, от забот не убежишь, я знаю, — задумчиво произнесла Линда. — А наши заботы — это наши болезни. Разве можно убежать от себя?..

Когда они вышли из беседки, узкий серп луны миновал зенит и приметно склонялся к горизонту.

— Дай слово, что будешь лечиться, — потребовала Линда.

Арбен молча усмехнулся.

Усилием воли он заставлял себя не оглядываться.

Наверно, не следовало приезжать сюда. Несмотря на крепкие нервы, он все-таки вышел из равновесия, и, возможно, Альва — комок его прежних забот, радостей, огорчений — уже бродит где-то поблизости. Но что сделано — то сделано.

Честно говоря, Арбен не думал, что отказаться от Линды будет так тяжело. Привычка оказалась более сильной, чем ему казалось. И все-таки надо разорвать и эту, последнюю, привязанность, чтобы выполнить условия, поставленные Ньюмором. А Ньюмор-то болтун! Вот уж не думал. Но что, собственно, стряслось? То, что он рассказал о своем проекте Линде, ничего, в сущности, не меняет. Рано или поздно бесплотный Альва станет секретом полишинеля. Ньюмор возьмет патент на свое изобретение, разбогатеет. От богатых клиентов не будет отбоя — простому человеку такая штука не по карману. За рекламой Ньюмор не постоит — парень хваткий. И неплохой, в общем-то, — с инженера он не взял ни одного жетона. Но почему у Ньюмора так бегали глаза, когда он уговаривал Арбена согласиться на опыт? Уж не играет ли он, Арбен, роль подопытного кролика?! Нет, это немыслимо. Ведь он готовит Арбена к многолетней экспедиции.

Запоздалой парочке повезло — когда они вышли из парка, мимо входа медленно катила свободная машина.

Город спал нервно, беспокойно. Некоторые окна светились. Наверно, за ними были люди, чрезмерно обремененные заботами. Арбен откинулся на мягкую спинку с чувством превосходства. Нет, он не такой, как все. Пусть Арбен опасается встречи с Альвой — зато уж больше ему не о чем беспокоиться. Разве это не то, о чем мечтает каждый?..

— Боже, как поздно, — озабоченно пробормотала Линда, когда автоводитель притормозил машину у ее дома. Арбен расплатился, она выскочила, торопливо произнесла «до завтра» и нырнула в подъезд. В тот же самый момент Арбен заметил мужскую фигуру — она

показалась из-за угла. Поздний прохожий деловито шел. Голова его была опущена, а шаги — совершенно беззвучны. Когда он ступил в желтый круг, отбрасываемый фонарем, Арбен узнал себя — узнал Альву.

«Счастье, что Линда вошла уже в дом» — такова была первая мысль, мелькнувшая у Арбена. Но он тут же сообразил, что камень стен и дубовые двери — не преграда для Альвы.

В странном оцепенении, сковавшем тело, Арбен готовился к худшему. Однако Альва не глядел в сторону машины. Он направлялся к дому, в котором минуту назад скрылась Линда.

«Стой!» — мысленно крикнул Арбен. Альва уменьшил скорость — шаги его замедлились, и у самого подъезда он остановился, как бы повинувшись приказу. Затем медленно, словно во сне, повернулся к машине. Лицо его просветлело, на миг попав в освещенную полосу. Альву от Арбена отделяло несколько десятков шагов.

— Поехали, — очнувшись, приказал Арбен.

Но машина оставалась неподвижной.

Между тем Альва приближался, с каждым шагом наращивая скорость.

— Скорей! — выкрикнул Арбен и ударил кулаком по пульту.

Автоводитель — плоский ящик, изукрашенный сигнальными лампочками, — был невозмутим.

Еще два-три хороших прыжка...

Выскочить? Он с силой ударился плечом в дверцу, боль на миг отрезвила Арбена. Ну конечно!.. Как это у него вылетело из головы? Задаток! Арбен выхватил из кармана горсть жетонов и, не считая, протолкнул их в жадную щель. Реле щелкнуло, и на панели вспыхнул глазок, означающий готовность.

— Полный вперед! — выдохнул Арбен. Его вдавило в сиденье. Машина пулей проскочила старую улицу, чудом минуя углы допотопных чудищ-домов, и вылетела

на проспект. Пунктирные огоньки вдоль шоссе убегали вдаль, теряясь в ночи.

Арбен успел еще заметить, как Альва попытался бежать следом за машиной, но лишь медленно поплыл в воздухе, между тем как ноги его быстро задергались, словно у паяца, едва касаясь мостовой. «Ограничитель скорости, — понял Арбен. — Он не может превысить три мили в час». Дергающаяся фигура исчезла за поворотом.

«Почему он преследует Линду? Вреда причинить он ей не может... Но ведь ищет-то он меня, и только меня, черт возьми! В чем же дело?»

Бешеная езда успокоила Арбена. «Счастье, что Нью-Йорк поставил ограничитель. И счастье, что я вовремя оказался в машине», — самоуверенно подумал Арбен.

С некоторых пор Арбен почти перестал ходить пешком, хотя когда-то был ревностным сторонником этого странного нынче способа передвижения. Даже сто ярдов он предпочитал не пройти, а проехать. Теперь к его услугам был тупорылый «линкольн» последнего выпуска, недавно приобретенный.

Сослуживцы терялись в догадках, обсуждая его быстрое возвышение. Раньше они старались избегать взгляда старшего инженера. Теперь он знал: тот, кто встретится с ним взглядом, выполнит любой приказ. Но Арбен не торопился этим пользоваться.

Еще не разбогатев, но обзаведясь достаточным количеством жетонов, Арбен заказал себе машину. Модель, сделанная по его собственному чертежу, имела странный вид: вся она состояла из прямых углов и ровных, словно зеркало, плоскостей. Никакого намека на плавность, на обтекаемые закругленные линии, характерные для новейшей автомобильной моды. Ее кузов представлял собой геометрически правильный параллелепипед.

Работники автомобильной фирмы были заинтригованы

столь необычным заказом, но, естественно, любопытство свое не проявляли: давно известно, желание клиента — закон. Тем более клиента, который на свои прихоти (а что это, как не прихоть?) не жалеет жетонов.

Заказ был выполнен быстро, оставалось уточнить кое-какие детали. Арбен осматривал кубическую кабину машины, проверял, не искривлены ли плоскости, удовлетворенно хмыкал.

— Какую желаете обивку на сиденья? — спросил у него техник по дизайну.

— Все равно.

— Сейчас в моде темно-вишневая...

— Прекрасно.

— Что касается внутренней поверхности кабины... — продолжал техник.

— Кабиной я займусь сам! — резко перебил Арбен.

Разговоры сослуживцев об Арбене и его карьере были лишены, как ни странно, оттенка зависти.

— А ведь он, в сущности, неплохой парень, — так говорили теперь о нем те, кто какой-нибудь месяц назад терпеть его не мог.

Если Арбен раньше отличался крайней вспыльчивостью и вздорностью характера, то теперь он был покладист и добр, и это отмечали — редкий случай! — все без исключения. Как-то незаметно к Арбену, бывшему раньше чуть ли не отщепенцем, люди стали обращаться со всевозможными просьбами, часто не связанными ни с проблемами, волнующими отдел, ни вообще с Уэстерном.

Внешне это был тот же Арбен, разве что посвежевший и поздоровевший с виду, но как будто кто-то наделил его новой душой, щедрой и отзывчивой.

Итак, инженер Арбен предстал перед всеми, с кем общался, в новом свете. Но и сам он все увидел по-новому.

Мисс Шелла, к которой он раньше относился с неприязнью (надо сказать, это чувство было взаимным),

казалась теперь Арбену совсем иной. Что общего было у той злюки с этой, уже начавшей блекнуть женщиной? Трагическая складка, едва обозначенная в уголках ее губ, говорила Арбену куда больше, чем ее крикливая и в чем-то жалкая красота.

И каждый человек, с его мелкими горестями и радостями, стал кровно близок и дорог Арбену. Он готов был помочь — и помогал любому, кто в этом нуждался.

И удивительная вещь! Шеф, который терпеть не мог, как он неоднократно говорил, слютяев, испытывал, подобно другим, необъяснимую симпатию к преображенному Арбену. Сам шеф — олицетворение железной воли и удачи, которые позволили ему из рассыльных стать миллионером.

Но сейчас Арбен видел шефа совсем другим. Какой же это счастливчик, избранник судьбы? В сущности, это несчастный старик, подавленный огромной ответственностью. Ежесекундно дрожать за свою шкуру — какое уж тут счастье! За начальственными окриками — Арбен это ясно видел — скрывается панический страх: один неверный ход — и дивиденды компании вылетят в трубу, и тогда подлинные, хотя и неизвестные простым смертным, хозяева Уэстерна, а также конкуренты сожрут старика Вальнертона, как раненого волка его сородичи.

Грозный олимпиец шеф теперь стал ему так же понятен, как и престарелый Дон Флеш, отставной космонавт, единственный из сотрудников охраны, которого невесть за какие заслуги перед компанией все еще не заменили стандартным роботом с фотоэлементом.

Как-то Арбен столкнулся с лаборантом Грино.

— Вы-то мне и нужны, — обрадовался Арбен. — Подежурьте ночь у нового прибора!..

Юноша сделал произвольный жест.

— Не бойтесь, — улыбнулся Арбен, неправильно истолковавший его движение. — Я в вашем возрасте тоже мало что смыслил... Но тут не потре-

буется особой квалификации. Я все сейчас объясню. Да что с вами?

— Я... не смогу остаться сегодня, — в отчаянии выпалил Грино. И тут же припомнил отрывок из устава Уэстерна, с которым его ознакомили во время долгой и унижительной процедуры оформления на службу: «Неподчинение старшему по работе влечет за собой...»

— А что случилось?

— Семейные обстоятельства... Я говорил вам...

Арбен нахмурился. Тень воспоминания пробежала по его лицу. Он явно силился припомнить что-то, но не мог.

— Хорошо, Грино. Ступайте домой, — сказал он наконец.

— И... когда прийти?

— Когда сможете.

— За расчетом?

Арбен пожал плечами:

— Я не собираюсь вас увольнять.

— А кто же будет ночью дежурить?

— Я, — сказал Арбен.

Отчего не подежурить ночь, не потрянуть стариной? А этому мальчишке, по всему видно, несладко придется... То, что раньше Арбену казалось невозможным, теперь стало естественным.

Теперь математический расчет Арбена был безошибочен, а его хладнокровие и смекалка стали нарицательными. Так что были, наверно, причины, по которым шеф проникся к нему безграничным доверием. Злые языки поговаривали, что тут не обошлось без гипноза, но мало ли у каждого из нас недоброжелателей.

Некоторые, впрочем, всерьез верили в таинственную силу, излучаемую Арбеном. Мисс Шелла — та вообще закрывала ладонью глаза и отворачивалась, завидев Арбена. Правда, делала она это всякий раз с шутливой улыбочкой.

Арбен чувствовал себя сверхчеловеком, волевым и уверенным в себе. За что он ни брался — все удавалось.

Приступая к тончайшему эксперименту, он сразу видел суть, схватывал главное, оставляя подчиненным второстепенные детали.

Он шутя стал чемпионом Уэстерна по плаванию, — ранее равнодушный к воде, а к спорту вообще относившийся с отвращением. Причем новый спортивный титул он получил без всяких тренировок. Просто зашел однажды в купол, где помещался спортивный комплекс. На водяных дорожках как раз проходили соревнования, и Арбен вдруг решил посостязаться.

Шеф прощал своему новому любимцу любые причуды, например то, что тот обклеил все стены в отделе бесцветным пластиком.

Видеофон в своей комнате он снова отключил, и отчаянные звонки Линды его больше не беспокоили.

* * *

— Вот так встреча! — удивился Ньюмор. Удивился искренне: он не хотел этой встречи и сделал все, чтобы избежать ее.

— Да, действительно, — криво улыбнулся Арбен, пожимая холодную руку.

Он четыре часа прождал за углом дома, который называли мозговым центром. Сидеть в машине было не очень-то весело. Испортилось отопление, и он оковался, а выйти себе не позволял: Альва стал в последнее время дьявольски чуток. Кабина была обклеена пластиком, и здесь Арбен был в безопасности. Если бы можно было и костюм сделать из пластика!..

О том, что Ньюмор бывает в этом доме, Арбен узнал случайно: шеф накануне вскользь упомянул, что физик Ньюмор стал вхож в высшие сферы, поскольку там заинтересовались каким-то его новым изобретением.

Арбен давно уже хотел встретиться с Ньюмором, но последний был неуловим. Словно стена окружала знаменитого физика. Никто из тех, к кому обращался Арбен, не знал его нового местожительства.

Что подумали бы коллеги, увидев самоуверенного Арбена, смиренно прячущего нос в воротник? Сидя в машине, Арбен время от времени оглядывался. Пока Альвы не было.

Погруженный в свои мысли, Арбен едва не пропустил Ньюмора: его каплевидный «молек» на воздушной подушке плавно подплыл вплотную к входу. Только когда черная торпеда зашипела и плавно опустилась на асфальт, Арбен спохватился. Он выскочил из своей машины, в три прыжка покрыл расстояние и показался из-за колонны в тот самый момент, когда Ньюмор уже открывал бронированную дверь.

По выражению лица своего клиента Ньюмор понял, что от разговора ему не уйти. Все же он сделал попытку:

— У меня важное дело. Может быть, договоримся о встрече в более подходящее время?

— Неизвестно, когда наступит такое время. Я больше ждать не хочу. А тебя разыскать невозможно!

— Ладно, — решил Ньюмор. — У меня есть несколько минут. — Он озабоченно глянул на часы. — Только здесь, пожалуй, неудобно...

Арбен стоял рядом, казалось, готовый вцепиться в Ньюмора, если тот вздумает улизнуть.

— Здесь через два дома есть неплохой ресторанчик... — сказал физик и взял Арбена под руку.

Арбен спешил, стараясь побыстрее пройти открытое место.

— Как ты разыскал меня? — спросил Ньюмор, когда они сели за столик.

— Проезжал мимо, — небрежно бросил Арбен. — Вижу — знакомое лицо.

Ньюмор покосился на его лицо, посиневшее от мороза, и ничего не сказал.

— Как ведет себя Альва? — спросил Ньюмор. — Надеюсь, не очень беспокоит?

— Поэтому я и искал тебя, — не совсем последовательно ответил Арбен.

— Помнишь, о чем мы договорились? Эксперимент продлится год, больше можно, но никак не меньше. А прошло только два месяца.

— Сегодня шестьдесят четвертый день.

— Это не меняет дела. Пойми, я вложил в эту штуку все свое состояние. Если прервать опыт — все погибло. А чем тебе плохо? Ты стал сверхчеловеком и не выложил за это ни одного жетона.

— Альва ведет себя странно. Кстати, ты можешь объяснить мне, почему он сначала оказывал больше внимания Линде, чем мне — своей биологической половине?

— Как это? — спросил заинтересованный Ньюмор, ставя на место недопитый стакан.

Арбен рассказал. Ньюмор живо расспрашивал о подробностях, затем задумался.

— Неужели Альва развивается не так, как я предполагал? — сказал он как бы про себя. — Нет, дело в другом. — Он хлопнул по столу так, что бутылка подпрыгнула. — Понимаешь, она слишком много о тебе думает. Больше, чем ты сам о себе.

Встревоженный Арбен смотрел на его помрачневшее лицо.

— Линда ничего тебе не говорила? — неожиданно спросил Ньюмор, откинувшись на спинку стула.

— О чем?

— Обо мне, об Альве.

— Мы не видимся.

— А раньше?

— Разве Линда в курсе?

— Спрашиваю я, а не ты, — резко бросил Ньюмор.

— Никогда мы об этом не говорили, — так же грубо отвечал Арбен.

— Ладно, — сказал Ньюмор. Казалось, он принял какое-то решение. — Чего ты хочешь от меня?

— Ньюмор, верни все как было. Лучше я никуда не полечу.

Ньюмор хранил молчание.

— Я согласен: пусть вернутся мои прежние недостатки, — пробовал пошутить Арбен.

— Как ты это представляешь? — ледяным тоном спросил Ньюмор.

— Убей его!

— Рассуждаешь как младенец, — пожал плечами Ньюмор. — Я же объяснял тебе, когда подписывали контракт, что уничтожить Альву после того, как вы стали двойниками, все равно что уничтожить половину тебя самого, сжечь половину каждой твоей клетки. Ты становишься смелее, твой страх скоро совсем пройдет.

— Он уже прошел, — сказал Арбен.

— Проявляй элементарную осторожность, и все будет в порядке, — продолжал Ньюмор.

— Альва преследует меня.

— Не надо было соглашаться.

— Я не думал, что так будет. И потом, ты говорил совсем другое...

Ньюмор глянул на часы.

— Ньюмор, перепиши с него обратно на меня всю информацию, — быстро заговорил Арбен. — Я заплачу тебе неустойку. Любую сумму... Это я говорю тебе как приказ.

— Альва погибнет, — покачал головой физик.

— Сделаешь другого!

— Второго Альву мне не создать.

— Значит, не хочешь?

— Не могу. — Ньюмор приготовился встать.

— Ах, так! — Арбен побагровел. — Знай же, негодяй, я выведу тебя на чистую воду. Подопытный кролик дорого тебе обойдется. Во всяком случае, дороже собаки.

— Успокойся, — поднял руку Ньюмор. — Слишком уж ты стал самоуверен.

Соседи начали обращать на них внимание.

— Хватит! Ты меня достаточно успокоил. Разве я могу волноваться? Ты же сделал мои нервы железными.

— Не будь идиотом. Накличешь Альву — пеняй на себя.

— Ньюм... В память нашей дружбы... Почему ты решил воздвигнуть свой дворец именно на моих костях?

— Ты не в своем уме. Поговорим, когда придешь в себя, — сказал Ньюмор и поднялся.

Арбен молниеносным движением опрокинул столик и вцепился ему в горло. Звон разбитого стекла смешался с криками посетителей. Официант с застывшей улыбкой мчался к ним через весь зал. Ньюмору с трудом удалось отодрать пальцы с горла, но долго состязаться с Арбеном в силе и ловкости он был не в состоянии, хотя считал себя неплохим самбистом. Через секунду Арбен подмял его под себя, пригвоздив коленом к полу.

— Согласен? — спокойно спросил он, не обращая внимания на крики людей, столпившихся вокруг.

— Пусти, — прохрипел Ньюмор.

— Я задушу тебя, как котенка. Силы, спасибо, у меня хватит.

— Где же полиция? — истерически выкрикнул женский голос. — Он убьет его. Помогите же, мужчины!

Но никто не решался вступить за поверженного Ньюмора. Каждый поглядывал с опаской на атлетическую фигуру Арбена. Казалось, она излучала силу, внушавшую страх. А может, это подействовал взгляд Арбена, которым он медленно обвел зрителей? Передние понялись.

Сразу, словно по команде, толпа начала редеть. Люди торопливо расходились по своим столикам, стараясь не смотреть друг на друга.

— Видишь? Кое-чем я тебе все-таки обязан. Ну?.. — Арбен снова протянул руку к горлу противника. — Я дал тебе достаточно времени подумать.

— Хорошо, — неожиданно сказал Ньюмор. — Черт

с тобой. Возвратим тебя в прежнее состояние. Альву придется угробить.

— Гарантия? — коротко сказал Арбен. Он взглянул на мужчину, который только что вошел в зал и подошел поближе, заинтересованный скандалом. Глаза их встретились, и человек, охнув, попятился назад, опрокидывая стулья.

— Мое честное слово.

— Не пойдет.

— Пусти меня, и поговорим по-человечески, — взмолился Ньюмор. — Все равно я в твоих руках.

Арбен расплатился с перепуганным официантом, и они вышли. Ньюмор слегка прихрамывал.

— Вот сюда, — указал Арбен на уголок за пыльной пальмой.

— Можно завтра же начать, — сказал Ньюмор, не глядя на собеседника.

— Вот это разговор.

— У тебя машина обклеена пластиком?

— Конечно. Я бы и одежду сделал из пластика, если бы это было можно. Тогда бы и вашу милость не пришлось беспокоить.

— Гм, это называется беспокоить, — задумчиво произнес Ньюмор, касаясь пальцем здорового синяка на горле.

— Не придирайся к мелочам. Ты сам виноват, что заставил меня принять крайние меры.

— Лучше всего будет, если ты приедешь завтра прямо ко мне.

— К тебе, голубчик, не проникнешь.

— Я дам пропуск.

Ньюмор полез в карман, вынул узкий блокнот и, набросав несколько слов, вырвал листок и протянул его Арбену. Тот внимательно прочел текст и удовлетворенно кивнул. В углу листка красовался вензель, который — Арбен знал это — раскрывает почти любые двери.

— Сегодня ничего не пей, — сказал Ньюмор, глядя, как Арбен складывает бумажку. — И завтра с утра тоже.

— Даже воды?

— Я имею в виду виски, — пояснил Ньюмор.

— Два месяца уже не пробовал. И запах забыл.

— А раньше, до Альвы, ты, помню, увлекался.

— Потребность исчезла. Желаний никаких нет, все делаю усилием ума. — Он похлопал ладонью себе по лбу.

— Зато стал силен, как буйвол.

— Что толку? Я хочу жить как все, радоваться и печалиться со всеми. А у меня ощущение самодовольной рыбы в аквариуме, диковинной рыбы. Временами мне кажется, что кровь у меня стала холодной, как у рыбы. Во мне остался один расчет. Знаешь, — доверительно улыбнулся Арбен, — у меня за это время столько дел накопилось, и все неотложные... Линду не видел целую вечность...

— Ничего, теперь увидишь, — сказал Ньюмор, непонятно глядя на Арбена.

— Забудем прошлое, Ньюмор, — сказал Арбен. — Ты мог увлечься, я понимаю и не виню. Я сам, когда ставлю эксперимент, забываю все на свете... И готов не упасть ни себя, ни других. А что касается убытка... Знай: все, что у меня есть, — твое.

— Я ничуть не увлекся. — Ньюмор глядел в одну точку. — Только по твоей вине срывается опыт.

— Опыт... — повторил Арбен. — При чем тут опыт? Ты готовишь меня к полету...

— Я ничего не скрывал от тебя. Раскрыл карты с самого начала. Ты мог тогда отказаться.

— Не все карты, Ньюмор, ты раскрыл, — покачал головой Арбен. — Линде ты рассказал немного больше, чем мне.

По тому, как окаменело лицо Ньюмора, Арбен понял, что сказал лишнее.

— Надеюсь, теперь я свободен? — сказал Ньюмор и отвел в сторону широкий лист пальмы.

— До завтра, — посторонился Арбен. — Стоп, а ты не удерешь? Куда-нибудь на континент, с попутным ветром?

— Не уеду, не бойся, — сказал Ньюмор, и Арбен понял, что он не лжет.

Арбен вышел. До машины дошагал, ни разу не оглянувшись.

Машина резво взяла с места. Арбен отключил автоводитель и сам сел за руль. Хотелось действовать. С завтрашнего утра начнет редеть пелена, отделяющая его от остальных людей.

Занятый мыслями, Арбен вел автомобиль машинально, мало что видя. Впрочем, уличными жертвами это не грозило. Роль Арбена как водителя сводилась, пожалуй, только к вращению наполовину бутафорского штурвала. Это лишь считалось, что человек, да еще в городской черте, может самостоятельно вести машину. Так было когда-то. А теперь машину в любом случае вели приборы. Локатор нащупывал дорогу, выяснял, нет ли на дороге препятствий и не могут ли они появиться — будь то машина, выезжающая из переулка, или кошка, перебегающая улицу.

Правда, Арбен отключил автоводитель, но это значило немного. Автоводителю задавалась конечная точка маршрута — место, куда желает попасть хозяин. Сев за руль, Арбен мог по собственному произволу выбирать улицу, но и только. Скорость машины, линия движения — все устанавливалось электронной аппаратурой. Этим достигалась безопасность уличного движения. Арбен не смог бы при всем желании задавить даже бродячую собаку — любое движущееся существо объезжалось, а если объект был неподвижен и преграждал путь — срабатывала тормозная система и машина останавливалась. Хозяин мог тысячу раз спешить — это его дело. Он мог опаздывать на важное свидание — это

опять-таки его дело. А дело инфраглаза — предотвратить малейшую вероятность катастрофы.

Улица сменяла улицу, новые здания, будто парящие в невесомости, перемежались старыми каменными коробками — Арбен не замечал ничего. Он все еще был полон недавним разговором с Ньюмором. Победа досталась с трудом. Конечно, и Ньюмору несладко — расстаться с Альвой, в которого он столько всего вложил. Когда Арбен заберет у него обратно свою информацию, Альва погибнет, это неизбежно. Жаль Ньюмора. Но, с другой стороны, почему Арбен должен терять свою самобытность? Ньюм во многом обманул его. Так друзья не поступают. Пусть теперь и расплачивается.

Не доезжая нескольких шагов до универсального магазина «Все для всех», Арбен притормозил, подкатил к тротуару. Близился к концу рабочий день, и прохожих было много. Выходить из машины Арбен не стал: в толпе Альве легче затеряться — его можно не заметить до самого последнего момента. Другое дело, когда вокруг безлюдно, — тогда опасность меньше.

Арбен всматривался в лица людей, идущих по тротуару. Вот торопится мужчина средних лет. Он обременен свертками, не говоря уже о чудовищно разбухшем портфеле. В глазах застыло выражение терпеливой скорби, верно, замучили заботы. Спроси его — наверное, ответит, что он самый несчастный на свете. И не знает, что человек, сидящий в этой роскошной машине, захотел стать таким же... Да, да, этот самый преуспевающий счастливчик с ровным румянцем во всю щеку.

Десяток шагов — словно доска, переброшенная через пропасть. Внезапно Арбен заметил знакомое лицо. Вообще память у него уже два месяца была абсолютной. Он мог без труда припомнить малейшие детали двадцатилетней давности. Лицо, мельком увиденное когда-то, теперь всплывало в памяти, словно изображение на монете, с которой искусный нумизмат отмыл кислотой слой веков. Правда, это относилось только к приятным воспо-

минаниям. Что же до неприятных — они словно растворились...

Девушка, равнодушно скользнув глазами по машине, прошла мимо. Арбен забарабанил в толстое смотровое стекло. Она обернулась. Это ее зовут? Кажется, она не давала повода... Девушка пожала плечами и хотела продолжать свой путь, но в последний момент ей бросилось в глаза зовущее выражение лица человека, сидящего за рулем. Она подошла к машине. Форма на девушке сидела ловко. На рукаве красовался фирменный знак ВДВ, что означало «Все для всех». Арбен узнал девушку сразу — в прошлом году в парке Линда показала ее:

— Работает в нашем отделе.

Девушка тогда скользнула по нему взглядом, словно по неодушевленному предмету. Теперь она недоуменно смотрела на незнакомого человека, делавшего ей призывные знаки.

— Вы из парфюмерного? — прокричал Арбен сквозь толстое стекло.

Девушка кивнула.

— С вами работает Линда Лоун?

Она показала на уши, затем на дверцу, предлагая ее открыть.

— Линда! — снова крикнул Арбен, делая вид, что не заметил знака.

Расслышав имя подруги, девушка закивала. Кое-как Арбен сумел втолковать ей свою просьбу.

— У нас строгий начальник. Вряд ли отпустит, — изловчился он прочесть по ее шевелящимся губам.

— Вы только передайте ей, — попросил он.

— Как ей сказать — кто зовет? — спросила девушка, скрывая в глазах любопытство.

— Скажите — друг...

— Что? — Ей показалось, она ослышалась.

Арбен повторил. Девушка поспешно направилась к магазину. Перед тем как ступить на веселый ручеек лен-

ты, бегущей внутрь от самой двери, она оглянулась на странного человека.

Сердце Арбена тревожно забилося. Ощущение, от которого он успел уже отвыкнуть. Из дверей универмага вышла Линда. Фирменный чепчик сбился в сторону, открыв рыжий локон. Она сделала два шага и беспомощно оглянулась. Затем заметила Арбена и быстро подошла. Дорогая машина, видимо, удивила ее. Арбен открыл дверцу и протянул Линде руку. Затем поспешно захлопнул дверцу.

Они перекинулись несколькими незначительными фразами, будто расстались только вчера. Между тем прошло уже...

— Моя напарница уверяет, что ты не в себе. — Линда покрутила пальцем у лба и улыбнулась.

— Может быть, она и права, — серьезно сказал Арбен.

— Прости, — смешалась Линда. — Сболтнула не подумав. Как ты теперь себя чувствуешь?

— Лучше. Гораздо лучше.

Линда расцвела от слов Арбена.

— И у врача был? Молодец, — продолжала она, не дождавшись ответа. — Что он назначил?

— Так, всякие пустяки.

— Но ты все выполняешь?

— Само собой. Между прочим, завтра начнется решающая процедура.

Арбен был благодарен Линде за то, что она не спрашивала его. Он приготовил несколько фраз в оправдание своего отсутствия и был рад, что их не пришлось пустить в ход.

— У нас долгий разговор? — озабоченно спросила Линда.

— Что, начальник строгий?

— Откуда ты знаешь? — удивилась Линда. — Помоему, я никогда тебе не жаловалась...

— У нас серьезная беседа. Обойдутся без тебя, — посоветовал Арбен.

— Хорошо, — сказала Линда, немного поколебавшись.

Арбен нажал стартер.

— Куда поедем?

— За город, — предложила Линда. — Подышим.

— Далеко, — покачал головой Арбен.

— Ну, куда хочешь, — сказала Линда.

Арбен все еще чувствовал себя виноватым перед Линдой. Время от времени он поглядывал на ее тонкий профиль, уже подсвеченный вечерним неоном. Она о чем-то думала, положив руку на баранку руля. Арбену вдруг захотелось прижаться щекой к смуглому запястью.

— Цыганочка, — негромко сказал он.

— Хорошо с тобой, — вспыхнув, сказала Линда.

— Весь вечер — наш. Вволю покатаемся. Потом заедем куда-нибудь поужинать. Что ты скажешь, например, об Итальянском ресторане? Говорят, там бесподобные спагетти с сыром. — Он многозначительно похлопал себя по карману.

— Арби, откуда у тебя появились деньги? И эта машина — чья?

— Моя. Вернее, наша.

— Но раньше...

— Не беспокойся, — перебил Арбен, — я заработал ее честным трудом. За последний месяц я получил кучу жетонов. — Он посмотрел на бегущие назад разноцветные купола — машина выехала на центральную улицу — и добавил: — В какой-то мере это связано было с моей болезнью...

— Такая большая страховка? — удивилась Линда.

— Не то. Видишь ли, болезнь вызвала обострение, что ли, мыслительных способностей. В общем, котелок стал лучше варить. Ну а Уэстерн, если ему угодишь, за

деньгами не постоит. Вот я и думаю: может, и лечиться не стоит?

— Не болтай глупости, — резко сказала Линда. — Как ты можешь говорить такое?

— Я пошутил, цыганочка.

— Такие шутки жестоки.

Дорогу Арбен выбирал наугад. Машина знала свое дело. Ловко и аккуратно поглощала она пространство.

— Как хорошо, что завтра начинается твой курс лечения! А жетоны... бог с ними. И к таким игрушкам, — она погладила темно-вишневое сиденье машины, — я равнодушна. Ты только больше не исчезай, ладно? А то расстанемся опять...

— Мы можем и не расставаться, — медленно произнес Арбен, — стоит лишь тебе пожелать. Видишь ли, есть на свете один дуралей, который готов отказаться от славы и повергнуть к твоим стопам... — Арбен запнулся, не зная, как закончить высокопарную фразу. Спасла положение Линда, звонко расхохотавшаяся.

О многом говорили они в этот вечер. Но больше всего — о будущем.

— Давай уедем, — сказал Арбен. — Далеко-далеко.

— На побережье, — произнесла Линда, не открывая глаз.

— На побережье, — согласился Арбен. — Я наймусь на какую-нибудь автостанцию. Механиком, ремонтником — кем угодно.

Линда открыла глаза.

— Видишь ли, я не уверен в том, что произойдет в результате предстоящей процедуры, — пояснил Арбен, отвечая на ее вопросительный взгляд.

Линда кивнула.

Город за стеклами машины казался призрачным, нереальным. То ли сон, то ли видение. Встряхнись — и он исчезнет...

— Через неделю сможем уехать, — сказал Арбен, сворачивая в улицу, узкую, как ущелье.

— Хоть завтра. Так надоело все...

Линда умолкла. У губ ее обозначились две горькие складки. Арбен подумал, что ей не так легко и просто жить, как могло бы показаться со стороны. Но она была мужественна и никому не жаловалась.

— Завтра не получится. Надо закончить кое-какие дела, — сказал Арбен.

— Это связано с твоим лечением? — догадалась Линда.

Арбен кивнул.

Ньюмор, словно по уговору, ни разу не упоминался, и Арбену это почему-то было приятно.

Линда не могла бы словами выразить то, что было у нее в душе. Странное лечение. Лечение, в результате которого тускнеют блестящие умственные способности и человек становится рядовым, заурядным. Может быть, и гениальность не более чем психическое отклонение? Как знать, что возвышает гения над остальными? Не мысли, а тени подобных мыслей носились у Линды в голове, но выразить их она вряд ли сумела бы.

— Несколько дней я буду очень занят, — сказал Арбен и потрогал в кармане вчетверо сложенный блокнотный листок.

— Понимаю. Ничего, уедем позже. Ближе к весне.

Машина резко тормознула. Стайка ребятишек выскочила из-под ее тупого носа. Опасности, конечно, никакой не было — все скорости и импульсы были рассчитаны, когда машина еще только свернула на эту улицу.

— Скажи, ты думаешь обо мне? — неожиданно спросил Арбен.

— Иногда, — улыбнулась Линда.

— Часто?

— Часто, наверно, ты не заслуживаешь...

— Прошу тебя, не думай обо мне, — серьезно сказал Арбен.

— Скромность украшает человека.

— Я не шучу. Не думай обо мне, не вспоминай меня... Хотя бы в течение нескольких дней.

— Но почему? — изумилась Линда необычности просьбы. — Тебе неприятно сознание, что я о тебе думаю?

— Не могу тебе объяснить, в чем дело, но позже... Когда мы будем вместе. Чему ты смеешься?

— Не обижайся. — Она прижалась к нахмутившемуся Арбену. — Просто я вспомнила притчу об обезьяне. Волшебник сказал одному человеку: «Хочешь, я верну тебе молодость и красоту?» — «Хочу», — отвечал человек, который был стар и согбен. «Для этого ты должен выполнить одно условие», — сказал волшебник. «Я согласен на все». — «О, это простое условие: в течение пяти минут ты не должен думать об обезьяне, вот и все. Пять минут — это как раз время, необходимое для твоего превращения».

— И что же?

— Волшебник исчез. Он с горечью убедился, что его условие невыполнимо.

— А человек?

— Он остался таким же — старым и немощным...

— Да, память не подвластна человеку, — глухо сказал Арбен. — Человека легче убить, чем отнять у него память. — Будто спохватившись, он посмотрел на часы.

— Время ушло как мартовский снег, — процитировала Линда.

— Поедем ужинать?

— Не хочется.

— И мне, — признался Арбен. — Куда же тебя доставить? В универсальный «Все для всех»?

— Я хочу домой. Уже поздно.

Арбен набрал на пульте нужные координаты и, включив автоводитель, отодвинулся от штурвала.

Ближе к окраине освещенность падала. Громады домов еле угадывались во мраке. Старые дома, лишённые окон, достались в наследство от того времени, когда лю-

ди панически — и не без оснований — боялись радиации, уровень которой неуклонно повышался. Теперь эти дома выглядели как уродливые коробки, но снести их все никак не могли. Реклама на окраине не так буйствовала, как в центре.

— Помнишь, ты привозил меня домой на такси, — сказала Линда, когда машина остановилась. — А теперь у тебя своя машина.

Арбен смотрел сквозь боковое стекло.

— Неплохая лошадка. У меня просьба, Арби: когда мы сядем сюда, и выедем из города, и возьмем курс на побережье — включи машину на полную скорость. Ладно?

Арбен кивнул, не отрываясь от окна. Но улица была пустынной. «Этой груше место в музее», — подумал Арбен, глядя на допотопный фонарь. Ветер раскачивал его, отчего желтый круг метался по земле. Давным-давно опавшие листья то попадали в освещенный круг, то снова уходили из него в небытие. Было очень холодно, со дня на день ожидался снег, но он все не падал.

— Чудесная машина. Я не видела такой, — сказала Линда.

— Нравится? — отвернулся от окна Арбен.

— Кроме, пожалуй, одного: зачем кабину обклеили пластиком? — Она потрогала поблескивавшую неровную поверхность. — Смотри, как бугрится. Можно подумать, что обклеивали вручную. О чем только конструктор думал?

— Грубая работа, — согласился Арбен.

— Может, снимем? — Линда сделала жест, как будто собиралась сорвать наклейку.

— погоди. Ты же не видела других машин этого класса. Может, сейчас такая мода?

— Все равно это уродливо. — Линда передернула плечами.

Фары машины бросали перед собой широкий сноп

света. Арбен уменьшил освещение, и сноп превратился в луч, устало упавший на старый асфальт.

— Я пойду, — сказала Линда после короткой паузы, во время которой она выжидательно поглядывала на Арбена.

Арбен открыл дверцу и уверенно вышел первым.

— Провожу, — сказал он.

— Наконец-то ты решил не делать этого тайком, — весело заметила Линда, опираясь на протянутую руку.

— А, ты об этом... — Арбен рассмеялся.

Каблучки Линды громко стучали, эхом отдаваясь в глухих закоулках. Арбен шел рядом, стараясь не уходить вперед. Он и сам не понимал, что заставило его выйти из машины. Желание побыть еще немного с Линдой? А может, стремление вновь почувствовать себя обычным человеком, который не должен готовиться ни к какому космическому полету, жить обычной жизнью? «До дверей и обратно», — сказал себе твердо Арбен.

Две исполинские тени пересекли дорогу и вскарабкались на стену дома, слившись с темной поверхностью. Одна была тонкой, другая — мужественно-широкоплечей.

— Смотри, наши тени не хотят расставаться, — тихо сказала Линда, замедляя шаги. Глаза ее блестели. — Вот мы уйдем, уедем отсюда, а они останутся. И всегда будут вместе.

— Доброй ночи, — сказал Арбен, когда они подошли к входу.

— Когда мы увидимся?

— Надеюсь, скоро.

— Буду ждать.

— Я позвоню тебе.

Линда помахала рукой и скрылась за лестничным поворотом.

Арбен не успел сделать и трех шагов, как навстречу ему от стены отделилась фигура. Казалось, она появилась из небытия и двигалась осторожно и бесшум-

но. Так шагать, не затрагивая опавших листьев, мог только Альва — его вторая половина, его горести и заботы, его трусость и неуверенность, разреженное облако античастиц, как бы вобравшее в себя частицу Арбена.

Фигура шагала медленно и неотвратно, словно сама судьба. Но Арбен не был ни суеверным, ни фаталистом. Встретив наконец Альву, он обрел то спокойствие, к которому тщетно стремился, ту уверенность, которую обещал ему Ньюмор, уговаривая согласиться на космический полет... Мысль работала четко, словно на выпускном экзамене. Альва не может превысить скорость три мили в час. Это хорошо. Но той же величиной ограничена и скорость Арбена. Это плохо. Однако гораздо хуже то, что Альва находится в более выгодном положении: он движется наперерез Арбену, отрезая ему путь к машине. Способность Альвы к маневру явилась для Арбена неожиданностью. «Словно кто-то по радио управляет его действиями», — мелькнула и тотчас погасла мысль.

Спасение там, в машине, в кабине, которую он собственноручно обклеил изнутри ионизированным пластиком. Но как добраться до нее?

Альва мог его успешно преследовать даже при равенстве их скоростей. Ньюмор перед началом подготовки уверял Арбена, что это не так. Ньюмор обманул его. Да, бессовестно обманул.

Говорят, тонущий человек за считанные доли секунды припоминает всю свою жизнь, начиная с детства. Может быть. Но перед Арбеном в эти мгновенья не промелькнул калейдоскоп бытия. Память, словно прожектором, выхватила из недавнего прошлого разговор с Ньюмором. Это было накануне того дня, когда Арбен вступил в биорадиокontakt с Альвой.

...«Практически Альва тебе неопасен, — сказал Ньюмор. — При такой скорости...»

«Скорость моя тоже будет не больше».

«В том-то и суть! — Ньюмор обнажил ровную подкову зубов. — Ты же инженер, сообрази-ка. А бежит за Б. У обоих одинаковая скорость. Догонит ли когда-нибудь преследователь А свою жертву?..»

Поначалу аргумент Ньюмора показался Арбену убедительным. Но чутье подсказывало: что-то здесь неладно.

«Ты, пожалуй, прав, если дело происходит на ровном поле. А если в городе?»

«Это не меняет дела, — бросил Ньюмор. — Будешь улепетывать по улице, только и всего. Говоря «улепетывать», я, конечно, преувеличиваю: ты будешь чинно шагать как ни в чем не бывало. Альва будет бесшумно топать за тобой, и расстояние между вами при этом не будет сокращаться ни на шаг».

«И куда же я буду чинно шагать?»

«Куда захочешь. У тебя будет миллион возможностей. Можешь дойти до ближайшей подвижной ленты и уехать на ней. Можешь добраться до станции подземки и сесть в поезд. Можешь, наконец, спокойным шагом дойти до своей квартиры, которую ты к тому времени обклеишь, надеюсь, вот этим. — Он протянул Арбену толстый рулон ионопластика. — Жаль: из этого нельзя сшить для тебя защитную оболочку. Тогда бы у нас вообще не было этого разговора».

Этот разговор блеснул в памяти Арбена, пока он шел прочь от Альвы. Последний все еще двигался медленно. Арбен шел с наибольшей возможной скоростью, чтобы выиграть время. Когда Арбен пытался ускорить шаг, упругая волна толкала его в грудь. Собственное тормозящее поле было неумолимо.

«От тебя требуется только одно: будь осторожен. Это значит — не столкнись с Альвой нос к носу. Тогда уж действительно тебе несдобровать. Ну а во всех других случаях тебе, поверь, ничего не грозит, как я объяснил». И еще сказал Ньюм: «Счастливчик, ты избавишься от своих забот и недуг, станешь самоуверен-

ным и отважным. Позже люди будут платить мне за это удовольствие столько, сколько я захочу».

«Ты, значит, намерен поставить производство на конвейер? Стать избавителем людей от страхов? Сделать всех героями?»

«А почему бы нет?»

«И скоро это произойдет?»

«Надеюсь. Для этого мне остается только удешевить Альву. Стандартизировать его. Первый экземпляр обошелся мне невероятно дорого. А потом... В общем, ты не будешь одинок».

«Так ты, наверное, приступил уже?..» — спросил Арбен, хорошо знавший скрытый характер приятеля.

«Нет еще, к сожалению», — покачал головой Ньюмор.

«Денег нет?»

«Деньги — пустяк», — пренебрежительно махнул рукой Ньюмор.

«Но ты же все истратил?»

«Подумаешь! Толстосумы, жаждущие спокойной жизни, предоставят мне любой кредит. Посуди сам: вместо всех этих модных курортов, водолечебниц, всяких душей Шарко и прочего я предлагаю подготовку к подвигу. До сих пор от нервных болезней вряд ли умели избавляться...»

«Ну уж... — усомнился Арбен. — Если все будут одинаково смелыми, умными, талантливыми, то это обесценится».

«Были же люди неграмотными, но оказались все способными усвоить знания. Я попросту стираю страх, как стирают тряпкой надпись мелом на школьной доске».

«А вдруг кто-нибудь захочет восстановить эту самую надпись на школьной доске?»

«Вряд ли найдется такой оригинал».

«А вдруг?» — настаивал Арбен.

«Я этим вопросом пока не занимался».

...Альва чувствует его. Кажется, он привязан к Арбену невидимой нитью. Стоит сделать шаг в сторону — и Альва послушно повторяет маневр. Арбен все шел, оглядываясь на ходу. До боли знакомая сутуловатая фигура старательно вышагивала за ним. Лицо, бессчетное множество раз виденное в зеркале... «Бегу сам от себя. А разве это возможно — уйти от себя?» — обожгла мысль.

Машина осталась поодаль. Ее черный выпуклый корпус маслянисто поблескивал под качающимся от ветра фонарем, кинжальный луч средней фары бессильно лежал на грязной брусчатке мостовой. И ни души на ночной улице...

Каждый шаг отдаляет его от спасительной кабины, обклеенной пластиком. Но повернуть к машине — значит столкнуться с Альвой. Тротуарные ленты уже выключены. Одна надежда — на подземку.

Никогда раньше Арбен не думал, что улица, на которой живет Линда, такая длинная. А может, это так кажется оттого, что он отвык ходить пешком за последнее время?

Арбен почувствовал, что замерзает, и сделал инстинктивную попытку пробежаться, но упругая волна тотчас ударила в лицо с такой силой, что он, задохнувшись, на мгновение остановился. Остановка обошлась ему в три-четыре драгоценных ярда. Расстояние сократилось, и Альва, войдя из тьмы в освещенный фонарный круг, теперь был виден до мельчайших подробностей. «Он бледен как смерть, — подумал Арбен. — Немудрено, что Линда при встрече с Альвой так перепугалась. Видно, Ньюмор что-то не рассчитал...»

Хорошо хоть, что улица прямая. Любой поворот — в пользу Альвы, который сможет срезать углы: каменные стены — не препятствие для этого легкого невесомого облачка, имеющего человеческий облик.

Так бы идти и идти... Но силы — он знал это — ско-

ро иссякнут. Он заперт в каменных джунглях города. Он сам себя запер в ловушку, а ключ спрятал хитрый Ньюмор.

Сердце билось медленными толчками, и каждый удар болезненно отдавался. Это было ощущение, о котором Арбен успел уже позабыть. Прошло некоторое время, прежде чем он догадался, в чем дело. Он волновался, волновался так, как ни разу еще за два прошедших месяца. Значит, к нему начинают возвращаться прежние страхи.

Арбен изо всех сил старался успокоиться: волнуясь, он помогал своему преследователю. Действительно, Альва за последние несколько минут заметно оживился. Быстрее задвигались его ноги, украшенные ботинками с магнитными присосками, незрячий взор был устремлен на Арбена, он даже руку вперед протянул, будто желая схватить ускользающую от него вторую половину своего «я».

Арбену казалось, что погоня длится уже давно. Целую вечность бежит он по этой улице, до жути безмолвной (бежит, еле переставляя ноги от усталости), а его преследует клубок забот и огорчений, и никуда от них не скрыться, не уйти.

Впереди неясно забелел купол, украшенный в вершине вензелем. Вензель бессонно горел в морозном мглистом воздухе, а над ним, совсем невысоко, мерцали равнодушные звезды. Станция подземки. Наконец-то! Сейчас он войдет в узкую дверь, опустит жетон в узкую щель автомата, и неуклюжий турникет вытолкнет его на бегущий вниз, к поездам, эскалатор...

Арбен почувствовал даже нечто вроде жалости к Альве. Будто это было одушевленное существо, а не искусное материальное образование, имитирующее его, Арбена. Будто он обманул простодушного Альву, перехитрил его. Будто взялся перевести слепца через оживленную улицу и бросил его посреди мостовой. Стран-

ная вещь! Он жалел Альву, будто младшего брата, будто какую-то частицу собственного «я», пусть и не лучшую. И разве не так оно и было на самом деле?.. Ликующее чувство избавления от смертельной опасности наполнило все его существо.

Ему показалось подозрительным, что у входа не видно ни одного человека. Обычно даже в самую глухую пору хотя бы два-три бродяги греются в теплом потоке кондиционированного воздуха, вырывающегося из отворяемых дверей. Он ощущал уже в ноздрях сухой нагретый воздух, еле заметно отдающий автолом и еще чем-то сладковатым, неприятным.

Четыре гранитные ступени... Арбен толкнул дверь. Закрыто!.. Он изо всех сил двинул ее плечом, отлично сознавая, что это бесполезно. Затем ударил кулаком по ледяному пластику. Рука, разбитая в кровь, привела его в себя. Ремонт, что ли? Впрочем, какое это сейчас имеет значение. Только теперь он заметил маленький листок, косо приклеенный к колонне: «На станции проводится проба воздуха на радиоактивность. Ближайшая станция подземной дороги...» Арбен отвернулся. Ближайшая станция подземной дороги не интересовала его. Чтобы добраться до нее, необходимо было свернуть, а в этом случае шансы Арбена на спасение обращались в нуль. Только в гонках по прямой он мог еще надеяться уйти от своего преследователя.

Альва неумолимо приближался. Теперь его скорость — Арбен определил на глаз — составляла предельные три мили в час, — средняя скорость среднего пешехода. Арбену почудилось даже, что на щеках Альвы загорелся румянец. Нет, это, наверно, причуды случайного ночного освещения.

Удивительно много мелочей можно заметить в считанные доли секунды. Не сродни ли это явление тому, что спичка, прежде чем погаснуть, вспыхивает ярче?

Арбен прислонился к колонне. Глупый конец. А разве не глупой была вся эта затея с подготовкой в космос и с Альвой? Ну что ж, вот и расплата. Как говорил Ньюмор: «За все в жизни надо расплачиваться. Не жетонами, так собственной кровью. Это величайший закон, открытый мною».

Альва шагнул на первую ступень. Именно шагнул — так сказал бы любой сторонний наблюдатель. Поддался иллюзии и Арбен. Он отлично знал, что Альва, обнаружив перед собой возвышение, просто приподнимается над ним, как поднимается пар над кипящим чайником, а ноги — те просто имитируют шаги. При этом диаманитные присоски не дают Альве оторваться от земли и подняться слишком высоко.

Как четко работает мысль! Сколько он мог еще сделать для Уэстерна! И ведь он искренне хотел совершить подвиг! Но через три секунды этот субъект, идущий прогулочным шагом, приблизится к нему, и все будет кончено.

Неужели от своей слабости не уйдешь? От нечистой совести не избавишься? И потом, это было так давно... Существует же, черт побери, какой-то срок давности?! Перед Арбеном мелькнуло бледное, искаженное смертельным страхом лицо Чарли.

...Это случилось давно, еще на втором курсе обучения. Они занимались в параллельных группах. Красавчик Чарли всех затмевал. Ловкий, подтянутый, всегда тщательно выбритый, даже в дни учебного поиска, когда чуть не каждый курсант обрастал бородой. Разумеется, Чарли пользовался наибольшим успехом среди представительниц прекрасного пола — иначе и быть не могло. Но это была только одна сторона дела, пожалуй, наименее важная. Куда удивительней было то, что при всех своих бесчисленных увлечениях Чарли ухитрялся оставаться первым среди первых. «Талант», — говорили одни. «Пройдоха», — пожимали

плечами другие. Как бы там ни было, никто лучше Чарли Канционе не мог решить комплексную инженерную задачу, а когда в Училище приезжала инспекция с Базы или из Центра, начальство неизменно выставляло Чарли на переднюю линию огня. Арбен долго крепился, снedaемый завистью. Он понимал, что не ему, с его средними задатками, тягаться с блестящим Чарли. Арбен был старателен, очень старателен, но тот результат, которого он добивался упорным многодневным трудом, давался баловню судьбы Чарли шутя. Притом инженерные решения его по изяществу и остроумию далеко превосходили любые проекты Арбена. «Сработано топором» — так однажды выразился экзаменатор, рассматривая проект городского подземного перехода, представленный Арбеном.

Стоял жаркий июльский полдень. Все изнывали от небывалого в этих широтах зноя. Арбен, уроженец севера, чувствовал себя отвратительно. Он, помнится, долго слонялся по учебному аэродрому, прежде чем вошел в ангар. Постоял у дверей, пока глаза привыкли к полумраку. Здесь было прохладно, и Арбен решительно направился в ангар. Внезапно он остановился. Впереди, в самом центре золотистого солнечного конуса, льющегося с потолка, стоял Чарли. Его античное лицо было серьезно. Арбен присмотрелся. Чарли возился у катапульты. «Разве у него завтра полет?» — подумал Арбен.

Принцип действия катапульты был несложен. В случае опасности нажималась кнопка, верхушка корабля открывалась, и пилот со страшной силой выбрасывался вверх. Механизм был запрограммирован так, что в случае нужды мог сработать и автоматически, как и произошло в том легендарном случае, о котором ходили рассказы.

Видимо, Чарли интересовался автоматическим включением катапульты. Арбен знал, что при пожаре замыкается химическая цепь, которая и включает взрывное

устройство катапульты. Чарли, видимо, представлял это не очень ясно. А может, он хотел понять процесс во всех тонкостях? Арбен присмотрелся. Конечно, он возится с химическими реактивами. Наверно, желает самостоятельно составить включающую цепь.

— Хочу выяснить, может ли эта штука сработать самостоятельно, — кивнул Чарли на высокое кресло, похожее на трон.

Чарли небрежным жестом опустил рубильник, затем подпрыгнул и ловким движением опустился в кресло учебной катапульты. Он решил испытать действие нового реактива, составленного им самим, как впоследствии установила комиссия.

Сверху упал солнечный луч, и тонкая медная проволочка в пробирке ярко заблестела. Перед тем как сесть в кресло, Чарли поставил в штатив песочные часы, и золотистая струйка песка побежала в нижнее отделение пробирки, отсчитывая положенные ей пять минут. Чарли вздумал проверить, каким запасом прочности обладает придуманная им система. Он был уверен, что реактив не сумеет за пять минут разжесть проволочку и тем самым включить катапульту. Чтобы проверить это, достаточно было загрузить катапульту балластом, но Чарли, не задумываясь, сам вскочил в кресло. В чем, в чем, а в недостатке храбрости его нельзя было упрекнуть.

Чарли сжал подлокотник, и сверху на него опустился прозрачный купол, выполненный из армированного пластика. Теперь он напоминал космонавта в кабине корабля — классическую картинку из детской книжки. Там со страницы на страницу кочевали именно такие конфетные красавчики.

«Это уж он напрасно, — подумал Арбен, глядя на массивный купол. — Хвастун!..»

Золотистая кучка песка медленно росла на дне пробирки. Медная проволочка истончилась настолько, что ее трудно было заметить простым глазом.

«Слезай, хватит!» — хотелось крикнуть Арбену. Но он не крикнул. Может быть, потому, что купол, под которым сидел Чарли, был звуконепропускаемым?

Как зачарованный смотрел Арбен на тоненькую песчаную струйку. Наконец-то! Струя иссякла. Пять минут прошло. Чарли улыбнулся Арбену и приветственно помахал рукой. Затем опустил руку на подлокотник... но прозрачный купол не поднялся. «Заело», — сообразил Арбен. Сквозь поблескивающую оболочку он видел, как побледнело красивое лицо Чарли. Он привстал и изо всех сил налег на препятствие, но герметический купол не поддавался. Купол служил для испытаний в ядовитой среде, и сорвать его вручную было почти невозможно.

Чарли жестами показывал Арбену на пульт. Он что-то кричал, но слов не было слышно. Однако Арбен понимал, что от него требуется: подойти к пульту и включить аварийный стоп-сигнал. Тогда катапульта будет заблокирована. С минуту Арбен делал вид, что ничего не понимает. Он разводил руками, старательно изображая на лице сочувствие. Но жесты Чарли, великолепно владевшего собой, были настолько ясны и выразительны, что дольше тянуть не было никакой возможности.

«Ангел в мышеловке», — подумал Арбен. И еще он подумал, что, когда Чарли выберется из-под купола, он не простит ему проволоочки.

Между прочим, медный отрезок уже не виден. Арбен медленно протянул руку к стоп-сигналу, и в этот миг его оглушил резкий звук струны, лопнувшей над самым ухом. Мертвенное оранжевое пламя вырвалось аккуратным веером из-под катапультной установки. Капсула рванулась кверху. Метра через три прозрачный купол отвалился в сторону. Поздно!.. Кто это так тонко, заячьи закричал? Чарли или он сам?

Высокий волнистый потолок ангара глухо охнул от многотонного удара. Дрогнули крестовины переплетений, не рассчитанные на такие нагрузки. Осколки облочки посыпались вниз, один из них больно ударил Арбена в плечо. Арбен, задрав голову, глядел вверх, он окаменел, не в силах пошевелиться. Наверху расплывалось страшное пятно, сквозь которое пробивалось солнце. Сверху на рубашку Арбена упала тяжелая капля. Как замороженный, он тронул ее пальцем, затем поспешно вытер руку тряпкой, которой десять минут назад пользовался Чарли, и опрометью бросился вон из ангара...

...Человек прижался спиной к стене, раскинув руки. Второй, преодолев подъем, не спеша приближался к своему двойнику. Неожиданно человек, казалось, влипший в стену, оторвался от нее и так же не спеша двинулся вокруг купола. Картина напоминала замедленную съемку погони. Если увеличить скорость ленты, зритель увидел бы отчаянную гонку, ставкой в которой была жизнь. Но не было ленты, как не было и зрителей безмолвной сцены.

Альва, словно ожидал этого, такой же деловитой походкой двинулся за своей половиной, нырнувшей за купол. Облако скользило вдоль стены, облицованной пластиком, не имея возможности пересечь ее и, продвинувшись напрямик, завершить затянувшуюся погоню.

Несколько минут подарила ему судьба. Несколько минут, не больше. Арбен понимал это. В гонках по кругу Альва превосходил его. Казалось бы, при равной скорости преследователя и преследуемого последнему ничего не грозило, по крайней мере, до тех пор, пока он не свалится, выбившись из сил. Увы, Арбен знал, что это не так. Развязка должна наступить гораздо раньше. Это не гонка по прямой, где ему нужно уходить вперед,

ни о чем не думая. При движении по кругу у Альвы появлялось значительное преимущество — возможность мгновенно менять направление движения на противоположное, тем самым идя на сближение с жертвой. Арбен, естественно, не мог проделать то же самое сразу, и расстояние между ними таяло. Да мог ли вообще Арбен тягаться в совершенстве стратегии со столь тонкой кибернетической системой, какую представлял собой Альва? А кроме того, Альва угадывал малейшее движение своего двойника, он рассчитывал, каков будет следующий шаг Арбена, и в соответствии с этим строил план погони.

Арбен боялся оглянуться. Ему чудилось на затылке тяжелое дыхание, хотя Альва, конечно, не дышал. Нервы. Мог ли он подумать, что стальные нервы — подарок Ньюмора — вдруг разлалятся в последнюю минуту, перед самым финалом? Ему чудится всякая чертовщина, и даже Чарли выплыл из подсознания, красавчик Чарли. А он всю жизнь безуспешно пытался отделаться от этого видения, которое мучило его, жгло по ночам и не давало покоя. Но о Чарли он не мог рассказать никому, даже самому близкому другу, даже Линде. Может, поделись Арбен с кем-нибудь — и ему стало бы легче. А тут подвернулся Ньюмор с таким заманчивым предложением — переписать, перенести на бессловесного Альву все тревожные воспоминания, волнения, все, что тревожит Арбена, что мешает стать уверенным в себе звездолетчиком.

Они сделали несколько кругов вокруг купола подземки. Только шаги Арбена нарушали ночной покой — Альва двигался бесшумно. С каждым кругом расстояние между ними сокращалось.

Арбен чудом увернулся от протянутой к нему, слабо светящейся бесплотной руки Альвы. Куртка Арбена задымилась и вспыхнула. Отвратительно запахло жженой шерстью. Арбен сбросил куртку на ходу.

Дрожащим шагом идя вокруг купола, он отчаянным

взглядом окинул расплывчатую, неясную перспективу длинной, ровной улицы, по которой он прошел сюда двадцать минут назад. В самом конце улицы скорее угадывался, чем виделся, узкий луч средней фары машины. И мысль, простая и блестящая, озарила меркнувшее сознание Арбена. Он может свернуть на эту улицу и двигаться к своей машине. Альва, конечно, пристроится сзади, но это уже не страшно: в гонках по прямой, да еще на таком сравнительно коротком расстоянии, Альва вряд ли догонит его.

Отчаянный рывок — и вот уже Арбен оторвался от спасшего его купола и вновь зашагал по улице. Арбен старался не размахивать руками, чтобы не задеть Альву — тот шел за ним чуть не вплотную.

Каждый шаг теперь приближал Арбена к спасению. Машина стояла в неприкосновенности, там, где он оставил ее, провожая Линду. Она уже спит, наверно. А может, читает. «Зов бездны»? «Дорогу к наслаждению»? — она выписывала эти журнальчики. Или «Вечерние грезы» — пустую газетку, почему-то печатаемую на желтом пластике?

Ему нужно время, чтобы открыть дверцу. Затем успеть сесть внутрь и захлопнуть ее, чтобы Альва не успел просочиться. До машины шагов пятнадцать... десять... два шага... Арбен рванул на себя дверцу и упал на пол кабины. Послышался звук, похожий на треск разрываемой материи, и белая вспышка озарила все вокруг. Боль в затылке пронзила его и жаркими волнами растеклась по всему телу. Но пружина исправно сработала, и дверца захлопнулась сразу за Арбеном.

Придя в себя, Арбен слабо застонал. Голова раскалывалась на части. Онемевшее тело казалось мешком, набитым ватой. Он тотчас припомнил погоню и чудес-

ное избавление. С трудом поднявшись на руках, он глянул в переднее стекло. Отшатнулся: на него глядело бледное привидение, прилипшее к стеклу. Неужели это он, Арбен?.. Нет, он смотрит не в зеркало. Альва с тупым упорством выбрал место, от которого расстояние до Арбена было наименьшим. Неподвижное лицо напоминало маску, руки жадно обхватили радиатор. Альва, пребывая в полной неподвижности, ждал, пока жертва выйдет наружу, — терпения ему было не занимать.

Арбен вздохнул — так вздыхают, только избежав большой опасности, — и потрогал пальцем уголок отклеившегося пластика, старательно прижав его к стенке кабины.

Дав себе немного отдохнуть, Арбен нажал стартер. Машина тронулась с места. Лицо Альвы соскользнуло со смотрового стекла. Туловище медленно съехало с радиатора.

Когда Арбен развернул машину, он оглянулся. Фигура Альвы, слабо освещенная фонарем, быстро таяла.

Арбен закурил, стало легче. Но все равно затылок страшно ныл.

Итак, попытка избавиться от Чарли не удалась. Мертвый, он продолжал тревожить Арбена. Даже Альва сумел прекратить его посещения только на два месяца. Тревожное воспоминание вернулось...

* * *

Ньюмор вошел в лабораторию и тяжело опустился на стул. Он был в скверном расположении духа. Итак, опыт, столь блестяще начатый, придется прервать, перечеркнуть. И Альва рассыплется на элементарные частицы, исчезнет.

А сколько бессонных ночей, сколько надежд, сколь-

ко денег, наконец, связано с Альвой! Все пойдет прахом.

Ньюмор осторожно потрогал пальцем горло. После сегодняшней безобразной сцены в ресторане он сперва вспылал к Арбену гневом, но, к удивлению Ньюмора, злоба его быстро растаяла. Вместо нее возникла жалость. И еще — неясное предчувствие беды, навеянное сбивчивым рассказом инженера о злоключениях с Альвой. Что, если этот рассказ не плод его фантазии? Значит, в расчеты Ньюмора вкралась какая-то ошибка и Альва ведет себя не совсем так, как он предполагал. А может, всему виной сам Арбен? Чудак! Трус! Вдруг отказался от полетов. Ведь Альва глуп, как сорок тысяч роботов, и обмануть его ничего не стоило. Самоуверенность, которую приобрел Арбен в последние месяцы, обернулась против Ньюмора.

Но теперь уже поздно разбираться, кто прав, кто виноват. Ньюмор дал слово, и он сдержит его. Альва погибнет, и Арбен возвратится в прежнее состояние — незавидное состояние.

Ньюмор встал и прошелся по комнате. Пора было подойти к пульту и нажать кнопку вызова, но он бессознательно оттягивал этот момент.

В голове теснились непривычные мысли. Они волновали Ньюмора, лишали привычного спокойствия, на поверку оказавшегося призрачным. Так, гладь озера кажется стальной. Ничто в мире не может возмутить ее. И медленно проплывают в глубине облака, и деревья у берега равнодушно вглядываются в свои отражения — поверхность незыблема. Но налетит ветер — и покой исчезнет!

Вот так и его мир, размеренный мир Ньюмора. Надежно, казалось бы, закованный в броню непреложных законов. Формулы бесконечно сложны, верно. Но это ведь не перечеркивает их истинности? Они справедливы, Ньюмор мог бы голову дать на отсечение. В чем же де-

ло? Почему так непонятно ведет себя Альва? Нет следствия без причины, как не бывает дыма без огня. В чем же он все-таки ошибся, если физические основы конструкции незыблемы?

Пораженный внезапной мыслью, Ньюмор остановился посреди лаборатории. Наверно, так. Наверно, нельзя механически разделить человека на добро и зло, на пороки и добродетели. Лишь вместе все без исключения качества образуют тот таинственный сплав, который называем мы человеческой личностью.

ОКО ВСЕЛЕННОЙ

Повесть

Исследование планет главной
последовательности займет,
вероятно, промежуток времени
большой, чем предполагали наши
соседи
по Галактике. Это, разумеется,
объясняется
не только соображениями
космической навигации,
но и теми своеобразными условиями,
которые сложились
в звездной спирали.

Красильников В. Н. Основы космической
навигации. Москва — Фомальгаут, 2112.

Робот, возившийся с чаеваркой, блеснул выпуклым фотоэлементом.

— Предки бывают только у живых существ, — заметил он.

— И я так думал, пока не прочел эту книгу, — сказал Карранса.

— А что за книга? — заинтересовался Стафо.

— Седая древность, — махнул рукой Карранса. — Представь себе, напечатана на настоящей бумаге из целлюлозы. Двадцать первый век, эпоха освоения Марса. И знаешь, любопытная штука, я не знал об этом: тогда создавали роботов на манер нашего Роба из белкового вещества, и на каждого ухлопывали массу сил, средств и времени. Потом от них отказались. После одного случая.

— Какого случая? — спросил Роб.

— Для освоения Марса, чтобы помочь первым поселенцам в нечеловечески трудных условиях, учеными Зеленого городка был создан белковый робот Дор. Это была сложнейшая система, на которую возлагались

особые надежды. Но им не суждено было осуществиться. При запуске Дора на Марс что-то там в корабле не так сработало — до причины впоследствии так и не докопались. Так или иначе, а Дор — тью-тью! Вместо Марса улетел в открытый космос, — закончил Карранса.

— Его спасли? — продолжал расспрашивать Роб. Карранса покачал головой:

— Растаял навсегда, яко утренняя звезда.

— Где эта книга? — спросил Роб. — Я должен ознакомиться с ней.

— Возьми у Антуанетты, — сказал Карранса. — Но книга ветхая, еле держится. Если потеряешь хоть страницу — Анта голову оторвет!..

— У меня есть запасная, — невозмутимо заметил Роб, чем вызвал смех у двух людей, пьющих чай.

— Странная история, — пробормотал Стафо и отодвинул пустую чашку.

— Кстати, я забыл еще об одной любопытной детали, — хлопнул себя Карранса по лбу. — У человека, который сконструировал и воспитал Дора, такая же фамилия, как у нашего капитана.

— Санпутер?

— Да.

— Ты сказал капитану?

— Нет, — покачал головой Карранса. — Все забывал, да и случая подходящего не было.

— Зря не сказал, пилот, — вмешался в разговор робот. — А вдруг это далекий предок капитана?

— Мне это и в голову не пришло, — признался Карранса. — Мало ли на свете людей с одинаковой фамилией? И потом, такая толща времени между ними!

— А вдруг Роб прав? — сказал Стафо, и глаза его заблестели. — Представь себе, протянуть генеалогическую ниточку через несколько земных тысячелетий!

— Скажи капитану об этом теперь, пилот, — посоветовал робот.

— Только не теперь, — покачал головой Стафо. — Чем-то сильно озабочен наш капитан. Никогда его таким не видел. Не знаешь, в чем дело?

— Понятия не имею, — пожал плечами Карранса с невинным видом.

В этот миг слегка щелкнул видеофон, и чуть хриловатый голос капитана произнес:

— Пилот Карранса, немедленно зайдите в головную рубку.

На ходу задерживая «молнию» комбинезона, Карранса бросился к выходу. Согласно строгой инструкции выходить из каюты в коридор пульсолета можно было только в наглухо закрытом комбинезоне со специальным устройством, защищавшим от излучения: в той части пространства, которую сейчас пересекала «Рената», космические лучи — эти «вечные странники» вселенной — были необычайно интенсивны...

Капитан внешне был спокоен.

— Отдохнули? — спросил он.

— Немного, — ответил Карранса.

— Посмотрите, — кивнул Карлос Санпутер на индикатор скорости корабля.

Часа за два до этого, когда Карранса по приказу капитана увеличил мощность центральных ионных двигателей, серебристая точка слилась с вертикалью на шкале. Теперь точка снова, словно нехотя, отползла в сторону от вертикали.

— Остается включить форсированный режим. Пойдем на пределе, — решил капитан.

— А если снова... — не удержался Карранса.

— Тогда сообщим о торможении «Ренаты» всему экипажу, — решительно ответил капитан.

* * *

Самый большой отсек на корабле занимало хозяйство Антуанетты Арпады, астробиолога. Дел у нее хва-

тало. Одна из целей дальнего поиска «Ренаты» состояла в исследовании различных космических форм жизни. Необходимо было проверить фундаментальную гипотезу о том, что в пространстве должны обязательно существовать мельчайшие споры — зародыши «мировой жизни». Да, ради такой задачи стоило рисковать жизнью, идти в опасный поиск.

Девушке не надоедала однообразная, бесконечная работа. А вдруг вот этот самый или следующий образец окажется счастливым? Она тщательно проверяла на биоустановке бесчисленные осколки метеоритов, которые захватывались магнитными ловушками «Ренаты». Много образцов доставлял ей Стафо, молодой штурман, специально для этого совершавший вылазки на внешнюю обшивку корабля. Они почти ровесники — Стафо лишь на год старше Антуанетты... Несколько минут назад уверял ее, что безумно влюблен в древние книги, и просил что-то дать почитать — такой чудак!

Книги были хобби Антуанетты. Много их, старинных сгустков мысли и давно отшумевших дел, бережно хранила она в заветном стеллаже. Тот из экипажа, кто не хотел иметь дела с микропленкой, обращался к Антуанетте и не без трепета брал в руки неуклюжий, тщательно подклеенный и обернутый в пластик прямоугольник, источавший характерный запах старой бумаги.

Занимаясь сложным экспериментом, в котором ей помогало несколько манипуляторов, девушка не сразу обратила внимание на вспыхнувший экран видеофона.

— Всему экипажу «Ренаты»!.. Всему экипажу «Ренаты»!.. Приказываю немедленно собраться в Большой каюте. Наблюдение и контроль поручить киберсхемам.

Это было нечто из ряда вон выходящее. Обычно, отдавая приказы по кораблю, капитан ограничивался видеофонной связью. Чутьочку старомодный ритуал сбора всего экипажа в Большой каюте был необычным и потому тревожил.

Антуанетта замешкалась с установкой, ей жаль было прерывать опыт. Установив строго стационарный режим и передоверив наблюдение манипуляторам, которых она называла младшими братьями Роба, девушка наскоро накинула на легкое ситцевое платье красную шерстяную кофточку, которая так нравилась Стафо, затем, вздохнув, натянула сверху серый комбинезон. Выскочила из отсека, стала на ленту транспортера и нажала кнопку.

В главной каюте уже все были в сборе, и Антуанетта примостилась сзади.

— ...Повышение мощности ионных дюз на целых двенадцать единиц тоже ничего не дало, — говорил капитан. — Главная опасность в том, что мы ничего не знаем о причинах торможения «Ренаты». Мы в ловушке, но еще не знаем в какой. Таково положение. Прежде чем что-либо решать, я хотел бы посоветоваться с вами. Прошу высказываться.

Обсуждение длилось минут двадцать. Решено было больше не тратить времени на выявление причин торможения.

— Итак, — подытожил капитан, — сделаем еще одну попытку вырваться из опасной зоны. Через пятнадцать минут будут включены на полную мощность все дюзы «Ренаты»...

Капитан постучал по столу, призывая к вниманию.

— Приказываю всем надеть противоперегрузочные костюмы и занять свои места. Объявляю готовность номер один!..

— Антуанетта! — Стафо остановил девушку, вместе со всеми спешившую к выходу. — Пойдем со мной!

— Куда?

— В рубку два. Там есть второе противоперегрузочное кресло.

— У меня в отсеке оно тоже есть.

— Зато будем рядом. Тебе ведь сейчас обязательно быть в биолaborатории.

Девушка на секунду заколебалась.

— Нет, Стафо... Я должна успеть обезопасить от перегрузок несколько установок.

— А манипуляторы? — напомнил Стафо, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу.

— Что-то не доверяю я им. Лучше сама все проверю, а то сердце будет не на месте.

* * *

В головной рубке воцарилась тишина, в которой четкие удары хронометра казались необычайно гулкими.

— До включения дюз маневра остается две с половиной минуты, — произнес капитан, наклонившись к мембране. — Доложите готовность.

— Готов! — произнес Карранса, застывший у пульта управления «Ренаты».

— Готов!.. — бросил Стафо, не отрываясь от штурманского экрана.

Когда все отсеки доложили о готовности, капитан кинул последний взгляд на индикатор скорости корабля. Проклятая серебристая точка успела сместиться уже так далеко в сторону, что между нею и вертикалью свободно уместилась бы ладонь.

— Включить дюза маневра! — скомандовал капитан, и Карранса повернул до отказа рукоятку мощностей.

Плотная волна перегрузок навалилась на людей, наливая свинцом тело, придавливая каждого к спинке противоперегрузочного кресла. На автоматически включившемся экране обзора перед капитаном возник стройный, как бы летящий силуэт «Ренаты». Из дюз маневра ее вырывалось ослепительное пламя, языки которого

терялись в бесконечности. Пламя было особенно ярким на фоне вечного мрака космоса. Кустики антенн кругового наблюдения по бокам и на носу «Ренаты» равномерно вращались, посылая изображения на бесчисленные экраны головной рубки.

Все было как обычно. Необычным было только одно: общая мощность двигателей никак не соответствовала фактической силе тяжести на корабле. Последняя была гораздо меньше расчетной...

Капитан коротко переговорил с гравистом, и тот подтвердил его наихудшие опасения.

При такой мощности дюз люди должны были бы буквально вдавиться в спинки своих кресел, не в силах рукой пошевелить. По расчетам Джеральда Иварссена, ускорение силы тяжести должно было составить величину порядка пяти Ж, а между тем стрелка ускорений показывала едва 1,9...

— Похоже, кто-то могучей рукой схватил сзади корабль и удерживает его, — пробормотал капитан, не отрывая взгляд от серебристой точки. Минуты тянулись так долго, что, казалось, время застыло.

Медленно-медленно двинулась серебристая точка в далекий путь к черной вертикальной нити. Она ползла настолько нехотя, что хотелось подтолкнуть ее.

Прошло полчаса, и сила тяжести на корабле начала ослабевать. Люди в рубках почувствовали невыразимое облегчение. Но это не радовало их: ведь это означало, что «Рената» крепко прикована к чему-то неведомому, и это неведомое цепко удерживает ее в своих смертоносных объятиях...

Серебристое пятнышко, не пройдя и полпути, замедлило движение, затем и вовсе замерло, после чего медленно поползло назад, прочь от черной вертикальной нити...

Прошло уже четверо суток с той минуты, как серебристая точка, движение которой впервые заметил пилот Карранса, начала свой роковой путь.

Двигатели маневра исчерпали свой ресурс и выключились. Ионные двигатели «Ренаты» продолжали работать на полную мощность. Несмотря на это, скорость пульсолета катастрофически падала. При столь мизерных скоростях, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы включить пульсатор.

Большой совет корабля заседал недолго.

— При максимальном режиме сгорания топлива нам хватит ненадолго, — заявил Карранса, тяжело поднявшись с места. Веки его покраснели от недосыпания, под глазами обозначились мешки. Он был первым пилотом корабля, и в странной и опасной ситуации, которая сложилась, ему доставалось больше, чем другим.

— Конкретней, — попросил капитан.

— Вот данные, полученные от головного электронного мозга. — Карранса протянул капитану несколько узких пластиковых полосок, испещренных цифрами. Карлос Санпутер низко наклонился над ними, с минуту изучая. Затем передал другим.

— Та-ак, — протянул Стафо, — цифры довольно красноречивы. За три-четыре месяца такого режима сожжем все до капельки.

— Другими словами, мы не знаем, какая сила взяла нас в плен, — продолжил капитан. Слова его тяжело падали в напряженной тишине. — И потому я считаю, что двигатели корабля следует полностью выключить.

— Выключить?! — не удержавшись, воскликнула Антуанетта. В первое мгновение ей показалось, что она ослышалась.

— Да, полностью, — подчеркнул капитан. — И лечь

в дрейф до полного выяснения причин, — он помедлил, — причин торможения.

Люди зашумели.

— Выключить двигатели «Ренаты» означает самоубийство, — бухнул Стафо, словно бросаясь в холодную воду. — Нам тогда всем не выбраться со дна этой потенциальной ямы.

— Что же вы предлагаете, Стафо? — спросил капитан. — Сжечь сначала остатки топлива, а потом опять-таки скатиться на дно ямы, но уже будучи абсолютно беспомощными?

Стафо подавленно умолк.

Мало-помалу с парадоксальным предложением капитана согласились все.

Антуанетта смотрела на Иварссена, полная дурного предчувствия. Хотя лицо «человека с железными нервами» было непроницаемым, в глазах его угадывались недоумение и растерянность. На какой-то миг девушке показалось, что действие происходит в замедленном сне и все это — мерцающие стены отсека, озабоченные лица товарищей, даже преданный взгляд Стафо, устремленный на нее, — призрачно и нереально.

Взоры экипажа обратились к Скале.

Все понимали, что в складывающейся ситуации фигура грависта становится заглавной.

— «Рената» не подвергается пассивному торможению, — сказал Иварссен.

— То есть как? — поразился Карранса.

— Дело обстоит совсем худо. Чем раньше мы это поймем, тем лучше, — сказал, как отрубил, Джеральд Иварссен. — Мы пока не можем понять природу внешних силовых полей, но они действуют на корабль не пассивно, а активно.

— Что это значит? — спросил капитан.

— Силовое поле тащит нас назад! — воскликнул Джеральд. — Понимаете, друзья? Тащит «Ренату» с

чудовищной энергией. Вот как рыбаки помогают тащить яхту на берег после морской прогулки. В нашем сферофильме!

Все задвигались, зашумели. Антуанетта почувствовала, как Стафо сжал ее руку, и ответила слабым пожатием.

— Значит, если выключить все двигатели... — начал Карранса.

— К этому я и веду! — подхватил Джеральд Иварсен. — Если выключить все двигатели — это отнюдь не означает, что мы подвергнемся свободному падению и на корабле воцарится невесомость. Нет! Под воздействием активных внешних сил корабль приобретет такое огромное ускорение, которое человеческий организм вынести не в силах.

— Какой величины? — спросил капитан.

— Порядка двадцати четырех Ж, — сказал гравист.

Кто-то присвистнул. Каждый понимал, что при таком ускорении не поможет никакое противоперегрузочное устройство — человек будет сплюснут в лепешку.

— Силовые линии поля сходятся к центру, — продолжал гравист. — Это дает основание считать, что падение корабля не может длиться бесконечно. Преодолев какой-то участок пути, «Рената» остановится.

— Но от нас к этому времени останется мокрое место, — невесело пошутил кто-то.

— Мы могли бы включить дюзы в качестве тормозящих, — предложил Стафо.

— И это не решает дела, — сказал капитан. — Таких мощных и загадочных полей мы еще не встречали. Перед ними наши двигатели бессильны.

— И в пульсацию мы войти не можем. Что же остается? — сказала Антуанетта.

— Искать другие средства, — ответил капитан.

— Мы в безвыходном положении, — прошептал кто-то еле слышно, но его услышали все.

— Безвыходных положений не бывает, — отрезал капитан. — На время обратного пути, до полной остановки корабля, я предлагаю всем нам лечь в анабиоз. Вот что, — полуобернулся он к невысокому плотному мужчине с тронутыми сединой висками и волевым подбородком. — Вам, Либеро Кромлинг, нужно в кратчайший срок рассчитать для каждого члена экипажа кривую охлаждения биораствора, его концентрацию и все остальное. Исходные внешние данные возьмите у гравистов, — указал он рукой на Джеральда Иварсена.

Антуанетта, не ожидая конца летучего совещания у капитана, поспешила в свой отсек. Дел у нее было немало. И, кроме того, хотелось хоть немного побыть наедине со своими мыслями. Предстоящий анабиоз — состояние между жизнью и смертью — страшил ее, несмотря на то, что она была биологом. А быть может, именно поэтому Арпада слишком ясно представляла себе, насколько хрупка и тонка стенка, отделяющая при анабиозе бытие от небытия. А тут еще это загадочное силовое поле... Недаром капитан потребовал рассчитать для каждого члена экипажа наново режим погружения в анабиоз. И потом они все будут отданы в руки автоматики, которая должна будет в нужный момент вывести их из погружения. А кто знает, как поведет она себя в новых условиях?..

* * *

Штурман вел последние наблюдения по обзорному экрану, тщательно просматривая каждый квадратный метр внешней обшивки корабля. Ведь любой, самый мелкий дефект мог обернуться катастрофой, пока все они будут в анабиозе...

Внезапно корабль исчез, словно кто-то стер его с экрана. Стафо вертел туда и сюда регулятор, менял настройку — все тщетно. Экран заволочла непроглядная

мгла. Через несколько секунд она просветлела, по экрану побежали волны. Стафо совсем собрался было доложить капитану о неприятности с обзорной схемой — как будто других неприятностей не хватало! — как вдруг пелена раздвинулась, словно театральный занавес.

Все дальнейшее, что видел Стафо, выглядело до ужаса реальным, почти осязаемым.

Из глубины экрана выплыл корабль, замерший на старте. Нет, это была не «Рената». Неведомый корабль отличался от их пульсолета, как первый автомобиль отличается от гравихода. Скорее всего, сообразил Стафо, это была старинная колымага, которой пользовались первопроходцы космоса. Неуклюжая на вид, но основательная ракета. «Как говорили когда-то, неладно скроен, да крепко сшит», — подумал штурман про чужой корабль.

Стафо даже ушипнул себя, но видение с экрана не исчезло. «Начитался Антуанеттиных книг, вот и лезет в голову всякое... С ума схожу, что ли?» — мелькнула тревожная мысль. Она-то и удержала руку штурмана, протянувшуюся к тумблеру видеофона, чтобы связаться с Арпадой.

Действие на экране разворачивалось бесшумно. Станным было еще и то, что движения действующих лиц то ускорялись, то замедлялись, словно по прихоти киномеханика, пускающего фильм. Главным в толпе, похоже, был высокий вислоусый человек. Он отдавал распоряжения, которым все подчинялись. Лицо его чем-то отдаленно напомнило Стафо лицо капитана «Ренаты» Карлоса Санпутера. Впрочем, задуматься об этом факте у штурмана не было времени. Он продолжал со всепоглощающим любопытством вглядываться в картины, которые, то ускоряясь, то замедляясь, сменяли на экране друг друга.

«Сейчас ракета должна стартовать, — сообразил Стафо. — У них нет еще антигравы. Значит, старт и

движение корабля основаны только на реактивном принципе».

Видение толпы вдруг растаяло. Его сменило замкнутое пространство корабельной рубки. Штурман «Ренаты» не без интереса рассматривал старинное навигационное оборудование, о котором знал только из книг.

После головной рубки по экрану потянулись другие отсеки корабля. В некоторых из них хранились материалы и законсервированные механизмы неизвестного назначения.

Людей, однако, Стафо на борту чужого корабля не обнаружил, хотя напряженно искал их, вглядываясь в свой экран до боли в глазах.

Неужели это всего-навсего заурядный автоматический бустер («Элеонора»? «Элегия»? «Элефант»?) Почему же люди Земли провожали его с такой торжественностью? В том, что корабль стартовал с Земли, а не с какой-нибудь другой планеты, у Стафо сомнений не было: такая великолепная растительность, которая перед этим проплыла на экране, возможна только на благословенной Голубой планете!

* * *

За годы полета «Ренаты» ни всему экипажу, ни кому-то одному из его членов погружаться в анабиоз ни разу не приходилось: вход корабля в очередную пульсацию и выход из нее осуществлялись для людей безболезненно. «Нырять в одном созвездии, выныриваем в другом», — любил говорить по этому поводу Карранса. На участках обычного полета больших перегрузок, опасных для человеческого организма, до сих пор также не бывало.

Но наступил грозный час испытаний, когда без анабиоза было не обойтись...

В биозале — приземистом, но просторном отсеке

овальной формы — шли последние приготовления. Отсек был расположен в срединной сфере — самом сердце корабля. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, тянулись люки — двадцать семь дверей, по числу членов экипажа «Ренаты». За каждой располагалось небольшое помещение со сложнейшим и тончайшим оборудованием, которое позволяло удерживать человеческий организм в течение длительного времени на грани небытия.

Группа Либеро Кромлинга в составе четырех человек с помощью специализированных манипуляторов придирчиво проверяла аппаратуру каждой биованны, тщательно следя за закладкой полученных расчетных данных в электронные индивидуальные устройства. От работы группы зависела теперь жизнь всего экипажа. Немалый объем работы падал на манипуляторы. Там, где требовались беспристрастность, точность и терпение, они были незаменимы.

Пройдет немного времени, капитан отдаст команду, и он, главный кибернетик «Ренаты», повернет белую пластиковую ручку рубильника, которой ни разу еще не приходилось касаться... И ровно через десять минут сработает реле автономного времени. От людей тогда уже ничего не будет зависеть. Все члены экипажа к этому моменту будут лежать каждый в своей ванне, стараясь, по инструкции, дышать как можно медленнее и равномернее и полностью расслабив мускулы. Тело их будет по грудь погружено в биораствор. Затем уровень жидкости в контейнере начнет повышаться, а организм — все глубже и глубже проваливаться в бездонный сон, близкий к небытию.

...Главный штурман сидел в кресле, откинувшись на спинку, в полной прострации. После короткого разговора с Антуанеттой, когда он отключил видеофон, экран опять ожил, наполнился непонятными видениями, которые нахлынули с новой силой. Разобраться в них было нелегко.

Действие теперь происходило в отсеках и переходах чужого корабля. Там кипела непонятная, но бурная деятельность. Люди в ней, однако, не принимали никакого участия: ни одного человека на борту бустера Стафо так и не обнаружил. Что ж, значит, его предположение оказалось справедливым — корабль и в самом деле автоматический. В самом по себе этом факте ничего странного не было. Непостижимым было другое — действия серебристого шара. Судя по всему, этот шар представлял собой киберсистему достаточно высокого класса, единственную на борту. Однако, вместо того чтобы заниматься целенаправленной деятельностью, шар творил бог знает что. Он беспорядочно метался по отсекам, больше всего времени, как заметил Стафо, уделяя головной рубке.

Штурман «Ренаты» разобрался в одном: чужой корабль вела автоматическая система по курсу, который был проложен еще до старта. Однако у Стафо, который неплохо разбирался в звездной навигации трехмерного пространства, быстро создалось впечатление, что шар стремится изменить курс, поломать заданную схему, причем делал он это неумело, чтобы не сказать — беспомощно.

«Он погубит корабль: либо перегреет двигатели, либо взорвет баки со световым топливом, либо нарушит баланс».

Шар, поверхность которого непрерывно волнообразно колебалась, то пробегал щупальцами, словно пианист гибкими пальцами, по клавиатуре кнопок управления, отчего корабль начинал угрожающе рыскать, то дергал ограничитель скорости, то начинал вертеть все подряд верньеры на пульте.

Вскоре, однако, действия серебристого шара стали более упорядоченными. И тут Стафо совсем перестал понимать что бы то ни было. Шар зачем-то начал консервировывать манипуляторы и механизмы, явно предназначенные для работ на новой планете после высадки

на ней. Пробудив энергию очередного манипулятора, шар вкладывал в него какую-то программу.

Затем курс чужого корабля выровнялся — в этом Стафо убедился, кинув опытный взгляд на пультовые приборы.

Через некоторое время видения на экране «Ренаты» начали тускнеть, размываться. К этому моменту Стафо, хотя и вновь обрел способность двигаться, почувствовал себя вконец обессиленным. На несколько мгновений он прикрыл глаза.

«Я схожу с ума», — холодно, как о ком-то постороннем, подумал Стафо.

Его вывел из задумчивости сияющий экран вызова. Стафо поразился тому, как за несколько часов осунулось и постарело лицо капитана.

— Как у вас дела, Стафо?

— Все в порядке, капитан.

— Навигационный пульт?

— В норме.

— Курс корабля?

— Задан киберсхеме вплоть до пробуждения экипажа.

— Идите в биозал.

— Есть.

— Не задерживайтесь, — предупредил капитан. — На реле времени уже подана команда. Пожалуй, езжайте лучше на аварийном эскалаторе, он доставит вас за полторы минуты.

Экран погас.

Стафо, преодолевая слабость, рывком поднялся, привычно одернул противорадиационный комбинезон — никто из членов экипажа после начала тревожных событий так и не снимал его. Затем торопливо нажал кнопку вызова отсека Антуанетты. Перед ним медленно проплыла такая знакомая каюта, тесная от многочисленных установок. Цвета изображения были достаточно четкими,

и штурман ясно различал каждую пробирку, колбу и реторту.

Отсек был пуст.

«Наверно, Антуанетта уже в биозале», — решил Стафо. На всякий случай он включил экран обзора коридорной системы корабля. И тут же увидел, как в конце коридора, ведущего в центральный ствол, Арпада пытается открыть люк. Она отчаянно дергает его, но люк не поддается. В чем дело? Такого на «Ренате» еще не бывало. Стафо ударил по кнопке увеличения, и перед ним во весь экран выросла тоненькая фигурка девушки. Особенно бросились в глаза ее руки, вцепившиеся в дверную ручку, по-детски прикушенные губы и полные слез глаза.

«Анта, я иду к тебе», — хотел крикнуть Стафо, но вспомнил, что связь с коридорами односторонняя.

Каждый шаг требовал невероятных усилий. «Сказывается, видимо, увеличение силы тяжести», — подумал он. Стафо не знал еще, что причина здесь совсем другого порядка...

«Быстрее, быстрее!» — подстегивал себя Стафо. Он пошатывался и часто хватался за зеленоватые стены, а один раз больно ушибся об острый угол кондиционера воздуха. Иногда он на миг терял сознание, и волны марева затопляли пылающую голову... Но натренированные ноги несли Стафо вперед. И когда в минуту просветления Стафо оглянулся, он увидел, что преодолел почти весь путь. Последние метры совпали по направлению с нынешней траекторией «Ренаты». Сила тяжести из заклятого врага превратилась в друга. Стафо кубарем прокатился по коридору и с размаху ударился о люк. Влетев в отсек, Стафо поспешно оглянулся. Да, это тот самый отсек, из которого Антуанетта не могла выбраться.

Но Антуанетты тут не было.

Запыхавшись от быстрой ходьбы, Арпада вошла в биозал. Тут еще никого не было, кроме Карлоса Санпутера и Либеро Кромлинга.

— Что стряслось? — спросил капитан, посмотрев на раскрасневшуюся Антуанетту.

— Задержалась, потому что заклинился один из люков, — сказала Арпада.

— Да, мне об этом сообщили многие... — задумчиво произнес капитан. — Но все уже на подходе, сейчас соберутся.

Словно подтверждая слова капитана, несколько входных люков начали один за другим открываться, пропуская членов команды.

— Не будем терять время, — озабоченно сказал Карлос Санпутер, обращаясь к Антуанетте. — Занимайте свое место. Номер вашего отсека... — капитан посмотрел на подошедшего Либеро Кромлинга.

— Тринадцатый, вот он, перед вами, Антуанетта, — кивнул Кромлинг на матовую приземистую дверцу, ничем, кроме номера, не отличающуюся от соседних.

Пока они разговаривали, в биозале собрался почти весь экипаж. Антуанетта быстро огляделась: Стафо среди собравшихся не было.

— У вас счастливый номер. Не нужно терять время, — капитан легонько подтолкнул девушку к ее отсеку.

— Разрешите подождать Стафо? — негромко сказала Антуанетта, взявшись за ручку отсека.

— Для беспокойства нет никаких оснований, — ободряюще улыбнулся ей Санпутер. — Я недавно говорил с ним по видеофону, у него все в порядке, он появится здесь с минуты на минуту. Спокойной ночи!

Антуанетта медленно вошла в отсек, и капитан сам захлопнул за ней дверцу.

Между тем зал быстро пустел. Озабоченный Либеро Кромлинг указывал каждому его отсек, и люди входили туда.

* * *

Быстро раздевшись и аккуратно сложив одежду, Антуанетта шагнула в пустой контейнер. На нее тут же обрушились циркулярные струи густой маслянистой жидкости, в ушах зазвучала стремительно нарастающая музыка. Из тысяч отверстий в стенках били сильные и злые змейки. Но уже через несколько секунд Арпада перестала их ощущать. Постепенно, по сложной, специально рассчитанной для нее кривой, она насыщалась нонами, которые действовали на организм как наркотики.

Антуанетта не удержалась, покачнулась, и чуткие щупальца киберсхемы бережно подхватили ее, не давая упасть.

Девушка знала, что через несколько минут эти же щупальца перенесут ее, уже полубессознательную, в биованну, наполненную ледяной жидкостью, и осторожно опустят туда. Над поверхностью жидкости останется лишь подбородок. Она будет еще дышать, но все медленнее и медленнее. А уровень жидкости миллиметр за миллиметром будет подниматься все выше. И затем... затем провал в мертвый сон.

И те же автоматы вызовут ее к жизни, когда приборы сообщат, что бешеный бег «Ренаты» прекратился и на корабле воцарилась невесомость.

«Интересно, в какой кабине Стафо? Вот если бы в соседней...» Это было последнее, что успела подумать Антуанетта.

Когда Стафо убедился, что Антуанетты в отсеке нет, его в первое мгновение охватила острая радость: значит, она сумела открыть люк и теперь находится в биозале.

Ну что ж. Если он, Стафо, и погибнет, это не собьет «Ренату» с правильного курса. Его друзья, безусловно, разгадают тайну торможения пульсолета и найдут путь к родной планете.

Однако же чертовски глупо погибнуть вот так, из-за пустой случайности. Но нет, он так просто не сдастся. Стафо облизнул пересохшие губы.

Прежде всего нужно принять меры против перегрузок. Времени в обрез. Лента по-прежнему не работает. Бежать назад, в рубку, где есть противоперегрузочное кресло? Нет, не успеет...

Корабль под воздействием внешних неразгаданных сил уже начинал наращивать ускорение, и тело исподволь наливалось тяжестью.

Ага, есть идея! Стафо наглухо затянул до самого подбородка герметическую «молнию» комбинезона и быстро повернул регулятор баллона со сжатым воздухом, вмонтированного в ткань комбинезона, — это был аварийный запас на случай катастрофы. Комбинезон сразу раздулся, словно шар, плотная прорезиненная ткань облегла, стиснула штурмана, погнала кровь в верхнюю часть тела. От прилива крови к голове Стафо почувствовал легкое головокружение.

В этот момент сила тяжести резко, рывком возросла. Непреодолимая сила швырнула Стафо к стенке коридора. Штурман не успел выставить рук и больно ударился лбом о шершавый пластик, который продолжал спокойно светиться. Стафо яростно швырнуло еще раз, на стальную штангу-поручень. Он почувствовал во рту солоноватый привкус. Одновременно к горлу подступила

тошнота. «Ну вот и все», — только и успел подумать Стафо. Последним усилием воли он забрался в уголок коридорного отсека, за воздушный кондиционер, который мирно жужжал.

* * *

Он очнулся оттого, что автосистема комбинезона включила кислородную подачу. Стафо жадно глотал острую, восхитительно свежую струйку кислорода, бившую ему прямо в лицо.

Сила тяжести на корабле успела вырасти невероятно.

Сколько времени прошло? Стафо высвободил из-под многотонного тела левую руку и медленно пододвинул ее к глазам. На это у него ушло минут десять. Но усилия штурмана оказались напрасными: часы разбились от удара о стальную штангу.

Стафо бросил взгляд на отражающую поверхность кондиционера. «Я похож в раздутым комбинезоне на тот серебристый шар», — подумал он.

Малейшее движение стоило штурману невероятных усилий. Кровь тяжело стучала в висках.

Прежде всего выключить кислородную подачу: кислород необходимо беречь. Кое-как дотянувшись до узкого резинового патрубка, отходящего от шлема, Стафо стиснул его зубами и едва не вскрикнул от боли — передний зуб, которым он надавил, был выбит и еле держался. Стафо выплюнул его. Рот снова наполнился кровью, перед глазами поплыли цветные круги.

«Не раскисать!», — приказал себе штурман.

Самое время подкрепиться. При одной мысли о еде Стафо почувствовал тошноту. Но это не остановило его. Медленно, очень медленно двигалась его рука к карману комбинезона, где лежал пакет НЗ. Через каждые пять минут он разрешал руке отдохнуть. Вытащив па-

кет и надорвав пленку, он уже не сумел поднести его ко рту: тяжесть пакета превысила его силы. Пакет выскользнул из пальцев и глухо стукнулся о стенку, прилипнув к ней, — такой огромной была сила тяжести.

Тогда Стафо решил применить новый маневр. Он медленно и осторожно наклонился к пакету и вцепился в него саднящими зубами. Ему посчастливилось достичь цели, и он жадно впился в сочную, ароматную массу хлореллы. Превосходная пища, насыщенная витаминами, быстро восстановила его силы, и Стафо почувствовал себя немного лучше. Затем ему удалось высосать из плоского термоса несколько глотков крепкого кофе. Он поднял голову, она не была уже такой тяжелой.

«Раз уж я остался один из бодрствующих на борту, нужно добраться до рубки управления и проверить, как работают механизмы», — решил он.

Хотя раздутый комбинезон сильно мешал, Стафо не решался выпустить из него воздух. Он отлично понимал, что только благодаря сжатому воздуху все еще переносит перегрузки. А ускорение силы тяжести — штурман это ощущал — продолжало возрастать. И потому надо было торопиться.

Кое-как втиснувшись в штурманское кресло и включив противоперегрузочную систему на полную мощность, Стафо почувствовал облегчение. Но это длилось недолго. Снова стала мучить огромная тяжесть.

Очнувшись от тяжелого забытья, Стафо пошевелился в кресле, устраиваясь поудобнее. Дышалось тяжело, в груди хрипело.

Роб, Роб! Как он мог забыть о Робе!

Стафо нажал кнопку вызова, и через несколько минут в штурманскую рубку как ни в чем не бывало вкатился Роб. Выглядел он как обычно, только движения его стали, пожалуй, более замедленными.

— Где ты был, Роб? — спросил Стафо, насилу ворочая распухшим и тяжелым языком.

— В кают-компании, — с готовностью пророкотал робот в ответ. Он не выразил ни малейшего удивления, что видит штурмана бодрствующим, хотя, конечно же, знал, что все члены экипажа «Ренаты» должны в настоящий момент находиться в глубоком анабиозе. Традиция не программировать роботам эмоций, Стафо это знал, восходила к седой древности.

— В кают-компании для тебя нет работы, — заметил Стафо.

— Знаю, — согласился робот. — Но я не мог выйти отсюда.

— Люк заклинился? — воскликнул Стафо, живо вспомнив недавние события.

— Верно, и люк. Но это было потом. А поначалу я не мог подняться — лежал ничком: конечно-сти подгибались. Повышенная сила тяжести, — пояснил Роб.

— Как же ты поднялся?

— Потом щупальца адаптировались, все пришло в норму.

«Вот что значит самонастраивающаяся система! — подумал Стафо. — Роб автоматически приспособился к условиям повышенной тяжести... Права Антуанетта: как несовершенен человеческий организм!»

— Весь экипаж лег в анабиоз? — спросил Стафо.

— Весь, кроме тебя, штурман. А почему ты...

— Об этом потом, — оборвал Стафо. Хорошо, что Антуанетта сейчас там, со всеми. В состоянии глубокого анабиоза человеческий организм нечувствителен к перегрузкам.

— Ты должен сконструировать для меня новый манипулятор, — сказал штурман.

— Слушаю.

— Мне необходимо в этих условиях перемещаться по кораблю.

— Ясно.

— Но помочь тебе в конструировании я не в силах, — морщась, произнес Стафо. Каждое слово давалось ему с трудом.

— Цель понятна. С заданием справлюсь, — пророкотал Роб после непродолжительной паузы и выкатился из отсека.

Через некоторое время — Стафо потерял счет часам — робот неуклюже ввалился в штурманскую рубку, таща за собой странное сооружение: во все стороны от него торчало множество рычагов и трубок. В центре манипулятора помещалось сиденье, похожее на кокон.

Робот пододвинул манипулятор вплотную к креслу, в котором лежал беспомощный Стафо, и помог ему перебраться в кокон.

Итак, за дело! Сначала — в капитанскую рубку. Добравшись туда, штурман включил внешнее круговое наблюдение. За время его перехода ситуация снаружи резко изменилась. Если прежде поле наблюдения было чистым, то теперь «Ренату» окружало светящееся облако. Оно шевелилось и потому казалось живым. Близ боковых дюз — из них вырывалось ослепительное пламя, препятствующее движению корабля, — облака не было: казалось, оно боится огня. Зато все остальные части корабля, и в особенности нос, были сплошь окутаны бурой пеленой, которую не без труда пробивали локаторы «Ренаты»...

* * *

Он был стар, очень стар. Тысячи и тысячи лет успели протечь с тех пор, как он начал помнить и осознавать себя. Лишенный поначалу, до того как память перегрузилась, способности забывать, он помнил многое. Потом память начала слабеть, несмотря на все его усилия. Но все равно он продолжал непрерывно поглощать информацию. Накапливаясь в его бездонных блоках па-

мяти, она тихо оседала, подобно илу в ручье, взбаламученном случайным прохожим.

Странная вещь! Он великолепно помнил все то, что происходило с ним в пору, когда лет ему было немного. Картины раннего бытия настолько прочно врезались в память, что ему не составляло труда снова и снова прокручивать их перед мысленным взором, что он и делал. Хуже обстояло дело с более поздними событиями: когда он пытался вернуться к ним, они вспоминались смутно, словно в тумане.

Он представлял собой некий замкнутый в себе, самодовлеющий мир — сам себе раб и господин, бесконечно меняющий свой лик, подобно Протею, и в то же время в сути своей неизменный.

Впрочем, он создал немало других приборов и сделал множество научных открытий.

Кому нужны его открытия, его изобретения, накопленная им информация о космосе? Над этим он не задумывался. Подобного вопроса для него попросту не существовало. Кому нужно, чтобы сквозь мировое пространство миллионы и миллионы лет двигались космические лучи? Кому нужно, чтобы планета, на которой он обосновался, вращалась вокруг материнского светила, а также вокруг собственной оси? Кому нужно, чтобы день и ночь сменяли друг друга в вечном круговороте? Кому нужно, чтобы звезды сияли? Мир так устроен...

Да, прежде жажда познания окружающего мира была неутолимой. Теперь же она слабела с каждым оборотом его планеты вокруг материнского светила, и это не могло не пугать угасающий мозг.

Последние несколько десятилетий он пребывал в странном состоянии, которое на том же языке определял как «дремотное, летаргическое». Что касается языка, то он давно уже перешел на язык машинный, математический, язык символов и уравнений.

Погружению его в дремотное состояние, кроме весьма почтенного возраста, способствовало еще одно обстоятельство. Из аппаратов, которые он рассылал в окрестный космос, возвращался каждый раз все меньший процент. Тем самым струя информации, поступающей извне, непрерывно мелела, сужалась, и недогружаемый мозг все глубже погружался в трясину апатии.

Логика подсказывала: если дело будет так продолжаться и дальше, он увязнет в болоте бездеятельности настолько, что уже не сможет из него выбраться.

Из Центра мысли во все стороны радиально разбегались дороги, ведущие к автоматическим фабрикам, на которых монтировались аппараты — от космических бустеров до земснарядов для работ на поверхности планеты.

Он бесстрастно наблюдал по сводному экрану за пробуждением своей планеты. Движение на дорогах было слабым — не то что прежде. Аппараты из встречных транспортных потоков то и дело сталкивались, калеча и выводя друг друга из строя. Раньше такого никогда не бывало, отметил он про себя.

Посреди мыслящего города располагалась площадь, имеющая форму правильного восьмиугольника. Со всех сторон ее теснили строения, воздвигнутые в разное время. В самом центре площади возвышалась башня из литого хрусталя, нестерпимо сверкавшая под солнцем. В ней располагался тот, кто положил здесь всему начало, кто и поныне координировал всю деятельность чудовищно огромного комплекса, объявшего собой всю целиком планету. Во все концы планеты круглосуточно летели его импульсы-распоряжения: нечастые — ночью, более активные — днем.

Он, Дор, сам себя именовал с незапамятных времен Оком вселенной. Увы, Око с каждым годом слабело...

Он был стар, очень стар.

Быть может, предчувствуя приближение необратимой кончины, он начал время от времени записывать на пленку собственные внезапно возникающие мысли или просто яркие клочки воспоминаний. Человек назвал бы эти записи дневником.

Зачем Дор делал это? Пожалуй, он и сам бы не сумел объяснить. Видимо, ему, как и всякой достаточно высокоорганизованной системе, не хотелось, чтобы после смерти все созданное им погибло, поглощенное хаосом запустения.

«...Никогда не забуду, как «Электрон» мчался, приближаясь к субсветовой скорости. Картина мира вокруг резко изменялась. Одни звезды куда-то пропадали, другие начинали светиться фиолетовым пламенем. Я знал, что с точки зрения земного наблюдателя время на корабле как бы застывает, подобно студню. Проверить этот вывод теории относительности я не мог: хронометр на борту, показывающий собственное, или корабельное, время, работал как обычно, без всяких отклонений. Что же касается связи с Землей, то она при таких скоростях была почти невозможна. Правда, я ловил какое-то время сигналы с Земли, но они были очень слабы и почти не поддавались расшифровке. В одном из них мне почудилась команда вернуться. Но я этого не мог бы сделать, даже если б и захотел. Я, однако, не хотел этого.

Куда бы я хотел лететь? Все направления в пространстве были для меня абсолютно равнозначны. Все-таки нужно было научиться управлять кораблем. Постепенно продумывал, как к этому приступить.

Полети я на Марс, я навсегда остался бы прикованным к этой планете. словно грешник к ядру, любил приговаривать Рикардо Гардмен. Быть может, он имел в виду атомное ядро?.. Об этом я уже не узнаю никогда.

Каждую секунду расстояние между мной и конструктором-воспитателем увеличивается почти на триста тысяч километров.

Шли годы, складывались в десятилетия, которые, в свою очередь, слипались в медленные, неуклюжие века. Так шло корабельное время в отличие от земного, которое текло, разумеется, гораздо быстрее.

«Электрон» неся к галактическому ядру. Земля вспоминалась все реже, как далекий и нереальный сон.

Однажды я решил, что нельзя же вечно лететь сквозь вселенную, подобно световому кванту. Пресытившись полетом, я подумывал о каком-нибудь пристанище.

...Нет, я и теперь не жалею о содеянном. Люди сами воспитали во мне неумную жажду познания — пусть же расплачиваются за это!..

Я научился заряжать корабль энергией на ходу, используя встречные силовые поля. Теперь я использовал энергию для постепенного торможения.

Мне надоели звезда за звездой, созвездие за созвездием, искривленные поля, космические ливни. Все больше давала о себе знать изначальная программа, заложенная в меня воспитателями Зеленого городка: мне хотелось начать планомерное освоение какой-нибудь планеты — неважно, пусть это будет не Марс. И такая подвернулась. Планета — обломок черной звезды. Надо ли говорить, что поверхность планеты безжизненна?.. Тут я положил начало новой цивилизации».

Дор на несколько мгновений отвлекся от фиксатора мыслей. Перед внутренним взором вялого, опавшего серебристого шара медленно проплыли картины того, что сделано им на безымянной планете. Артезианские шахты прошивают планету по диаметру насквозь во всех направлениях. Одни манипуляторы, созданные по его проекту, неустанно грызут породу, добывают руду, другие выплавляют из нее металл, третьи делают из ме-

талла новые манипуляторы, новые машины... Во все стороны рассылаются космические аппараты. Возвращаясь, они приносят информацию о пространстве, удовлетворяя ненасытное любопытство Дора.

«Да, я — Око вселенной, — подумал он. — А для существа или системы низшего порядка я представляюсь чем-то вроде божества...» На этом сознание Дора затуманилось, щупальца подогнулись, и он снова впал в дремотное состояние.

* * *

Привычным движением щупальца, не сдвинувшись с места, Дор включил увеличение. Из глубины потрескавшегося экрана на него глядело странное сооружение. За время своего существования Дору приходилось иметь дело только с одним космическим кораблем — «Электроном», который прочно сохранился в его памяти. Некоторое время Дор внимательно сравнивал оба корабля. Новый корабль был несравненно более совершенным. «Он принадлежит не человеческой, а гораздо более высокой цивилизации», — сделал вывод Дор.

Корабль пришельцев шел, ни о чем не подозревая. Чтобы всесторонне обследовать его, Дор распорядился отправить навстречу кораблю космический аппарат, как раз готовый к запуску. Аппарат должен был облететь корабль и передать изображение с разных точек. «Разумные существа, если они там имеются, едва ли сумеют обнаружить бустер, — подумал Дор. — Здесь слишком сильны космические ливни. На фоне помех и шумов, создаваемых ими, маленький юркий аппарат должен остаться незамеченным».

Пока послушный бустер мчался к цели, наращивая скорость, Дор продолжал размышлять. Представители чужой цивилизации, да еще высокоразвитой, ему здесь, пожалуй, ни к чему. Они могут разграбить и присвоить все, что создано им на безымянной планете. А его, Око

вселенной, уничтожат. И впрямь, зачем он им? Все, что мог, он уже сделал и теперь напоминает выжатый лимон. Они-то в этом быстро разберутся! А оружия для самозащиты у него нет. Никакого. Ни в одну из программ, которые он осуществлял, оружие не входило.

Инстинкт самосохранения Дора оказался решающим. Дор решил только подождать передачи с посланного бустера, прежде чем приступить к действиям.

Да, оружия для защиты у него нет. Но есть одно преимущество — внезапность. Чужой корабль летит, ни о чем не подозревая. Он, Дор, пошлет несколько аппаратов, которые изучат его, прежде чем существа на корабле успеют сообразить, что, собственно, происходит.

Вскоре Дор убедился, что чужой корабль угодил в гравитационную ловушку, из которой и сам он сумел вырваться с превеликим трудом. Мощность двигателей этого корабля слишком мала — значит, им из ловушки не вырваться.

От бустера пришел сигнал о том, что он достиг корабля пришельцев. Дор расслабился — это значит отключился от всех прочих источников информации и принялся поглощать сведения, сообщаемые его посланцем.

Нудно, час за часом, тянулось время. Дор поглощал и обдумывал информацию, поступающую с юркого бустера, который, подобно маленькой пчелке, неумоимо облетал огромную для него тушу корабля.

Идет на ионной тяге... Это для него мало интересно. Дор с помощью сателлитов давно и сам научился конструировать такие.

Сплавы, из которых сделана обшивка... Что ж, это может представить интерес. Но для этого надо исследовать образцы непосредственно здесь, в лабораторных условиях, а не на расстоянии. Велеть взять образцы сразу? Нет смысла, пожалуй: можно спугнуть пришельцев. Нет, убежать, покинуть ловушку они уже едва ли смо-

гут — корабль слишком глубоко погрузился в силовую яму. Но они смогут насторожиться, привести в ход боевое оружие, если оно у них имеется, — тогда справиться с ними будет гораздо труднее.

Ну а все-таки: управляется корабль машинами-автоматами или живыми существами? На запрос Дора его посланец, включивший инфразор, вскоре ответил:

— Корабль, несомненно, управляется живыми существами.

— Сколько их на борту?

— Я насчитал двадцать семь биологических единиц, — сообщил бустер после продолжительной паузы.

«Это ничтожно мало для такого огромного корабля, — рассудил Дор. — Значит, они широко пользуются автоматикой. С нею ознакомиться будет интересно. Возможно, что-либо удастся использовать для улучшения работы здесь, на безымянной планете...»

— Что это за странное кристаллическое образование в носовой части корабля?

Бустер исследовал кристалл долго.

Кристалл — аппарат для управления гравитацией! Тот самый аппарат, который Дор безуспешно пытался построить в течение долгих столетий. Аппарат, дающий возможность сжимать пространство, свертывать его в рулон. Власть над пространством! Не к ней ли стремился Дор? Какую проникаемость, какое могущество приобретет тогда слабеющее Око вселенной! Быть может, этот аппарат сумеет влить свежие силы в дряхлеющую безымянную планету?

«План действий: захватить и причалить чужой корабль, вырвать его из потенциальной ямы придется тем же способом, каким в свое время вырвался и сам он, Дор. Последнее звено плана — разобрать его на части и использовать автоматические системы, а главное — аппарат для управления тяготением!»

А если на чужом корабле живые агрессивные особи? Самое простое — заклинить переходные люки в отсе-

ках. Сделать это можно с помощью наведенных вихревых токов в обшивке корабля. Тогда существа окажутся как бы запертыми в клетках... Дюзы чужого корабля лихорадочно пылали, время от времени меняя режим. Пришельцы пытались, хотя и безуспешно, вырваться из западни.

* * *

Для того чтобы удобнее было следить за результатом действия вихревых токов, наведенных в металлических переборках чужого корабля, Дор смонтировал в хрустальной башне новый экран, который мог улавливать биоизлучение пришельцев. Теперь перед роботом на выпуклой поверхности экрана денно и нощно светились двадцать семь точек. Светлячки перемещались по поверхности, совершая, с точки зрения Дора, беспорядочные, хаотические движения. Впрочем, их внутренняя жизнь ему не была понятной. Может быть, все точки погаснут, пришельцы успокоятся, и тогда можно будет приступить к выполнению дальнейших частей плана.

Вскоре, однако, Дор убедился, что ни одна светящаяся точка и не собирается гаснуть. Более того, хотя скорость перемещения «светлячков» на экране и замедлилась, их перемещения не стали более ограниченными. Это означало, что живые существа на корабле нашли способ бороться с заклиниванием люков. «Они оказались беспокойнее, чем я рассчитывал», — подумал Дор. Что ж, придется придумать другой способ их успокоения.

Дор припомнил одно давнее происшествие. Это случилось еще во время его полета на «Электроне». Проходя близ Альфы Лебеда, корабль попал в странные бурые образования. Пожертвовав несколькими собранными им манипуляторами, Дору удалось выяснить, что это были споры. Мельчайшие микроорганизмы образо-

ывали в пространстве мощные колонии. Анализ пробы дал неожиданный результат: споры оказались смертельно ядовитыми. Опасность, правда, они представляли только для живых структур — для Дора бактерии были совершенно безвредны. Эту культуру, обладающую способностью к быстрому самовоспроизведению, робот на всякий случай оставил, не уничтожил. Если взорвать контейнер со спорами возле чужого корабля, то облако опутает его.

Корабль герметически закрыт, отгорожен от внешнего мира? Неважно. Живые существа внутри корабля обязательно заинтересуются бурыми облаками. Любопытство — неотъемлемое свойство любых разумных существ. Они попытаются взять пробу вещества, образующего облака. Дор станет наблюдать...

Только одно беспокоило Дора.

Чужой корабль, падая в силовую яму, одновременно двигался в сторону безымянной планеты. Дор опасался, что существа на корабле рано или поздно ее обнаружат. А ему этого не хотелось.

Поначалу Дор решил соорудить помехи, забить ими следящие системы корабля. Потом отказался от этой мысли: внезапно возникшие помехи могли, чего доброго, возбудить подозрения у пришельцев. «Лучше всего, чтобы лишить их обзора внешнего пространства, транслировать в космос те картины, которые свободно рождаются в моем мозгу, — решил Дор. — Разобраться в них пришельцы все равно не смогут, зато будут сбиты с толку и не обнаружат безымянную планету».

Прошло еще несколько суток. Дор продолжал пристально наблюдать как за чужим кораблем, так и за жизнедеятельностью живых существ, его населяющих.

Близ корабля вспыхнул и распался на части посланный им контейнер, и на месте вспышки образовалось крохотное облачко, такое безобидное на вид и почти не приметное в солнечных лучах.

Последние дни Стафо все время мерз. Его знобило, несмотря на непрерывно включенную термоткань. Он совсем обессилел и часто непроизвольно засыпал. Кроме того, штурмана доводили до яростного изнеможения непонятные картины на всех экранах «Ренаты», напрочь закрывшие внешний обзор. Картины непрерывно сменяли друг друга, и доискаться в них смысла он не мог.

«Рената» как бы ослепла и шла в пространстве на ощупь, и сознание этого для штурмана было особенно невыносимо.

Мало-помалу новая идея овладела Стафо: он решил произвести вылазку на внешнюю обшивку корабля. Его беспокоили бурые облака, густеющие на глазах, — он их даже во сне стал видеть. «Если это враг, то для борьбы с ним его следует сначала изучить», — сказал себе Стафо.

Необязательно, конечно, было совершать вылазку самому. Можно было на наружную обшивку послать за пробой манипулятор. Но автоматика на «Ренате» в последнее время вконец разладилась, и Стафо потерял к ней доверие. А тут еще постоянное заклинивание люков в переборках... Нет, на автоматику сейчас лучше не полагаться!

Был и еще один мотив, по которому штурману непременно хотелось самому выйти в открытый космос. Ему хотелось собственными руками раздобыть для Антуанетты пробу бурых облаков.

«Мальчишество!» наверняка сказал бы капитан. Но Карлос Санпутер спит в анабиозе, как и все остальные члены экипажа.

Стафо протянет ей колбу, и Антуанетта улыбнется... Она уже скоро проснется. Скоро проснутся все. Сила тяжести на корабле продолжает падать в точном соответствии с кривой, предсказанной ЭВМ.

...Стафо пришел в себя от осторожного, но настойчивого прикосновения щупальца. Раскрыл глаза. Перед ним стоял Роб.

— К вылазке все готово, — сказал он.

— Что нового на пульте?

— Скорость продолжает падать.

— А сила тяжести?

— Тоже.

— Чувствую, — кивнул Стафо. — До нормальной силы тяжести еще далековато... Данные при тебе?

Робот протянул Стафо несколько узких полосок перфокарт. Штурман внимательно просмотрел их.

— Что ж, пока все идет так, как предполагалось, — заметил он, возвращая перфокарты роботу. — За исключением того, что «Рената» теперь слепа, как крот... — Стафо закашлялся и закончил: — Теперь уже пробуждение экипажа не за горами. Когда проснутся — сообщаем будем выпутываться...

Манипулятор донес Стафо до переходной камеры. Роб шагал рядом, чуть приотстав.

Послушный команде манипулятор, осторожно шагая, вынес штурмана на внешнюю обшивку «Ренаты». Тяжелые облака клубились над самой поверхностью корабля. В первые мгновения они произвели на Стафо впечатление густой, даже вязкой массы. Бурая пыльца оседала на гибких сочленениях манипулятора, на серебристой поверхности скафандра. Штурман посмотрел на Роба: тот в течение нескольких минут стал бурым.

Стафо вытащил колбу, какое-то время подержал ее открытой и затем тщательно закрыл. Проба взята! Антуанетта будет довольна.

За время вылазки Стафо успел убедиться, что внешняя обшивка корабля в приличном состоянии — он ожидал худшего.

— Пора обратно! — произнес в мембрану Стафо,

глянув на часы, и они с Робом двинулись к люку, ведущему в переходную камеру.

Штурман почти не удивился, что и на этот раз люк оказался заклиненным. Подобное случалось на корабле слишком часто, и Роб разработал простую, но эффективную процедуру для таких случаев. Вот и теперь он достал лучевой пистолет и провел невидимой струей строго по месту стыковки люка и обшивки — этого оказалось достаточным, чтобы люк открылся.

После переходной они направились в дезокамеру. Стоя под струями жидкости, Стафо задумчиво наблюдал, как с его скафандра клочьями спадает на пол бурая летучая масса. Что касается Роба, то ему процедура, казалось, доставляла удовольствие, он вертелся под струями так и этак и не спешил выключать душ.

Но, видимо, Стафо переоценил свои силы, да и вылазка переутомила его. Перед глазами штурмана появилось странное мерцание, которое стремительно усиливалось. Он хотел вызвать на помощь Роба, но губы и язык одеревенели, стали непослушными. В довершение всего вспыхнул экран, который с того часа, когда Антуанетта легла в анабиоз, включать было некому. Из глубины его надвигался на Стафо огромный серебристый паук. Щупальца его хищно двигались, поверхность колыхалась.

Стафо почувствовал, что летит в бездонную пропасть. Пальцы его разжались, и пробирка упала на пол. Глухой стук — было последнее, что слышал штурман.

* * *

Дор недоумевал: единственная светящаяся точка, оставшаяся на чужом корабле, вдруг покинула очерченную для нее область... «Существо покинуло корабль и вышло в открытый космос?» — констатировало Око все-

ленной. Что же это могло значить? У особи острый приступ клаустрофобии — боязни замкнутого пространства? Или, быть может, она просто повредилась в уме, оставшись одна на борту?

Светящаяся точка после некоторого времени возвратилась внутрь области, очерченной на биоэкране. Светлячок погас было на короткий миг, затем снова разгорелся, но тлел очень слабо, еле заметно. Око вселенной следило за биоэкраном круглые сутки, не полагаясь на отбившихся от рук помощников. Дор не хотел пропустить момент, когда светлячок окончательно погаснет, с тем чтобы вблизи изучить корабль. Все складывалось удачно. Корабль, который, очевидно, некому было вести, резко терял скорость и скоро должен был зависнуть в неподвижности в самом центре силовой ямы.

* * *

Проснувшись, Стафо поначалу не мог сообразить, что произошло. Он давно уже покинул манипулятор и спал в своем гамаке, но почему-то висел в воздухе, рядом плавало одеяло. Он сделал резкое движение, пытаясь схватить одеяло, и больно ударился локтем о стенку. Это его привело в себя.

Невесомость!

Какое-то время Стафо, кувыркаясь, плавал в пространстве отсека, погружаясь в давно забытые ощущения невесомости. Затем, перебирая руками по штанге, бросился к головному пульта.

Обзорный экран был по-прежнему закрыт сменяющими друг друга картинками, в которых штурман отчаялся уловить хоть какой-нибудь смысл. К счастью, на пульте имелись приборы, дублирующие работу друг друга. Один из них показывал, что все дюзы «Ренаты» отключились.

Хорошенькое дело! Пока он спал, автоматы, видимо,

уже включили механизм пробуждения экипажа. Лента не работала. Стафо прыгнул в манипулятор и помчался в биозал. Он отвык от состояния невесомости и чувствовал себя неуклюже. Что касается манипулятора, то он приспособился быстро и теперь покрывал огромные отрезки коридора, совершая математически рассчитанные прыжки.

Вот и биозал. У Стафо перехватило дыхание. Где-то здесь, за одной из этих двадцати семи дверей, крепким сном спит Антуанетта. Меньше чем через сутки он увидит ее!..

Штурман медленно обошел все двери. Там, за герметическими люками, происходит таинство пробуждения к жизни организма, погруженного в мертвый сон. Там действуют сложнейшие приборы, клеточка за клеточкой возрождая тело. Антуанетта когда-то рассказывала ему про анабиоз, и Стафо корил себя сейчас за то, что не столько слушал, сколько смотрел на нее. Впрочем, из ее рассказов он запомнил, что за двадцать часов до выхода человека из анабиотической ванны циферблат часов над дверьми начинает мерцать. И пришедшая в движение часовая стрелка, обегая за кругом круг, говорит о том, что процесс пробуждения проходит нормально.

Роб, расставив на доске шахматные фигуры, решал задачу, которую, по всей вероятности, сам и придумал — он любил подобные упражнения.

Постепенно штурманом начало овладевать беспокойство. Он снова обвел взглядом темные циферблаты. Неужели до пробуждения экипажа остается все еще больше двадцати часов?

Тишина в зале становилась гнетущей.

— Роб, когда на корабле воцарилась невесомость? — спросил штурман.

— Семь часов одиннадцать минут назад, — ответил робот, не отрываясь от доски.

Стафо произвел несложный подсчет. Пробуждение

должно занять сутки. Механизм его должен был включиться семь часов назад... Значит, циферблаты над люками должны мерцать уже в течение трех часов!..

Что-то неладно. Быть может, механизм пробуждения по каким-то причинам не включился? Что делать? Механизм действия биованн ему неведом. «Подожду еще немного», — решил растерявшийся Стафо.

Казалось, низкий потолок биозала опустился еще ниже и давит, мешает дышать.

У Стафо вдруг вспыхнуло желание подскочить к Робу, смешать шахматы, забарабанить кулаками по мягкому, податливому туловищу. Но в следующее мгновение разум подсказал ему, что Роб ни в чем не виноват. Круг его возможностей хоть и велик, но не безграничен...

«Если бы я был там, в биованне, то по крайней мере погиб бы со всеми. А так умру в одиночестве. И «Рената» навеки останется в дьявольской ловушке, подстроенной коварным космосом...»

— Подожду еще час, — вслух произнес Стафо, посмотрев на свои часы, — а потом, если ничего не изменится, попробую разобраться, что же все-таки произошло? Почему не включается механизм пробуждения?

* * *

По команде Дора на главных стапелях безымянной планеты спешно сооружался корабль-перехватчик. Он должен был подойти к чужому кораблю, замершему на дне ловушки, снять с него все ценные приборы, и в первую голову аппарат в носовой части, могущий свертывать пространство впереди по курсу. После этого надлежало изучить все, что находится внутри корабля.

Дор твердо решил: как только ракета-перехватчик будет готова, он сразу ее пошлет к чужому кораблю,

несмотря на упорный светлячок, никак не желающий гаснуть.

Сооружение перехватчика, однако, шло не так быстро, как хотелось бы Дору. Ему даже пришлось, впервые за полторы сотни лет, покинуть хрустальную башню и самому отправиться на центральные стапели. Это помогло делу — за несколько дней сборка корабля была почти завершена.

Передвигаясь по сборочной площадке, Дор почувствовал, что выбивается из последних сил. Палящее солнце заставляло его жалко ежиться, и никакая противорадиационная защита не помогала. Ночи тянулись бесконечно долго: он никак не мог отключиться, а без этого энергия в его блоках не могла аккумулироваться. Внимание Ока вселенной то и дело рассеивалось, и три или четыре раза он отдал манипуляторам команды невпопад, а это грозило серьезными осложнениями: самостоятельные системы могли выйти из-под его повиновения. Щупальца робота подгибались, лишенные былой силы.

Обратно до хрустальной башни Дор еще добрался. Старался перемещаться уверенно, без рывков, как в былые годы. Знал: на него отовсюду устремлены тысячи внимательных взоров. Только рухнешь — пощады не жди!..

* * *

Карлос Санпутер глубоко вздохнул и открыл глаза. Он навзничь лежал в контейнере, биораствор едва заметно колыхался, щекоча подбородок.

Тело капитана затекло, но он знал: шевелиться нельзя еще, по крайней мере, час. Об этом ему напомнил ласковый шепот пробуждающего устройства, об этом же говорило и табло, вспыхнувшее перед глазами. Руки и ноги были крепко обвиты многочисленными щупаль-

цами-датчиками. Либеро Кромлинг назвал эту стадию пробуждения «объятиями спрута». «Малоприятный этап, зато последний», — подумал капитан.

Голова после анабиоза была на редкость ясной, как бы стеклянной, но тело мучительно покалывали миллионы иголок. Это нервные клетки — нейроны пробуждались к новой жизни.

«Вероятно, я выйду отсюда последним, — подумал капитан. — Ведь я вошел в биованну позже всех... Нет, ошибаюсь. Последним, видимо, оказался Стафо. Он должен был вскочить в свой отсек после третьего аварийного сигнала». Они с Либеро Кромлингом ждали его до последнего момента, но у Стафо оставалась еще целая резервная минута.

Уровень биораствора постепенно понижался. Щупальца все более расслаблялись. Капитан с наслаждением пошевелил пальцами.

С улыбкой Карлос Санпутер, слегка пошатываясь, вышел из своего отсека. Тишина и безлюдность зала его поразили. Капитан недоуменно огляделся. Где же экипаж?

* * *

Когда Дор убедился, что за то время, пока его не было в хрустальной башне, на борту чужого корабля вместо одного светлячка оказалось два, мысль робота лихорадочно заработала. Что же за существа находятся в подлетевшем корабле? Быть может, они, чего доброго, размножаются делением, как одноклеточные организмы?

Дор связался с центральными стапелями.

— Запускайте корабль на перехват пришельца, — отдал он команду.

Манипулятор, ответственный за сборку корабля, помедлил с ответом.

— В чем дело? — строго спросил Дор.

Его помощник был «последним из могикан»: он принадлежал к первому поколению манипуляторов, созданных Дором на безымянной планете. Ветхий, скрипящий механизм был одним из немногих, кому Дор доверял, как самому себе. Помощник был почти так же стар, как основатель цивилизации на планете.

— Корабль стартовать не может, Око вселенной, — сказал помощник.

— Почему? Когда я был на стапелях...

— С тех пор кое-что изменилось, Око вселенной.

— Что это значит?

— Несколько минут назад один из монтажеров разогнался и врезался в корабль. Сам погиб и кораблю нанес серьезный урон.

— Случайность?

— Думаю, нет. Логически сопоставляя...

— Кто он? — перебил Дор, весь напрягшись: он начал уже догадываться, в чем дело.

— М-11, — сказал помощник, подтверждая его догадку.

М-11... Это дочерний механизм бустера, которого Дор послал на разведку к чужому кораблю.

— Каковы разрушения? — спросил Дор.

— Дюзы выведены из строя. Поправить дело в ближайшее время нет никакой возможности... — В голосе помощника Оку вселенной почудилось плохо скрытое злораство.

— Разберемся после, — отрезал Дор. — А сейчас возьми все свободные манипуляторы и готовь к старту «Электрон».

— «Электрон»? — Помощнику показалось, что он ослышался. — Но ведь он не был в полете с тех пор, как...

— Неважно.

— У нас нет штурманов: ни один из посланных в космос не возвратился.

— Я сам поведу «Электрон».

Когда «последний могиканин» отключился, Дор подумал, что опасность, которая нависла над безымянной планетой, даже больше, чем он мог предполагать поначалу.

* * *

— Добрый день! С пробуждением, капитан! — произнес незнакомец, приближаясь к Карлосу Санпутеру. Держался он сутуло, темная кожа еще больше подчеркивала страшную худобу. Седые пряди волос — и почти юношеское лицо.

Неужели это... Не может быть! Но вот человек усмехнулся, и у капитана исчезли все сомнения.

— Стафо!

— Добрый день, капитан! — повторил штурман со странной застывшей улыбкой. — А где же остальные?

Полтора часа кропотливого осмотра ничего не дали. Капитан, немного разбиравшийся в технике анабиоза, проверял одно внешнее реле за другим. Стафо, Роб и манипуляторы ему помогали. Реле времени было исправным, однако на пробуждение не включалось. Это могло означать только одно: повреждение следует искать не снаружи, а там, за массивными люками.

— Вскроем двери, — предложил Стафо.

— Нельзя, — покачал головой капитан. — Это грозит опасностью усыпленному организму.

— Но на Земле... — вставил Роб.

— В земных условиях — дело другое, — повернулся к нему капитан. — Там есть для этого специальные приспособления, которых мы лишены.

Карлос и Стафо продолжали разговор, а Роб подкатился к одному из люков — на нем красовалась цифра 13 — и принялся что-то рассматривать на полу, раздвигая щупальцами мягкие ворсинки.

— В каком состоянии «Рената»? — спросил капитан, после того как Стафо вкратце рассказал о своих злоключениях, начиная с того часа, как экипаж погрузился в анабиоз.

— Тут сведений немного. Видимо, вокруг корабля продолжают клубиться бурые облака. Те самые, пробу которых я взял.

— И это все?

— Все.

— Действительно, немного, — нахмурился капитан. — Ты не собирал сведений об открытом космосе?

— Видишь ли, Карлос... Каждый день на всех экранах корабля вместо картин окрестного космоса я видел... — Штурман замялся.

— Говори! — приказал капитан.

Стафо рассказал с загадочных видениях, фактически лишивших «Ренату» зрения.

— Дело серьезное, — сказал Санпутер, внимательно выслушав рассказ штурмана.

— Может быть, кто-то пытается вступить в контакт с нами? — высказал предположение Стафо, глядя на копошащегося Роба.

— Нужно разобраться, с чем мы имеем дело. Пройдем по самым важным отсекам корабля.

— С чего начнем? — спросил штурман, делая шаг к двери. — С головного отсека?

— Нет, с сектора Арпады.

— Антуанетты?

— Для нас нет сейчас важнее задачи пробуждения остальных членов экипажа. Попробуем поискать решение ее в биопроцессах, — сказал капитан.

— Разумно, — согласился Стафо.

— Роб, ступай с нами! — крикнул капитан.

Обзорный экран встретил их огненной свистопляской, к которой штурман успел уже привыкнуть, но которая поразила капитана.

— Да-а, дела, — только и сказал он и провел рукой по лицу, будто прогоняя наваждение.

Несколько минут они оба стояли как замороженные, глядя на калейдоскоп сменяющих друг друга картин.

...Гибкий сильный отросток ударяет по клавише, и на перфоленте посреди математических символов выскакивает дополнительный знак — маленькая горизонтальная черточка.

...Шар с колышущейся поверхностью, снабженный быстрыми упругими щупальцами, огромными скачками несется по слегка всхолмленной поверхности.

— Пойдем, Стафо. Экранами займемся позже. У нас есть дела поважнее, — сказал Карлос Санпутер и направился к выходу. Он был уже почти у люка, когда его остановил крик штурмана.

— Человек! Человек! — повторял Стафо.

— Где человек?

— Здесь, на экране, когда ты отвернулся, промелькнул человек.

— Гм, гм.

— Главное — этот человек был похож на тебя, Карлос! Такой же высокий, чуть сутуловатый... Вислоусый, широкоскулый...

— И все это ты рассмотрел за доли секунды?

— Жаль, Роба не было здесь. Он бы зафиксировал все на фотопленке! — с отчаяньем произнес штурман.

— Значит, чудеса еще не перевелись на белом свете! Ладно, пойдем в отсек Антуанетты, Роб там дожидается нас. Авось я еще когда-нибудь появлюсь на экранах «Ренаты», — усмехнулся Санпутер.

Ленты на корабле еще не работали, и до отсека Арпады им пришлось добираться пешком, точнее, пользуясь штангой невесомости. Оба, словно сговорившись, ни словом не упоминали о том, что больше всего их тревожило, — о судьбе остальных членов экипажа,

которые в положенный срок не пробудились от анабиоза.

Когда они вошли в биоотсек, там уже действительно находился Роб. Почти скрытый установкой для анализа микрометеоритов, он что-то делал у герметического куба. Это был контейнер, в котором Антуанетта хранила обломки вещества, доставляемые ей из внешнего пространства.

— Вот здесь я упал в обморок, когда вернулся с вылазки, — сказал Стафо, указывая на пол. — Хлопнулся, как барышня кисейная. Спасибо Робу — привел меня в чувство.

— Переутомление и перегрузки — это все понятно, — перебил капитан. — Но давай разберемся поглубже. Ни до, ни после в обморок ты не падал. Логика такова: вступил ты в контакт с бурым веществом — у тебя наступило резкое ухудшение самочувствия. Ушел от контакта — состояние улучшилось.

— Твоя логика хромает, Карлос.

— В чем?

— В том, что не было у меня с этой мерзостью никакого контакта!..

— А вылазка?

— Я был в гермоскафандре, а потом прошел дезокамеру. Что же я, космической инструкции не знаю? — воскликнул Стафо.

— Представь себе, например, некий магнит, — начал Санпутер после паузы. — Ты не знаешь его свойств, но хочешь избавиться от его воздействия. С этой целью ты запираешь его в герметический контейнер и думаешь, что достиг желаемого. Между тем магнит продолжает воздействовать на окружающее пространство и на тебя тоже...

— Боже, какой же я идиот! — воскликнул Стафо и хлопнул себя по лбу.

— Чем ты занят, Роб? — обратился капитан к роботу. Тот в ответ промычал что-то нечленораздельное.

— Чудеса продолжаются, — покачал головой Карлос Санпутер. — Впервые за годы полета Роб не отвечает на вопрос!

Стафо, заинтригованный донельзя, вслед за капитаном подошел к роботу. Тот, подогнув мощные щупальца, стоял перед контейнером, что-то напряженно изучая. О трудной работе мысли говорил кустик антенны, вращающейся быстрее обычного.

Дверца контейнера была открыта настежь. Стафо нагнулся и заглянул внутрь — колба с бурым веществом лежала на месте, и штурман облегченно вздохнул. Опасения, возникшие после разговора с капитаном, показались далекими и нереальными.

Лицо Санпутера, однако, оставалось озабоченным. Он опустился на корточки рядом с Робом и принялся рассматривать контейнер. Провел ладонью по месту на поверхности, на которое указал робот, и сказал:

— Гладко.

— Без оптического прибора вы ничего не увидите, — сказал Роб людям. Не сходя с места, он далеко протянул щупальце и, взяв на рабочем столе Антуанетты микроскоп, отдал его Карлосу.

Капитан приблизил микроскоп к подозрительному месту на контейнере, прильнул к тубусу и энергично завертел винты настройки.

— Что там? — спросил Стафо.

Вместо ответа капитан присвистнул и через несколько секунд, подвинувшись, уступил место у микроскопа штурману.

Штурман прильнул к тубусу. Перед ним блестела бесконечная серебристая поверхность передней грани контейнера. А посреди нее зиял глубокий кратер с рваными, как бы обожженными краями.

— Что это? — прошептал Стафо.

— Из контейнера произошла утечка, — бесстрастно, как всегда, произнес робот.

— Утечка чего? — повысил голос Стафо. — Ведь колба, как мы только что убедились, в порядке: она на месте и герметично закрыта!

Роб помолчал, раздумывая.

— Это верно, — сказал он, — бурое вещество на месте, но могла произойти утечка его эманации. Вот точка, куда она упала, — показал щупальцем Роб.

Люди низко склонились над полом.

— Вмятина слишком мала. Невооруженный человеческий глаз ее не различит, — предупредил Роб. — Вижу: капилляр тянется к двери.

Капитан распорядился:

— Роб, води нас по следу. Мы пойдем за тобой.

Санпутер и Стафо, ведомые роботом, покинули отсек Антуанетты и двинулись по коридорному сектору. Роб то еле двигался, напряженно вглядываясь в слабо освещенный пол, то возвращался назад, потеряв из виду тончайший капилляр. Найдя нужную ложбинку, Роб мчался так, что люди за ним не поспевали.

Робот остановился настолько неожиданно, что Стафо, наткнувшись на него, едва устоял на ногах.

— Что случилось? — спросил штурман.

— Я знаю, куда ведет капилляр, — сказал Роб.

Дальнейший путь они проделали в молчании. Стафо чувствовал, что сердце, раздувшееся в болезненный ком, вот-вот выскочит из груди.

Когда они вошли в биозал, Роб сказал:

— Здесь капилляр разветвляется на множество ручейков.

— Покажи, куда ведет каждый, — негромко произнес капитан.

Первая трещинка в полу привела робота к двери, на которой красовалась цифра 13.

— Кто там находится? — спросил Стафо.

— Арпада, — сказал капитан.

Перед дверью соседнего отсека робот возился довольно долго, исследуя каждый квадратный миллиметр пола, раздвигая по одной ворсинке.

— Сюда капилляр не подходит, — произнес наконец Роб.

Капитан усмехнулся:

— Этому повезло больше.

— А здесь кто? — спросил Стафо. Просто чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Этот отсек пуст, — сказал Роб.

— Пуст? — не понял Стафо.

— Здесь должен был погрузиться в анабиоз старший штурман «Ренаты», — пояснил капитан.

Стафо приник лбом к люку, за которым спала Антуанетта.

— Но почему? — прошептал он. — Почему эта проклятая эманация, или не знаю там что, протянулась сюда, а меня оставила в покое, не тронула? Почему она меня не поразила?

Робот промолчал: вопросы, на которые не знал ответа, он попросту пропускал мимо ушей.

...Какое-то время они пребывали в оглушенном состоянии. Нужно было выработать план действий, на что-то решаться, но сделать это было непросто. Сознание ответственности сковывало, подавляло.

Для начала с помощью манипуляторов смонтировали снаружи систему лучеметов, которыми пытались в упор рассеять бурые облака.

Восстановили — с помощью Роба — бегущие ленты, и теперь, как прежде, с легкостью могли перемещаться из отсека в отсек. И это тоже была пусть маленькая, но победа.

Пробирку с бурым веществом они уничтожили, как только покинули биозал. Распылили ее в аннигиляционной камере «Ренаты». Но для капитана и штурмана это было слабым утешением.

* * *

«Электрон» оказался в гораздо лучшем состоянии, чем ожидал найти его Дор. Оставалось только сменить кое-какое безнадежно устаревшее оборудование — и можно было идти на перехват.

Но тут Око вселенной одолели сомнения...

Некогда там, на Земле, на другом берегу времени, в Зеленом городке, люди привили Дору универсальное правило поведения: всегда, в любых обстоятельствах проявлять осторожность и уважение к жизни, в каких бы формах она ни существовала. И хоть много веков протекло с тех пор, многое из того, что происходило с Дором позже, потускнело в его памяти — навыки, привитые некогда конструктором-воспитателем Рикардо Санпутером, горели в мозгу робота ярко, огненными лирами.

Недаром в последние дни Дор в мыслях все чаще обращался к прошлому. Как только Дор начинал думать, что живые существа на чужом корабле будут уничтожены, его тело начинало перегреваться и каждая жилка вибрировала от перенапряжения, готовая лопнуть.

* * *

Когда капитан вошел к Стафо, тот лежал в гамаке, устремив глаза в потолок.

— Ну что мы можем? Что? — сорвался на крик Стафо. — Пойми же, капитан, мы в мышеловке!

— Встать! — рывкнул капитан.

Стафо нехотя поднялся. Донельзя исхудавший, желтый, он напоминал мумию.

— Знаешь, штурман, есть такой афоризм: если ты не будешь убивать время, оно убьет тебя, — уже спокойнее продолжал капитан. — Пока человек жив, жива и

надежда. Пойдем-ка в отсек Арпады, еще раз поколдуюем над загадкой анабиоза.

Капитан предложил отсек Антуанетты не без задней мысли: только там Стафо немного оживлялся и приходил в себя.

Держась за поручни, чтобы не слететь с бегущей ленты, они двинулись в путь. Когда они проезжали мимо биозала, Стафо обернулся и посмотрел на массивную дверь, пока она не скрылась за поворотом. Там, над двадцатью пятью дверьми, погасшие очи биочасов так и не вспыхнули.

Карлос Санпутер, однако, ни разу не обмолвился словом упрека. Он понимал, что творится на душе у Стафо.

— Афоризм насчет времени, которое убивает, сам небось придумал? — спросил Стафо.

— Сам, — признался капитан.

Они надолго умолкли.

— Послушай, Карлос! — нарушил молчание Стафо. — Ты веришь, что они проснутся когда-нибудь?

— Видишь ли, Стафо, в состоянии глубокого анабиоза человеческий организм гораздо менее уязвим к разного рода воздействиям. Зачем далеко ходить? На меня же, как видишь, эманация не подействовала. Да, кстати, и на тебя тоже.

— Так, может, рискнем? — произнес Стафо, и глаза его лихорадочно заблестели. — Черт с ней, с автоматикой! Давай сами включим механизм пробуждения.

— Я уже сказал — нет.

— Ты трус! — не сдержавшись, крикнул Стафо и тут же опустил голову: в чем, в чем, а в трусости, это знал каждый на борту «Ренаты», капитана не упрекнешь.

...После долгого пребывания в отсеке Арпады, которое и в этот раз не пролило свет на тайну затянувшегося анабиоза, Стафо почти все свободное время проводил в биозале. Обычно он повисал в воздухе и медленно, словно заиклившись автомат, обводил взглядом

темные циферблаты над дверьми анабиотических ванн. Чаще всего глаза его останавливались на отсеке № 13.

Что касается капитана, то он вел обычный напряженный образ жизни. Делал зарядку до седьмого пота, каждый день выкраивал время для тренажера. Регулярно наблюдал картинки на экране, пытаясь доискаться в них смысла. Приводил в порядок записи в бортжурнале, классифицировал и сортировал информацию, накопленную «Ренатой» в полете.

«...Может, кто-то и впрямь ищет с нами контакта? Чем черт не шутит!» — снова и снова спрашивал себя капитан, наблюдая за экраном. Человека, похожего на себя, Карлос Санпутер, правда, не увидел, приходилось полагаться на свидетельство Стафо. «Но если даже там, на враждебной планете, живые существа похожи на нас, то и у них есть чувство сострадания, у них есть желание узнать нас, понять нас, не уничтожая... Неужели нельзя рассчитывать на это?»

Санпутер сидел перед экраном, держась за поручни, чтобы не взмыть пушинкой к потолку. Мысль, что на враждебной планете живут существа мыслящие, и не только мыслящие, но и многими чувствами похожие на обитателей «Ренаты», вселяла в него уверенность, что контакт состоится и взаимопонимание возможно.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет над тайгой (рассказ)	5
Эстафета (повесть)	20
Прозрение (повесть)	114
Погоня (повесть)	197
Око вселенной (повесть)	281

Михановский В. Н.

М 69 Свет над тайгой: Науч.-фантаст. повести и рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1982. — 335 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

1 р. 10 к. 100 000 экз.

Книга научно-фантастических произведений советского писателя.

М $\frac{4700000000-086}{078(02)-82}$ 091—82.

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3146

Владимир Наумович Михановский

СВЕТ НАД ТАЙГОЙ

Редактор **В. Фалеев**
Художник **Ю. Манаров**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Пилнова**
Корректоры **И. Тарасова, Г. Василёва**

Сдано в набор 28.09.81. Подписано в печать 26.02.82. А03238. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 14,7. Учетно-изд. л. 15,3. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Заказ 1502.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 10 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ